



# УСЯТСКАЯ РОССЫПЬ

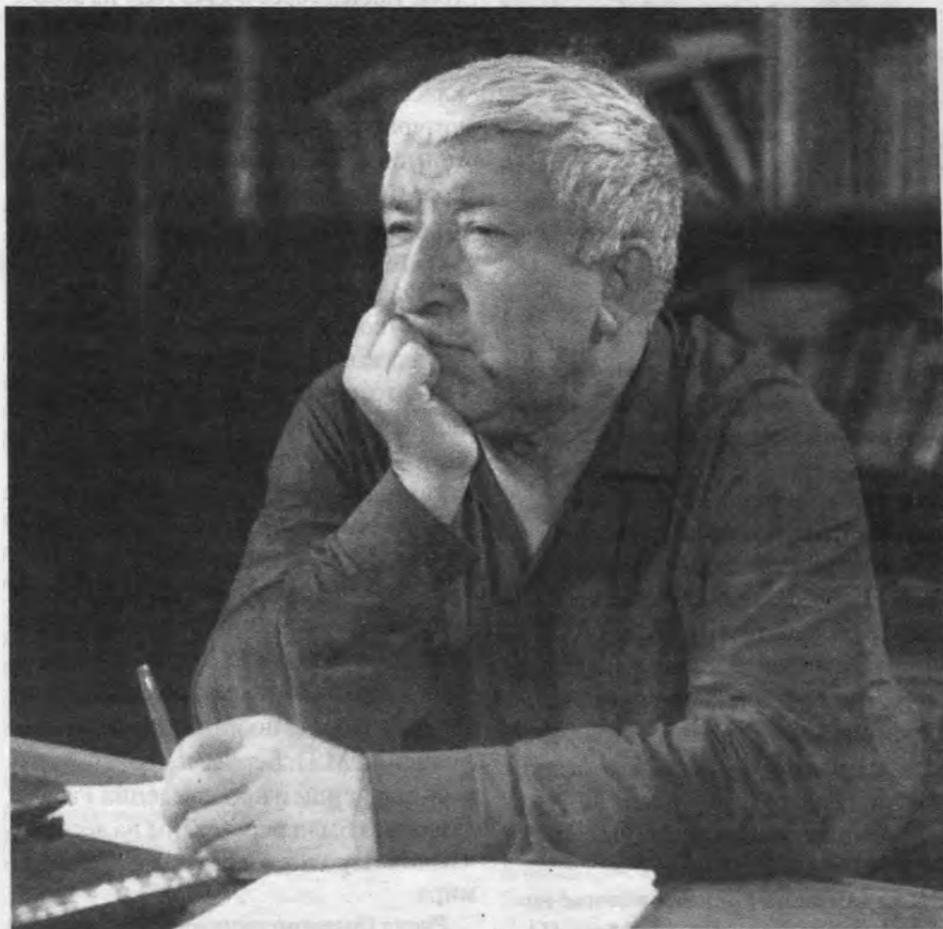
РЕГИОНАЛЬНАЯ  
ЛИТЕРАТУРНО-  
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ  
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №21, апрель 2024 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова - стихи, стр. 2;
- 2 – Анатолий Гуляев: «Размежевание», «О войне не всё рассказано» - публицистика, стр. 4;
- «Как мы Черчилля победили» - проза, стр. 9;
- 3 – Владимир Добротворский: «На плащдарме», стихи, стр. 11;
- 4 – Александр Макастревич: «Точка возврата», «Полуторка», «Крылья лебедей» - проза, пьеса в стихах, стихи, стр. 12;
- 5 – Людмила Танкова: «Белая волчица», «У магазина», «Динка», «Песнь соловья в пустыне каменной» - проза, стр. 20;
- 6 – Владимир Агафонов: «Мама» - стихи, стр. 25;
- 7 – Юрий Гамов: «Горсть земли Кузбасской на могилу солдата» - публицистика, стихи, стр. 26;
- 8 – Анатолий Бугаец: «Берёзы России» - проза, стр. 29;
- 9 – Виктор Давыдов: «Пятиактивное пианино», «Третий раз «в горящем танке» - проза, стр. 30;
- 10 – Ирина Жук: «Жаль того, что не любилось» - стихи, стр. 34;
- 11 – Надежда Кудрявцева-Кузнецова: «К 100-летию Карагайлинской сельской библиотеки» - публицистика, стр. 35;
- 12 – Любовь Середкина: «Донбасс! Как много в слове воли» - стихи, стр. 36;
- 13 – Константин Лапицкий: «Без укора светилась, любя» - стихи, стр. 37;
- 14 – Анна Стрик: «Тот, кто ждёт своё счастье, однажды его дожждётся» - стихи, стр. 38;
- 15 – Александр Формулевич: «За землю Русскую и Отчий дом» - стихи, стр. 39;
- 16 – Станислав Пономарёв «Гроза над Русью» - проза, стр. 40;
- 17 – Николай Миронов: «Донбасс – из стали» - стихи, стр. 44;
- 18 – Владимир Неунывахин: «Цена верности» - проза, стр. 45;
- 19 – Владимир Черноусов: «Блажь» - стихи, стр. 49;
- 20 – Николай Подсадников: «Если вдруг тебя снова поманит дорога» - стихи, стр. 50;
- 21 – «Не было ни гроша, и вдруг – алтын!», «Русские всполохи» - публицистика, стр. 51;
- 22 – «Юбилей кемеровского литературного клуба «Слово» - публицистика, стр. 55;
- 23 – Лилия Клапатун: «Жизни каждое мгновенье», стихи, стр. 56;
- 24 – Николай Янкин: «Жизнь продолжается...», стихи, стр. 56.



## К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова

*«Мне кажется порою, что солдаты,  
С кровавых не пришедшие полей,  
Не в землю нашу полегли когда-то,  
А превратились в белых журавлей...»*

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россось».  
Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.  
ИНН/КПП 4223044383/422301001  
ОГРН 1064223028572 от 27.12.2006  
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г. Управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу  
«БСТ-БАНК» АО  
к/с № 3010 1810 000 000 000 706  
БИК 043209706  
р/с № 407028109000000001744  
ОКПО 97770147  
ОКАТО 32437000000  
ОКТМО 32737 000  
ОКФС 16  
ОКОПФ 12300  
ОКВЭД 22.1,22.11,22.12,22.13,22.15,51.47.2,58.13.1  
Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.  
Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич  
тел.: 8 906 987 1955; e-mail: tanckova.lyudmila@yandex.ru  
Технический редактор: Танкова Л.А.  
Время сдачи в печать 28.04.2024г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.  
Дата выхода 30. 04. 2024 г.  
Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г».  
Газета распространяется на территории Кемеровской области.  
Объём 14.0 п.л.; Заказ № 478139 ; Тираж 1000 экз.  
Цена свободная.

# К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова



Расул Гамзатович Гамзатов — аварско-советский поэт, прозаик, публицист, советский и российский общественный и политический деятель, переводчик, Герой социалистического труда (1974г.), народный поэт Дагестанской АССР (1959г.), заслуженный деятель искусств республики Дагестан (2003г.), лауреат: Сталинской премии 3-й степени (1952г.), Ленинской премии (1963г.), Госпремии РСФСР имени А.М. Горького (1980г.); кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного (2003г.) и четырёх орденов Ленина (1960, 1973, 1974, 1983г.).

Расул Гамзатов родился в семье народного поэта Дагестана Гамзата Цадаасы 8 сентября 1923 года в улусе Цада Хунзахского района Дагестанской АССР, РСФСР, СССР; своё образование начал в Аранинской средней общеобразовательной школе, в 1939 году окончил Аварское педучилище; с 1941 года работал школьным учителем, помощником режиссёра в театре, журналистом в газетах и на радио, награждён медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

С 1945-го по 1950 годы учился в Московском литературном институте имени А.М. Горького.

Годы творчества — 1932 — 2003-й, направление — соцреализм. Стихи сочинять Расул Гамзатов начал в 1932 году, когда ему было 9 лет, почти сразу стихи его начали публиковать в республиканской аварской газете «Большевик гор» (вероятно, не без участия отца).

Первая книга стихов Расула Гамза-



това увидела свет в 1943 году на аварском языке. К тому же в это же время он начал переводить на свой родной язык классическую и современную русскую литературу: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, В.В. Маяковского и других авторов. Учась в литературном институте, познакомился и начал дружить с молодыми, подающими надежды литераторами Наумом Гребнёвым, Яковом Козловским, Еленой Николаевской, Владимиром Солоухиным, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским, позднее ставшими известными советскими поэтами и писателями, которые, в свою очередь, переводили стихи и поэмы Расула Гамзатова на русский язык.

Науму Гребнёву принадлежит перевод особенно известного стихотворения Расула Гамзатова «Журавли», которое в 1969 году стало песней («хитом», как теперь говорят) по инициативе и в исполнении М.Н. Бернеса.

В дальнейшем произведения Расула Гамзатова были переведены на десятки языков народов Советского Союза и мира.

Расул Гамзатов тесно сотрудничал со многими советскими композиторами: Д. Кобалевским, Я. Френкелем, О. Фельцманом, Р. Паулсом, А. Пахмутовой, Ю. Антоновым и другими. Песни, написанные на его стихи, исполняли Марк Бернес, Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Дмитрий Хворостовский и другие, известные и менее известные певцы советской эстрады.

Расул Гамзатов являлся членом редколлегии журналов «Новый мир», «Дружба народов» и других, «Литературной газеты» и газеты «Литературная Россия», с 1951 года и до конца своей жизни он возглавлял писательскую организацию Дагестана.

За годы своей творческой деятельности Расул Гамзатов издал десятки книг на аварском и русском языках, которые были переведены на десятки языков народов Кавказа, Советского Союза и всего мира.

В 1973 году Расул Гамзатов поставил свою подпись в письме группы советских писателей, учёных и творческих деятелей, возмущённых политическими амбициями и позициями писателя А.И. Солженицына и академика А.Д. Сахарова, опубликованном в газете «Правда».

Расул Гамзатов умер 3 ноября 2003 года, преждевременно, на 81-м году жизни, в ЦКБ Москвы, похоронен на старом мусульманском кладбище в Тарки, рядом с могилой своей жены, у подножия горы Тарки-Тау.

## Из сборника стихов Расула Гамзатова «Белые журавли»,

перевод Н. Гребнёва

### Журавли

Мне кажется порою, что солдаты,  
С кровавых не пришедшие полей,  
Не в землю нашу полегли когда-то,  
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времён тех дальних  
Летят и подают нам голоса.  
Не потому ль так часто и печально  
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня предвечернею порою  
Я вижу, как в тумане журавли  
Летят своим определённым строем,  
Как по земле людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный  
И выкликают чьи-то имена.  
Не потому ли с кличем журавлиным  
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый —  
Мои друзья были и родня.  
И в их строю есть промежуток малый —  
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей  
Я полечу в такой же сизой мгле,  
Из-под небес по-птичьи окликав  
Всех вас, кого оставил на земле.

### Жизнь

Относился к себе я беспечно всегда,  
С докторами встречался нечасто,  
Пил из рога вино, как велит тамада,  
И не пил никакого лекарства.

Но однажды попал в государство Мали,  
И здоров был, и крепок, однако  
Я не умер едва в африканской дали,  
В главном городе, в знойном Бамако.

Там, как раненый всадник, упавший с седла,  
Я схватился за грудь поневоле:  
Словно сердце моё прострелила стрела  
И слова задохнулись от боли.

И холодные капли катились со лба.  
Горы вспомнились, вспомнилась мама,  
И, сколь жизнь ни была в моём теле слаба,  
Я на локоть опёрся упрямо.

До того, как в глазах моих дню потемнеть,  
Смог друзьям прошептать лишь одно я:  
«Дайте на небо Африки мне посмотреть,  
Ничего, что оно не родное!»

Дайте глянуть на всё, что я вижу окрест,  
Пусть деревья вздохнут надо мною.  
Ах, как птицы поют! Не из этих ли мест  
К нам они прилетают весной?»

И в глазах моих свет опрокинулся вдруг,  
И деревья, и небо Бамако.  
И, подхваченный дюжиной преданных рук,  
Я затих, побелев, как бумага.

И казалось, погиб я в далёкой стране,  
Но когда уже сердце не билось,  
Небезгрешная жизнь словно чудом ко мне  
У последней черты возвратилась.

Распахнулась завеса безвременной тьмы,  
Под бровями оттаяли веки,  
И по жилам моим с отступленьем зимы  
Снова двинулись красные реки.

И как будто бы лица моих земляков  
Или Африки чёрной ладони,  
Предо мной засветила грядя облаков  
На высоком чужом небосклоне.

Я людей увидал. Были рады они  
Убедиться в свершившемся чуде.  
И такими красивыми в прошлые дни  
Никогда не казались мне люди.

Долетели до слуха земные слова.  
Речь друзей моих, белых и чёрных,  
Я, как нежную музыку, слушал сперва,  
Словно мир весь играл на валторнах.

...Льётся свет на меня с человеческих лиц,  
И себя я от жизни не прячу,  
И в горах, услышав возвратившихся птиц,  
Неспроста улыбаюсь и плачу.

### Клятва сыновей

С головами поникшими  
Над отцами погибшими  
Встали мы.

Над легендой повитыми  
Их могильными плитами  
Встали мы.

Им, как будто бы мысленно,  
Тихо мы и невыспренно  
Говорим:

«Листья вашего дерева,  
А не серая тень его —  
Это мы!»

Эхо вашего голоса,  
Зёрна вашего колоса —  
Это мы!»

Битве минувших не отблески,  
А законные отпрыски —  
Это мы!»

Меж годами посредники,  
Вашей славы наследники —  
Это мы!»

Всех имён ваших словники,  
Ваших кровников кровники —  
Это мы!»

Ваших помыслов вестники,  
Вашей правды наместники —  
Это мы!»

Ваших давних наветчиков  
Превратили в ответчиков —  
Это мы!»

Продолжение повести  
Вашей чести и совести —  
Это мы!»

Ваших судеб защитники,  
Не лохматые битники —  
Это мы!»

Ваших дум воплощение  
И грехов отпущение —  
Это мы!

Верность вашим облициям,  
Верность вашим обычаям —  
Мы храним!  
Верность вашему ВОИНСТВУ  
И мужскому ДОСТОИНСТВУ —  
Мы храним!

Верность вашему МУЖЕСТВУ  
И великому ДРУЖЕСТВУ —  
Мы храним!

Верность вашей ДУШЕВНОСТИ  
И святой вашей ВЕРНОСТИ —  
Мы храним!

Сами ставшие взрослыми,  
Вам клянёмся мы вёснами,  
Светом собственных глаз,

И огнём над метелями,  
Хлебом и колыбельями —  
Быть достойными ВАС!»

\*\*\*

Мать люльку качает в ауле,  
А где-то под жёлтой луной  
Свистят ненасытные пули,  
И вспять не вернуть ни одной.

Звучит колыбельная ночи,  
А где-то парит Азраил,  
У ангела смерти нет мочи  
Сложить своих аспидных крыл.

И мать одержима любовью,  
А где-то родившийся день  
Встаёт над дымящейся кровью,  
Бросая багровую тень.

И грудь обнажила над сыном  
Горянка в ауле опять.  
И где-то бредёт по руинам  
От горя безумная мать.

И множатся сонмы открытых,  
Ощеренных рвов и траншей.  
И больше на свете убитых,  
Чем умерших смертью своей.

И слышится стон лазарета,  
И снова палат и бомбят.  
И длится трагедия эта  
Тысячелетью подряд.

Но каждой своей параллелью  
Мир чаёт: придут времена,  
Как женщина над колыбелью,  
Склонится над ним тишина.

### Нас двадцать миллионов

От неизвестных и до знаменитых,  
Сразить которых годы не вольны,  
Нас двадцать миллионов забытых,  
Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,  
Где путь, как на вершину, был не прям.  
Ещё мы жёнам снимся молодыми  
И мальчиками снимся матерям.

А в День Победы сходим с пьедесталов  
И, в окнах свет покуда не погас,  
Мы все — от рядовых до генералов —  
Находимся незримо среди вас.

Есть у войны печальный день начальный,  
А в этот день вы радостью пьяны.  
Бьёт колокол над нами поминальный  
И гул венчальный льётся с вышины.

Мы не забылись вековыми снами,  
И всякий раз у Вечного огня  
Вам долг велит советоваться с нами,  
Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота  
Знать волю не вернувшихся с войны,  
Когда вы отличаете кого-то  
Иль снова не прощаете вины.

Всё то, что мы в окопах защищали  
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,  
Беречь и защищать вам завещали,  
Единственные жизни положив.

Как на медалях, после нас отличных,  
Мы все перед Отечеством равны,  
Нас двадцать миллионов забытых,  
Убитых, не вернувшихся с войны.

Где в облаках зияет шрам наскальный,  
В любом часу от солнца до луны  
Бьёт колокол над нами поминальный  
И гул печальный льётся с вышины.

И хоть списали нас военкоматы,  
Но недругу придётся взять в расчёт,  
Что в бой пойдут и жёртвые солдаты,  
Когда живых тревога призовет.

Будь отвратима, адова година,  
Но мы готовы на передовой,  
Воскреснув, все погибнуть до единого,  
Чтоб не погиб там ни один живой.

И вы должны, о многом беспокоясь,  
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,  
На нашу незапятнанную совесть  
Достойное равнение держать.

Живите долго, праведно живите,  
Стремясь весь мир к братству сопричестью,  
И никакой из наций не хулите,  
Храня в зените собственную честь.

Каких имён нет на могильных плитах,  
Их всех племён оставили сыны.  
Нас двадцать миллионов забытых,  
Убитых, не вернувшихся с войны.

Падучих звёзд мерцает зов сигнальный,  
А ветви ив плакучих склонены.  
Бьёт колокол над нами поминальный  
И гул венчальный льётся с вышины.

\*\*\*

Я трижды плакал в мире этом,  
Но не клонился долу взор.  
Стояли залитые светом  
В моих слезах вершины гор.

И, верный дедовским заветам,  
Мне у седых аульских скал  
Сказал отец, что был поэтом:  
«Ты чувство доброе познал»

Был трижды ранен я, и ныла  
В тех ранах боль родной земли,  
И цвета ягоды кизила  
Из сердца капельки текли.

Но доносилось сквозь туманы:  
«Знай: победитель испокон  
Быстрее залечивает раны,  
Чем тот, кто в схватке побеждён».

Из песен, созданных за годы,  
Есть три заветных у меня  
О Родине, без чьей свободы  
Себя не мыслил я ни дня.

Её лишь звёздам и рассветам  
Молюсь с надеждой вновь и вновь.  
И слышу голос я при этом:  
«Святую ты постиг любовь».

Я, в кузне века закалённый,  
Колени трижды преклонял,  
Солдат коленапреклонённый,  
Я стяг багряный целовал.

И прошлого металась тень,  
И был решетчат их излом,  
Но слышал я: «Склоняй колени,  
Мой сын, и впредь не перед злом!»

### В Хиросиме

На праздник в день двадцатилетних,  
И белогуба, и смугла,  
Всё чуда до минут последних  
Большая девушка ждала.

О ней печальную я повесть,  
Услышав, содрогнулся сам.  
Мне рассказал её японец  
По имени Хаяма-сан.

И временем неодолимы  
Черты содеянного зла.  
И входит в образ Хиросимы  
Та девушка, что умерла.

Был худшим час её рожденья,  
Когда с заоблачных высот  
Не бомбу — светопреставленье  
На город сбросил самолёт.

И мать с напевом колыбельным  
В своём безумье роковом  
Пошла дочь уже смертельным,  
Грудным, сгоравшим молоком.

Её напев, звучавший тонко,  
Вдруг оборвался и утих,  
Двадцатилетняя японка  
Ушла, как тысячи других.

Исчез и Будда медногрудый  
Над испарившимся шоссе.  
И в городе, забытом Буддой,  
Часы остановились все.

А тот, кто стал в подлунном мире  
Несчастной девочки отцом,  
От скорби сделал хакари  
Пред императорским дворцом.

Японии кровинкой белой  
Была рождённая на свет.  
Судьба ей жить, осиротелой,  
До двадцати сулила лет.

Как этих лет для жизни мало!  
С недугам гибельным в крови  
Она, страдая, не познала  
Ни радости и ни любви.

Пилот, бомбивший Хиросиму,  
Не то он спился, говорят,  
Не то, с тех пор принявший схиму,  
Все годы кается подряд.

В дома его родных и присных  
Пускай все ночи досветла  
Стучится девушки той призрак,  
Что в Хиросиме умерла.

Весь мир, где от войны устали,  
Ещё походит на живот,  
Распоротый в немой печали  
Близ императорских ворот.

\*\*\*

В Хиросиме этой сказке верят:  
Выживает из больных людей  
Тот, кто вырежет, по крайней мере,  
Тысячу бумажных журавлей.

Мир больной, возьми бумаги тонкой,  
Думай о бумажных журавлях,  
Не погибни, словно та японка,  
С предпоследним журавлём в руках.

### Афродита

С древней амфорой схож, что разбита,  
Остров Кипр, где воочию я  
Вижу горе твоё, АФРОДИТА,

Дорогая Киприда моя.  
В окруженье морского простора  
Ты с оливковой веткой в руке  
Держишь путь вдоль границы раздора,  
Белоликая, в чёрном платке.

И горька твоя участь богини,  
Если, пальцами грея курки,  
Не тебе поклоняются ныне  
Ослеплённые злобой стрелки.

И, возвысь над волею рока,  
Ты с укором глядишь неспроста  
На поборников ярых пророка,  
На поборников старых Христа.

Где засадой тропа перекрыта,  
Страстно их к примиренью моля.  
Поклоняюсь тебе, АФРОДИТА,  
Дорогая Киприда моя!

Протяни, снизойди ко мне, руку.  
Мы уедем с тобой на Кавказ.  
Там забудешь сердечную муку,  
От которой льёшь слёзы сейчас.

Как на мраморной гулкой ступени,  
На ристалище белого дня  
Преклонить пред тобою колени  
Каждый всадник заставит коня.

И огонь, чьи нетленны трофеи,  
Там в словах и сердцах не потух.  
Молодые в аулах орфеи  
Услышат твой изысканный слух.

И седой, нестареющий Каспий  
Станет ноги твои целовать...  
Ты вздыхаешь: «Охваченный распрей  
Остров Кипр мне нельзя покидать».

И проходишь, как встарь, знаменита,  
Сокровенных надежд не тая...  
Поклоняюсь тебе, АФРОДИТА,  
Дорогая Киприда моя!

### Моей внучке, маленькой Шахри

Почему ты плачешь, мой птенец?  
Что случилось?

Может, что приснилось?  
У тебя есть мама и отец,  
Над кроваткой вся родня склонилась...

Круглый сирота я столько лет —  
И печали не уймёшь, не спрячешь...  
Плакать должен был бы я, твой дед...  
Ты-то почему так горько плачешь?

Завистью не жалили тебя,  
Не терзали ложью и изменой.  
Слаще песен, что поёт, любя,  
Мама, не бывает во Вселенной.

Знаю я, как предают друзья,  
Ненависть врагов не раз встречал я.  
Что ж ты плачешь? Плакать должен я,  
В грудь навьлет раненный печалью...

Ты войны не знала и огня,  
Что спалить стремился всё живое,  
Как спокойно в мирном свете дня  
Небо у тебя над головою!

Братьев потерял я на войне —  
И не утихает боль потери...  
Что ж ты плачешь?  
Плакать надо мне —  
Жизнь изведавшему в полной мере...

И в ответ мне внучка говорит —  
В лепете её я разобрался:  
«Дед, ведь мне всё это предстоит,  
Ты же, всё познав, живым остался...»

В грозном веке, в мире, полном бед,  
Как свою тревогу обозначишь?  
Потому-то я и плачу, дед,  
Не пойму я, почему ты плачешь?..»



## Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усытах), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник ВВС в отставке. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении трёх лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» в Прокопьевске. С 2007 года – редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усытская россыпь».

# РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Из книги Анатолия Гуляева «Как рождалась корабельная авиация России» (Кузбасс: Новокузнецк, Прокопьевск – 2018 год; с некоторыми уточнениями и сокращениями, стр. 202-216).

Августовские события 1991 года перевернули жизни множества людей некогда великого Советского Союза. Тяжелее всех пришлось тем, кто по различным обстоятельствам оказался за пределами РСФСР. До 1991 года мы не задумывались, в какой союзной республике работать и проживать, была единая страна. 21 августа 1991 года в Москве свершился путч ГКЧП.

24 августа 1991 года Верховный Совет Украины объявил об одностороннем выходе Украины из состава СССР, провозгласив Украину независимым государством.

Некогда великое и сильное государство начало разваливаться на куски. Ранее невидимые силы в лице конкретных людей стали рвать государство на разные и независимые друг от друга части, не думая о судьбе и мнении большинства населения страны, у которого уверенность в завтрашнем дне в одночасье сменилась растерянностью:

«Что делать? В какую сторону двигаться? Как поступить правильно?».

Хаос охватил всё постсоветское пространство. Республики тянули «одеяло» власти на себя. Близстоящие у «кормушек» нагло обдирали до нитки своих и бывших своих. Шло дикое накопление капиталов. До людей ли было?

В 2016 году Содружество Независимых Государств (СНГ) отметило 25-летие. Оценки историков, политологов и просто современников тех трагических событий значительно разнятся с оценками двадцатипятилетней давности. Не за горами время, когда всплывёт правда о заказчиках и исполнителях тех трагических событий, о которых будет написано множество книг, трактатов, будут выпущены документальные и художественные фильмы. Но чем дальше уходят в прошлое те годы и трагические события, тем большей ложью и клеветой они обрастают.

Что же происходило в те годы вокруг меня, в моей родной стране, и как видятся они мне сегодня? Пришедший к власти Горбачёв М.С. (избранный на пост Генерального Секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года, после смерти Черненко К.У.) резво взялся за

перестройку Советского государства. В конце концов, «разругавшись» с большинством своего окружения и партией, покинул партию, после чего начал организовывать себе новые рабочие места: вначале инициировал избрание себя Председателем Президиума Верховного Совета СССР (1988 год), затем Председателем Верховного Совета СССР (1989 год), затем и Президентом СССР (15.03.1990 года).

Став Президентом СССР, Горбачёв повёл свою деятельность к сворачиванию государства с названием Союз Советских Социалистических Республик (СССР), с заменой его государством, основанным на иных политических, экономических и прочих основах с названием Союз Суверенных Государств (ССГ). Естественно, с отстранением от власти «руководящей и направляющей силы государства» – КПСС, с изменением Конституции (основного Закона государства).

Подписание нового Союзного Договора планировалось провести 20.08.1991 года в Новоогарёвской резиденции Горбачёва.

Именно этому событию и воспротивилась группа, состоявшая из лиц, в том числе и из ближайшего окружения Горбачёва, объявив себя Государственным Комитетом Чрезвычайного Положения (ГКЧП) по случаю «болезни» президента страны Горбачёва М.С. Только гзачеписты в те трагические дни далее провозглашения лозунгов и обращений к народу не пошли.

«Повстанцы» не предприняли активных действий к снятию Горбачёва М.С. с должности Президента СССР, не переложили бремя власти на себя. Они, якобы, и Горбачёва М.С. приглашали в свою компанию. Тот отказался, чем и спутал ход дальнейших событий.

Путчисты сделали ставку на то, что в предыдущие десятилетия у нас в стране безоговорочно принималось к руководству и действию всё, что говорила верховная власть. За первые два дня путча «повстанцам» фактически присягнула большая часть областных руководителей страны. И вдруг Ельцин Б.Н., недавно избранный Президентом Р.Ф., объявил ГКЧП вне закона.

Многие современные политологи полагают, что ГКЧП был обыкновенным фарсом небольшой группы политиков и государственных чиновников. Тем не менее, сам факт этого фарса имел серьёзные последствия и ускорил процесс распада СССР.

Судите сами.

19 августа 1991 года (с момента ввода в Москву войск) – начало ГКЧП;

24 августа 1991 года (с момента начала вывода войск из Москвы по приказу Язова Д.Т.) – конец ГКЧП, признание путчистами поражения.

В Киеве же в это время, видимо, решали: «Сейчас или никогда...»

Вероятно, испугавшись, что всё может пойти вспять и задумки, не одно столетие вынашивавшиеся в головах украинских гетманов (как минимум, начиная с гетмана И. Мазепы) об отделении от России, могут рухнуть. Поэтому в Киеве объявили об одностороннем выходе Украины из состава СССР и своей независимости. Украинские руководители того времени понимали, что Москве было не до них, потому и торопились.

7 декабря 1991 года в Беловежской пуше Ельцин Б.Н. (Россия), Шушкевич С.С. (Белоруссия) и Кравчук Л.М. (Украина) подписали трёхстороннее Соглашение о самороспуске Советского Союза (якобы по образцу и подобию Соглашения о создании Советского Союза, подписанного представителями этих же стран в 1922 году).

Законно это было или незаконно? Это уже другой вопрос. Но этим Соглашением было узаконено решение Украины об одностороннем выходе из состава СССР и объявление России НЕЗАВИСИМЫМ ГОСУДАРСТВОМ от всего остального бывшего Советского Союза, то есть от всех бывших союзных Советских Социалистических Республик...

Сентябрь 1991 г. Крым. Севастополь.

Эхо московских событий быстро покатило по всему бывшему Советскому Союзу, докатившись до его окраин.

В сентябре 1991 года в воинских частях и подразделениях, дислоцировавшихся в Крыму, началась перетряска и пересортировка военных на тех, кто поддерживал путчистов, и тех, кто не поддерживал их.

В результате проводимых мероприятий был снят с должности Командующий Краснознамённым Черноморским флотом (КЧФ) адмирал Хронопуло Михаил Николаевич, якобы за то, что выказал симпатии к ГКЧП. Некоторое время спустя новым Командующим КЧФ был назначен в Москве адмирал Касатонов Игорь Владимирович (до этого являвшийся первым заместителем Командующего Северным флотом СССР).

В то время КЧФ насчитывал 833 корабля, на которых проходили службу почти 100 тысяч офицеров, мичманов и матросов. Корабли располагались в военно-морских портах: Крыма, Измаила, Очакова, Одессы, Николаева, Потти, Батуми, Новороссийска и в других военно-морских портах и базах.

Приняв должность Командующего КЧФ, адмирал Касатонов И.В. объехал все вверенные ему военные объекты и морские базы.

В октябре 1991 года адмирал Касатонов И.В. вышел в Средиземное море (на БПК «Москва»), где несла дежурство 5-я эскадра ВМФ СССР, подчинявшаяся Командующему КЧФ.

Вскоре, после возвращения из похода в Севастополь, Командующий КЧФ полетел в Киев, чтобы представиться Председателю Верховного Совета Украины Кравчуку Л.М. (Президентом Украины Кравчук Л.М. был избран 05.12.1991 года).

Позднее, вспоминая об этой встрече, адмирал Касатонов И.В. говорил, что на этой встрече они с Кравчуком Л.М. прощупывали друг друга. И явно не понравились друг другу, но вида не подали. Кравчук лишь намекнул Касатонову, мол, переходи под украинские знамёна. Лишь намекнул же, что гарантирует Касатонову службу в прежней должности. На это адмирал ответил твёрдым отказом.

Через три месяца (в первой половине декабря 1991 года) в адрес Командующего КЧФ поступил из Киева приказ: «03 января 1992 года принять Присягу на верность народу Украины всему личному составу Черноморского флота, дислоцирующемуся на территории Украины (военно-морские порты и базы причерноморских городов: Одесса, Очаков, Севастополь, Феодосия, Керчь, со всем Крымом в том числе)».

– Нет! До принятия политического решения о разделе Черноморского флота между Россией и Украиной, – ответил в Киев адмирал Касатонов И.В. После чего отдал по КЧФ свою команду: «Украинскую присягу не принимать!»

Со стороны России (из Москвы) на многочисленные запросы адмирала Касатонова И.В. по поводу принятия или непринятия украинской присяги никаких распоряжений не поступало.

В складывающейся ситуации получалось, что адмирал, игнорируя распоряжения Киева, занимается саботажем, устраивает мятеж.

Чувствуя, что долго так не продержатся...



ся, адмирал начал постоянно звонить в Москву, в различные государственные инстанции, в том числе в аппарат Президента России, с просьбой организации телефонного разговора с Президентом России Ельциным Б.Н. На что из Москвы с издёвкой и недвусмысленно отвечали: «Президенту Ельцину не до вас, решайте все свои вопросы в Киеве».

Более того, в декабре 1991 года решением Генерального Штаба ВС СССР КЧФ был снят со всех видов воинского довольствия со стороны России.

В конце концов, добившись всё же (через маршала Шапошникова Е.И., всё ещё остающегося Министром обороны несуществующего уже Советского Союза) телефонного разговора с Ельциным Б.Н., договорился о личной встрече с ним для более полного и подробного доклада о критической ситуации на бывшем Краснознаменном Черноморском флоте.

28.01.1992 года встреча Президента России Ельцина Б.Н. и Командующего КЧФ адмирала Касатонова И.В. состоялась (можно сказать, инкогнито) в порту города Новороссийска на борту БПК «Москва».

На встрече присутствовали: маршал Шапошников Е.И. (Министр обороны СССР), адмирал Куроедов В.И. (Главкомандующий ВМФ СССР) и другие.

Встреча длилась более 8 часов: адмирал Касатонов И.В. доходчиво доложил Президенту РФ Ельцину Б.Н. о стратегическом значении для России Черноморского флота и Крыма, разъяснил возникающие стратегические угрозы для России, связанные с потерей Черноморского флота и Крыма.

Ельцин Б.Н. явно не разбирался в сути вопроса, поэтому чувствовал себя неуверенно и, если говорил о чём-то, то постоянно поглядывал то на Шапошникова, то на Куроедова. Тем не менее, присутствовавшим на встрече стало ясно, что прежние непонимания Президентом глубины обсуждаемых вопросов явно рассеялись.

#### «Отдай Черноморский флот Украине!»

Летом того же года начались двухсторонние встречи между согласительными комиссиями, затем и между президентами России и Украины по вопросам раздела Черноморского флота.

Вначале украинская сторона предлагала разделить Черноморский флот пополам между Россией и Украиной. После чего к переговорам подключились другие заинтересованные стороны. В итоге Украина получила немногим менее 19 процентов от всей численности Черноморского флота.

До этого Президент Украины Кравчук Л.М. не единожды обращался к маршалу Шапошникову Е.И. с требованием: «Отдай Черноморский флот Украине!».

— Под какие задачи? — неизменно спрашивал его маршал.

А задачи (военную доктрину) своему военно-морскому флоту Украина, думается, до сих пор не выработала и не определила, если не считать того, что в самой Украине активно пропагандируется мысль: «Главный враг Украины — Россия!».

...Несмотря на то, что консенсус в вопросе раздела Черноморского флота между Россией и Украиной был найден, тем не менее, пребывание адмирала Касато-

нова И.В. в должности Командующего Черноморским флотом нервировало Киев, его объявили «персоной нон-грата» в Украине. Отчего в сентябре 1992 года в Москве было принято решение о новой замене Командующего ЧФ.

Прослужив всего лишь один год в должности Командующего ЧФ, адмирал Касатонов И.В. был переведён в Москву на должность 1-го заместителя Главкомандующего ВМФ (всё ещё СССР), но всё сделанное им за один год службы в Севастополе продолжало жить и в последующие годы.

#### Куда нам идти, куда подаваться?

В это же самое время в Феодосийском ЛИЦ (лётно-испытательном Центре), когда руководитель Советского Союза Горбачёв М.С. был изолирован от всей державы в крымском Форосе, было неспокойно. Никто не знал, что ждёт нас в ближайшее время после свершившихся, непонятных большинству из нас событий. Эмоции перехлёстывали, кровь в жилах кипела, в головах витали разноречивые мысли.

Многие думали, что ничего не изменится, поскольку до этого всё было настолько неизбежно и стабильно, что какие-то там гэкачеписты и незалежники ничего не сделают со страной, которая была не по зубам ни Наполеону, ни Гитлеру.

Были и такие, которые предлагали «седлать» наших воздушных коней-пегасов и лететь, высвобождать нашего Верховного... из полона. Другие предлагали «закопать» его там!

Несколькими днями позднее особыты выясняли и выявляли всех, кто что говорил и предлагал. И было непонятно, чего они хотят? С одной стороны, казалось, что особыты вроде бы ратовали за позиции тех, кто хотел спасти Горбачёва. С другой, казалось, что они за позиции тех, кто хотел «закопать» Горбачёва в Форосе...

Через несколько дней разбирательства закончились. Все «выявленные» и «не выявленные» остались на своих местах нефронутыми.

И дела наши пошли по ранее накатанной дорожке.

В это беспокойное время наш Феодосийский лётно-испытательный Центр проводил последнюю и, как оказалось позднее, самую большую за всю историю работу по проведению государственных испытаний готовящегося к вводу в боевой строй отечественного авианосца — тяжёлого авианесущего крейсера (ТАКР) проекта 1143.5 «Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов».

Корабль вплоть до конца октября 1991 года приходил к нам в Феодосийский залив. На нём проводились очередные плановые испытательные полёты лётчиками-испытателями фирм Л.О. Сухого, А.И. Микояна и нашими военными лётчиками-испытателями. После проведения запланированного этапа испытаний корабль вновь уходил в Севастополь или Николаев для проведения на нём текущих работ, профилактик и устранения выявленных в процессе испытательных полётов недостатков. Затем вновь возвращался к нам в Феодосийский залив.

Чтобы не терять драгоценное время, нередко испытательные полёты выпол-

нялись и в черноморских акваториях городов Севастополь и Саки.

Несмотря на то, что до конца первого квартала 1992 года мы официально подчинялись Москве (тем более до конца 1991 года), с каждым очередным приходом к нам корабля всё больше и больше чувствовалось, что наше участие в испытательных работах и полётах на корабле становится нежелательным. Политические процессы, начавшие набирать силу в независимой Украине, да и в России, с каждым днём становились всё более и более ощутимыми.

В конце октября 1991 года ТАКР «Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов», ставший нам уже родным, пришёл в Феодосийский залив, как оказалось, в последний раз. После завершения объёма очередных лётно-испытательных работ корабль послышал нам на прощание громким и протяжным гудком и взял курс на Севастополь. Оттуда в город своего рождения — Николаев.

#### Время разброда и шатаний

В конце 1991 года (ноябрь-декабрь), после ухода ТАКРа, на службе у нас начался процесс вялотекущего увядания, разброда и шатаний. Никто не знал, что мы будем делать дальше, куда нам двигаться и подаваться, что с нами будет завтра и в ближайшее время.

По всему было видно, что Россия (в лице Ахтубинска и Москвы) от нас отказывается. И с каждым днём всё яснее и яснее мы понимали безысходность ситуации.

Главенствующая роль в те дни легла на плечи нашего командира — начальника Центра полковника Жучкова Юрия Васильевича. Он регулярно летал на военно-транспортном самолёте то в Ахтубинск, то в Москву. В такие дни руководящий состав лётно-испытательного полка во главе с командиром полка полковником Семкиным Юрием Александровичем допоздна ждал его возвращения из командировки (на своих рабочих местах), в своих служебных кабинетах, на аэродроме.

По прилёту начальник Центра проводил встречу со всем руководящим составом гарнизона, на которой подробно рассказывал, где он был в этот раз, с кем встречался и о чём разговаривал, каковы были результаты его встреч и разговоров.

С каждым разом он привозил из служебных командировок всё более неутешительные для нас новости: никакой ясности, никто не говорит, что нам делать и что с нами будет в ближайшее время.

В один из последних прилётов из Ахтубинска и Москвы полковник Жучков Ю.В. сообщил, что Ахтубинск от нас отказался окончательно. Деньги на зарплату не выделили. Новый год встречать будем с тем, что у кого есть и что у кого осталось!

В Москве заместитель Главкома ВВС по вооружению генерал-полковник Аюпов А.И., в прошлом заместитель начальника Ахтубинского ГЛИЦ по научно-испытательной работе (НИР), хорошо знавший полковника Жучкова Ю.В., по секрету сообщил ему, по-дружески хлопав по плечу: «Юра, в России, в Москве, в частности, на вас поставили

крест. Если хотите выжить, ищите покровительство в Киеве».

— Что будем делать? — спросил у присутствовавших полковник Жучков.

— Нужно действовать по совету Аюпова, коль Москва нас «кинула!» — прозвучало единственное предложение, после некоторого общего молчания.

— Или расформировываться, другого не дано! — дополнил Жучков.

— В сторону Киева двигаться нужно. Чего нам расформировываться? Как жить будем в это сложное время? Семьи у всех, — зазвучало с мест. Это и стало общим решением.

#### Принять присягу!

10 января 1992 года во всех воинских частях Феодосийского ЛИЦ в обстановке, максимально приближённой к торжественной, был произведён гражданский акт принятия присяги на верность народу Украины. В проводимом мероприятии принимали участие только те военнослужащие, которые твёрдо решили принимать присягу, новую и вторую в своей жизни. Неопределившиеся были освобождены от этого мероприятия и находились в других местах, на служебной территории.

Отказавшихся от принятия украинской присяги (которым был дан срок на раздумья до первого апреля 1992 года) в лётно-испытательном полку оказалось человек сорок (человек двадцать лётного состава и столько же, примерно, инженерно-технического).

6 февраля 1992 года Верховным Советом Российской Федерации был принят Федеральный Закон «О Российском гражданстве...», в котором говорилось, что военнослужащие, проходящие воинскую службу (на 06.02.1992 года) в составе Вооружённых Сил СССР, автоматически переводятся в состав граждан Российской Федерации, которым разрешается переходить на военную службу в армии стран СНГ в составе воинских частей или индивидуально. При этом при увольнении с военной службы, при переезде на постоянное место жительства в Российскую Федерацию и оформлении военной пенсии срок службы в армиях СНГ будет засчитан им наравне с остальными годами их военной службы.

После принятия новой присяги воинскими частями и их военнослужащими все мы (и принявшие, и не принявшие), всё так же продолжали выполнять свои должностные обязанности до конца марта 1992 года. К этому сроку кто-то из отказников решил перейти на службу в Украинскую армию (согласно ФЗ РФ) и расписался в присяжных списках, а кто-то уехал в Москву.

— С кем воевать будем, если придётся? — спрашивали командиры многие офицеры и прапорщики перед тем как принять Украинскую присягу.

— С Россией не будем! — однозначно отвечали командиры.

«Всё будет по-старому! Что может измениться в нашей жизни, если Россия и Украина произросли из одного и того же корня и живут вместе не одно уже столетие?» — думалось нам в конце первого квартала 1992 года.

Но скоро оказалось, что сильно ошибались мы в своих мыслях и наши ко-

мандиры в своих заверениях. Нововведения начали входить в нашу жизнь в скором времени после перехода в Украинскую армию.

Первое, что сразу же бросилось всем в глаза, это то, что в командирских кабинетах с того места, откуда совсем недавно смотрел на всех В.И. Ленин, теперь взирал на военных главный кобзарь Украины Шевченко Т.Г., портреты которого с явной любовью были украшены всевозможными украинскими рушниками и вышиванками.

После каждого посещения вышестоящих инстанций в Киеве и Виннице, где размещались Главные штабы МО и ВВС Украины, обратно взяли в самолётах большие объёмы «гуманитарной помощи» в виде всевозможных книг (высококачественных с полиграфической точки зрения), выпущенных в Канаде на русском языке о «славной» истории Украинской повстанческой армии (УПА) и Украинской организации националистов (УОН), и их лидеров — Бандеры, Шухевича и других.

С высоких трибун зазвучали речи, в которых Россия объявлялась главным и единственным врагом Украины.

Оттого военным людям, считавшим себя русскими (россиянами), перспектива дальнейшей военной службы в Украинской армии стала неприемлемой по духу и определению. О том, что воевать Украинская армия готовится исключительно только с Российской армией, уже тогда стало понятно всем, и прежде всего тем, кто считал себя русскими и россиянами. Они начали писать рапорта об увольнении (в том числе и досрочном) с военной службы в Украинской армии, что, в общем-то, приветствовалось руководством страны и МО Украины.

## 2. Из книги Владимира Кондаурова «Взлетная полоса длиною в жизнь»

(Жуковский — Авиационный печатный двор, 2000; стр. 273-288, в сокращении)

### Часть IV «Авиашоу в Канаде и США»

Владимир Николаевич Кондауров — заслуженный лётчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза.

Родился Кондауров В.Н. 28 октября 1942 года в селе Гусиное Большенарымского района Восточно-Казахстанской области. С 1956 года летал на планерах в Усть-Каменогорской планерной школе. С 1959 года — в армии.

В 1964 году окончил с отличием Качинское высшее военное авиационное училище лётчиков. После окончания училища был оставлен в нём лётчиком-инструктором на самолётах МиГ-21.

В 1966-1992 годах — на лётно-испытательной работе в Государственном Краснознаменном научно-испытательном институте ВВС (ГК НИИ ВВС), где прошёл путь от лётчика-испытателя до заместителя начальника научно-испытательного Управления по лётной работе.

В 1973 году окончил МАИ.

Занимался испытаниями боевых истребителей разных поколений для авиации ВВС и ПВО, включая МиГ-29 и Су-27.

С 1987 года занимался испытаниями самолётов и вертолётов авиации ВМФ, в

том числе корабельных истребителей МиГ-29К и Су-27К. 22 ноября 1989 года первым из военных лётчиков совершил посадку на полётную палубу ТАКР «Адмирал Флота СССР Николай Кузнецов» на самолёте МиГ-29К.

За время лётной работы освоил более 115 типов планеров, самолётов и вертолётов различных модификаций.

15 августа 1980 года ему было присвоено звание «Заслуженный лётчик-испытатель СССР».

31 октября 1988 года за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, был удостоен звания «Герой Советского Союза».

Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, Дружбы Народов, «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, многими медалями СССР и РФ.

«...Удивительна наша история. Ещё более удивительно то, как она «пишется». И что удивляет больше всего? Не то, что М. Горбачёв впервые открыто и доверительно, без бумажки, говорил народу о необходимости строить цивилизованное общество, где соблюдались бы права человека, и где каждый мог бы открыто говорить о том, что он думает. И не то, что глава государства завоевал популярность за рубежом гораздо большую, чем в собственной стране. И даже не то, что один человек в один день распускает единственную в государстве политическую партию, непоколебимо стоящую у власти 70 лет. Удивляет то, что всё это происходит. Что КПСС, к примеру, действительно рассыпалась, как колода карт.

А разве Соглашение в Беловежской Пуше исполнено не в том же духе? Три человека одним росчерком пера «развалили» целый Союз, не только устоявший, но и окрепший в процессе борьбы с фашизмом. Союз, который не способно было уничтожить самое мощное оружие. И опять проходит тихо и спокойно. Ну почему? Вероятно, потому, что это же — свои, «родные» президенты, а народ привык верить Царям, привык думать, что «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не было войны». Вот и дождался — и от войны в Чечне не ушли, и от демократии не в восторге. Ну почему? Может быть, в очередной раз сделали прыжок в новое «светлое будущее»? И пошли на эксперимент по принципу «делай, как у них»? И при этом хочется всего как можно быстрее. И чтоб демократия появилась сразу, в готовом виде, чистая и интеллигентная, без национальной розни и криминальной борьбы за власть. Хочется, но не получается. Может быть, потому, что не всем хочется? А иначе почему честных журналистов и бизнесменов отстреливают, словно куропаток, почему господин Жириновский заверяет С. Хусейна в Ираке, что у нас один враг — американцы?..

Новое государство Украина в лице первого министра обороны Н. Морозова с самого начала 1992 года заявило решительным образом: «...командирам войсковых частей привести личный состав к присяге на верность народу Украины». Для многих военнослужащих это было как «гром среди ясного неба», особенно для офицеров, своим семейным родством тесно связанных с Россией. Достаточно сказать, что в это время мой сын,

капитан ВВС, служил в российской армии в условиях рьяных нападок украинских националистов, представителей партии РУХ, на «москалей». Осознать это было нелегко. Вслед за приказом Морозова из Киева последовали шифротелеграммы Е. Шапошникова из Москвы с прямо противоположными требованиями: присягать на верность то Российской Федерации, то странам СНГ. Стало ясно, что «наверху» царят паника и неразбериха, что действия политиков застали армию врасплох и она оказалась «заложницей» в их борьбе за «самостоятельность».

Президент Л. Кравчук, получивший в народе кличку «хитрая лиса», на совещании с армейским руководством сумел так обольстить командиров щедрыми обещаниями, что склонил их к решению «переприсягнуть». И «процесс пошёл», как любил повторять первый и последний Президент СССР, причём пошёл довольно болезненно для офицеров в моральном плане, так как многие оказались «прижаты к стенке» жизненными обстоятельствами.

В качестве делегата от испытательного Управления я принимал участие во Всеармейском совещании, проводимом Министром обороны СССР Е. Шапошниковым, в феврале 1992 года, проходившем в Кремлёвском Дворце Съездов. Не имея времени для выработки единого требования представителей СА и ВМФ к руководству страны, офицеры различных родов войск и военных округов выступали на «скорую руку», зачастую непродуманно и по-мальчишески горячо. Надежда простых людей на Армию в вопросе сохранения СССР не оправдалась...

Весной я был вызван на беседу к Командующему ВВС Украины генерал-лейтенанту В.А. Васильеву, которого знал давно, но встречались мы очень редко.

— У меня к Вам предложение, — начал он после взаимных рукопожатий, — Украинская диаспора в Канаде предлагает нам свою помощь в организации турне по их стране и по Соединённым Штатам Америки с участием в авиашоу на самолётах МиГ-29. Президент уже дал согласие. В мае он вылетит с первым визитом в Америку, поэтому начало выступления нашей команды приурочивается к этому времени. Вы не могли бы взяться за подготовку лётчиков?

— Валерий Афонасович, я ни разу не был свидетелем авиашоу за границей и не представляю всех требований, предъявляемых к его участникам, но однажды Анатолий Квочур рассказывал мне о своей программе в Фарнборо. И, как я себе представляю, наша программа, чтобы вызвать у зрителей определённый интерес, должна включать в себя совершенно новые для лётчиков акробатические фигуры «колокол» и «поворот на горке».

— В Вашем распоряжении один месяц, Вы получите полную самостоятельность и возможность отобрать лучших лётчиков, но, — тут генерал выдержал небольшую паузу, — только из лиц украинской национальности.

— А как быть со мной? — удивлённо спросил я.

— Для Вас у меня есть необходимое обоснование. — По тону, с каким Ко-

мандующий произнёс эту фразу, я почувствовал, что и ему, белорусу по национальности, тоже не совсем «уютно» в новом Государстве, даже в должности Командующего ВВС Украины. — Действуйте, — закончил он нашу короткую беседу, — по вопросам организации Вам будет помогать мой заместитель генерал Скалько.

Я уже был знаком с этим энергичным украинцем внушительной комплекции с открытым приятным лицом, его назначили на новую для него должность через ступень выше. Во всём поведении этого человека читалась явная уверенность в своём ближайшем будущем.

Через неделю начались полёты...

— Запомните, — предупредил я пилотов, — лётчик у земли ошибается один раз. Отстраняться от полётов будет каждый, кто хоть раз не проконтролирует высоту в верхней точке прежде чем перейти в отвесное пикирование.

Высший пилотаж — это прекрасно вышитый в пространстве узор, красивый, но вместе с тем мощный и даже грозный танец, исполняемый невидимым для зрителей «танцором», который подобно цирковому артисту демонстрирует под куполом Неба «крутой» пилотаж, зрители замирают от восхищения. И ещё от того, как опасно «летающий» человек играет с землёй, то стремительно приближаясь к ней, то в последний момент, будто дразня, победоносно взмывает вверх. А она, «матушка», спокойна и снисходительна к забавам детей своих, но сурово карает тех, кто слишком приблизившись к ней, проявляет самонадеянность, теряя чувство осторожности.

Пилотаж идёт «на одном дыхании», нет ни одной «пустой» секунды. Лётчик должен видеть всё и внутри кабины, и за её пределами, кроме зрителей, которых не видит, но о которых помнит постоянно, и делает так, чтобы им было удобно и интересно смотреть, расплачиваясь за это предельным напряжением сил и нервов, а случается так, что и жизнью.

Через месяц из Канады вернулся генерал Скалько, обговаривавший там условия контракта. На совещании он неожиданно объявил:

— Спонсор требует выступления строём, в составе пары...

— «Хорошее» начало, — невесело подумал я, — а кто такой спонсор?

— Мистер Клиффорд, еврей из Нью-Йорка. Его бабушка до революции жила в Одессе. Ему помогает бывший канадский лётчик, украинец по национальности, Тарас Татарин. Украинская диаспора готова оказать всемерную помощь «летунам с родной батьковщины».

— Группа к полётам на одиночный пилотаж готова, — в свою очередь доложил я, — но для выступления в составе пары потребуются дополнительное время для тренировки.

— Времени на дальнейшие тренировки больше нет, — прервал меня Командующий, — сориентируетесь на месте. Основная группа команды вылетает с аэродрома Стрый восьмого мая в составе 15 человек: четыре лётчика и 11 офицеров технического состава. На первом этапе делегацию возглавит генерал Скалько, а в дальнейшем — Вы, — сказал Командующий и выразительно посмотрел на меня. — Но прошу быть внимательнее,



в такой спешке не до успехов у зрителей, главное – не «сорваться» и не «наломать дров».

Командующий был прав, нам предстоял длинный марафон. По контракту нам в течение четырёх месяцев требовалось облететь двадцать городов Канады и США, с остановкой на одну неделю в каждом из них.

«Полёты в чужих странах по другим правилам, почти без знания языка, – думал я, собираясь в дорогу, – не много ли ты на себя берёшь?» – такие тревожные мысли не покидали меня, но, выбрав путь, назад не оглядываюсь!

... В назначенное время мы вылетели на самолёте Ан-124, погрузив в него два разобранных самолёта МиГ-29 (боевой и спарку) и запасные части к ним. Рядом со мной расположились три лётчика – минимально необходимый состав для нашей программы выступлений:

– Николай Коваль, крепкий, черно-волосый и смуглый, как цыган, полковник, инспектор воздушной армии, очень способный лётчик, воевавший два года в Афганистане;

– Александр Голован, русоволосый, с большими навыками глазами, подполковник, командир АЭ, весёлый характером, готовый в любую минуту пошутить и посмеяться;

– Вячеслав Солощенко, высокий солидный подполковник, заместитель командира полка, со спокойным и философским складом характера.

В дальнейшем в силу названных мной таких разных черт человеческих характеров я называл их в нашем тесном кругу соответственно: Ковбой, Актёр и Философ.

Несмотря на то, что впереди нас ожидали достаточно ответственные и сложные, с психологической точки зрения, нагрузки и полёты, радостно-любопытное ожидание от встречи с другим миром не покидало нас. Нам, кадровым военным, воспитанным в духе политической близости и готовности к отражению агрессии со стороны этого мира, казалось странным, что нас вот так, без проволочек, выпустили за рубеж (особенно меня) и что в нашей команде нет представителя органа безопасности. «Неужели заканчивается длительный период «великого противостояния»? – думалось нам...

Через 12 часов беспосадочного перелёта наш «Руслан» приземлился на авиабазе канадских ВВС вблизи города Эдмонтон.

Через два дня после сборки самолётов выполнили их облёты и приступили к подготовке участия в ШОУ.

Клиффорд – светловолосый, с лысиной, мужчина средних лет, шуплого телосложения, сразу же потребовал от нас парного прохода двух самолётов.

– Орлы! Кто готов идти ведомым в плотном строю? – обратился я к своим подопечным. Готовых не оказалось.

– Мы же не в парадной эскадрилье летали, – заметил один из них, – для нас нормальный строй 150–200 метров.

– Не годится, нужно 15–20 метров, отреагировал я. – В таком случае Коваль становится ведущим, а мне на «спарке» придётся быть ведомым. Солощенко – вы со мной, в заднюю ка-

бину, будете готовиться летать самостоятельно в процессе турне.

После первого полёта Философ делился своими впечатлениями от полёта:

– Не то что пилотировать – сидеть в кабине страшно было, когда крыло за крыло заходит, кажется, что вот-вот столкнёмся. Прямо со взлёта «прилип» плечом к правому борту и до самой посадки боялся дух перевести.

– Ничего, ничего, – пытался я приободрить своего пилота, – «не боги горшки обжигают», полетаешь, привыкнешь. Конечно, «мух ловить» некогда, да и нервы приходится держать в «узле». А ты, Коля, должен как ведущий чувствовать меня, словно партнёршу в танце, если не хочешь, чтобы я «наступил тебе на ногу».

Первое авиашоу. Последние напутствия:

– Пилотировать с «музыкой» в душе, даже можно что-нибудь «мурлыкать», помогает сохранить спокойствие. Не смущайтесь, если вдруг нарушили порядок выполнения фигур, ведь программа – не догма, и зритель должен видеть постоянно уверенный почерк вашего пилотажа.

Всё прошло гладко. Многочисленные зрители, стоявшие у заградительной линии вдоль рулёжной дорожки, радостно улыбались и приветственно махали руками, когда мы заруливали на стоянку. Клиффорд расхаживал с довольным видом: какой-то «крутой» в бизнесе авиашоу спонсор заключил с ним контракт на наше выступление в канадском городе Абботсфорд...

Прожита первая неделя. Голова шла кругом от массы впечатлений при встречах с большим количеством незнакомых людей другого склада мышления, от ознакомительных поездок по городу.

В отношениях с нами не было замечено даже тени настороженности или недоверия ни со стороны «хозяев авиабазы», ни со стороны военных лётчиков США. Последние, это бросилось в глаза, жувствовали себя здесь «по-домашнему». Позднее я узнал, что несмотря на эту всемирно известную национальную особенность поведения американцев, аккуратные канадцы их за это недолюбливали...

Занимаясь организацией первого перелёта, мы встретились с определёнными трудностями. Бортовая навигационная аппаратура на наших истребителях не стыковалась с их наземными маяками. Чтобы выполнить довольно жёсткие условия по выдерживанию заданного эшелона, а также обеспечить контроль со стороны диспетчерских служб, потребовалась установка на борту наших самолётов специальной аппаратуры. После выполнения на авиабазе соответствующих работ в задней кабине «спарки» Тарас Татарин подыскал для ведения воздушных переговоров с диспетчерами и выполнения обязанностей штурмана канадского гражданского пилота по имени Майкл Биен, временно оказавшегося без работы. Майкл так же, как и Тарас, говорил на украинском, распростра-

нённом в западных областях Украины. Общение с ним было затруднительным лишь для меня, поскольку остальные члены команды были украинцы, знали и изучали в своё время в своих школах родной для них язык и поэтому быстро восстанавливали свои знания...

Пытаясь разнообразить лётную программу нашего ШОУ, как-то я сказал Клиффорду:

– Филд, переговоры с организатором ШОУ, я готов в конце своего выступления показать акробатический номер – посадку с пикирования сразу после выполнения поворота на горке. Это будет выполнено впервые на современном истребителе. Представляешь, как поднимется твой престиж?

На заинтересованные вопросы своих товарищей я ответил:

– В сравнении с контрактом мы можем постепенно усложнять наш номер, но я хочу понять, как будет реагировать на это Клиффорд.

Разрешение было получено. Точно рассчитав место выполнения последней фигуры, я благополучно уселся на бетон в начале ВПП. Публика ликовала и рукоплескала. Клиффорд целый день ходил радостный, с гордо поднятой головой.

– Я теперь известный в этом бизнесе человек, – заявил он нам.

– Филд, но в нашем бизнесе за подобные вещи хорошо платят, – «наемнул» я.

– Нет-нет, я не могу больше, чем в контракте, не могу, – испуганно воскликнул еврей, бегая глазами по сторонам.

В этот момент мы ещё не осознавали всю глубину основного закона в бизнесе капиталистического мира – в контракте главное не то, что ты обещаешь сделать, а то, на каких условиях это будет происходить. Нам только предстояло в будущем испытать то мерзкое чувство, которое испытывает человек, запряжённый в «ярмо»...

Впечатление о Канаде будет неполным, если ничего не сказать об украинской диаспоре, насчитывающей там около миллиона человек. Впрочем, она и в США имеется примерно в таком же количестве.

Познакомившись с канадскими украинцами разных поколений, поговорив с ними, я начал понимать ностальгию этих людей по своей изначальной родине, по родным местам, оставшимся в памяти с детских лет, по своим родным и близким.

Среди них были простые рабочие и миллионеры, профессора университетов и служители церкви, военные и чиновники министерств. Одни спасались от сталинских репрессий, другие были угнаны гитлеровцами в Германию на трудовые работы, а после войны завербованы на работу в Канаду, третьи боролись с «москалями» за самостийность Украины. Разные люди, но с одной судьбой – обретая вторую родину для себя и своих детей, они не могли забыть первую.

В каждом городе украинцы встречали нас цветами, улыбками и слезами. Протягивая к нам руки, они обнимали нас, незнакомых военных, вчерашних

советских офицеров и коммунистов. Фотографируясь семьями возле МиГов, они не отводили счастливых глаз с нанесённого на киль государственного герба, содержащего в себе слово «ВОЛЯ» (украинский трезубец, нарисованный древнерусскими буквами, как бы с символической прорисовкой этого слова – А.Г.). На банкетах, устраиваемых в нашу честь, каждый из них пытался узнать об Украине что-нибудь своё, обращались с просьбами помочь отыскать своих родных. Пожилые показывали фотографии, запечатлевшие их тяжёлый труд на новой родине, где они валили и корчевали лес, пахали и выращивали пшеницу, ставшую впоследствии знаменитой канадской пшеницей. Какой-нибудь бывший «бандеровец» с гордостью показывал свои ордена, полученные в борьбе с коммунистами, а я вспоминал своего отца, уцелевшего в сражениях на Курской дуге. Разные люди – разные судьбы. Надо было видеть, с какой любовью украинцы показывали нам свои церкви, школы, где по субботам учат своих детей «родной мове», молодёжные ансамбли украинских танцев, музеи национальной культуры...

Уважение вызывает любой народ, не забывающий свою историю.

У меня создалось такое впечатление, что эти эмигранты знают о своей родине и чтят её больше, нежели многие из тех, кто проживает на ней. Вот уж, действительно, ценишь больше то, что теряешь...

Визы на въезд нашей команды в США Киев добивался довольно долго. По характеру реакции официальных властей в Вашингтоне можно было понять, что есть какие-то силы, препятствующие нашему дальнейшему турне, теперь уже – по США. Клиффорд явно нервничал, беспокоясь за возможный срыв контрактов и за успех своего бизнеса в собственной стране. Наконец разрешение было получено.

Генерал Скалько готовился возвращаться в Киев, за время своего пребывания в Канаде он завоевал у украинской диаспоры большой авторитет и популярность, многие её представители не раз заявляли, что именно он должен возглавить «повитренние» силы на Украине. На одной из торжественных встреч в украинском Доме он заявил в своём выступлении:

– Бандера является национальным героем, а все сражавшиеся вместе с ним за «вильную» Украину достойны памяти и уважения своего народа...

Лично я не был готов к положительному восприятию таких слов, и в перерыве, заметив моё явное отчуждение к нему, генерал, слегка смущаясь, попытался объяснить своё выступление.

– Не придавай этому большого значения, я только повторил слова министра обороны Украины Морозова...

Задолго до этого случая генерал уже перестал брать меня с собой в качестве своего заместителя на официальные встречи с прессой. Я понимал своё положение «белой вороны» в украинской команде и не возмущался. Теперь же характер наших взаимоотношений определился окончательно».

# О войне не всё рассказано

Из книги Анатолия Гулева «Как рождалась корабельная авиация России» (Кузбасс: Новокузнецк, Прокопьевск – 2018 год, стр. 283-287, 370-379)

## Подвиг авиатехника Конникова

«Есть ли место подвигу в профессиональной деятельности авиационного техника или другого специалиста инженерно-авиационной службы авиационного полка?» — задаю сам себе вопрос. «Есть!» — сам же себе и отвечаю, поскольку точно знаю, что в годы Великой Отечественной войны, как отмечали очевидцы, героизм в деятельности ИАС боевых авиационных лётных частей был массовым и повседневным. Чего только стоило поддержание в боевой готовности требуемого уровня самолётного парка боевых авиационных полков в невероятно сложных фронтовых условиях, без достаточного количества запасных частей?! А восстановление и ввод в строй самолётов, вернувшихся на свой аэродром, насквозь, вкось и вкось прошитых пулемётными очередями, а то и пушечными снарядами — с разодранными фюзеляжами и крыльями!? Об эвакуации с мест вынужденных посадок — подбитых в воздушных боях вражескими зенитками или самолётами наших боевых самолётов, пригодных для восстановления и ввода в строй в боевых — полевых условиях, уж и говорить нечего. Иначе, чем героизмом, это назвать невозможно.

Все работы специалистов ИАС во время войны и в условиях войны выполнялись на грани человеческих возможностей и большого риска.

Обыденностью считалась круглосуточная служба специалистов ИАС — без сна и отдыха, на пределе человеческих сил и возможностей. Не зря ходила на фронтах Великой Отечественной войны поговорка об авиационном мотористе: «Вечно грязный, вечно сонный — моторист авиационный».

Сложно перечислить, сколько иных задач, не связанных с выполнением своих функциональных служебных обязанностей, приходилось выполнять на войне специалистам ИАС, и они безропотно выполняли их.

...Когда я учился в Ачинском ВАТУ, у нас большое значение придавалось занятиям курсантами спортом, особенно лыжному спорту. За зиму каждый курсант обязан был набегать на лыжах пятьсот сибирских километров. Накатывали больше.

Не меньшее значение придавалось общественно-полезному труду. В те годы в Ачинске строился огромный Ачинский глинозёмный завод («АГЗ», как мы его называли). И почти каж-

дую субботу, в наш выходной день, нас вывозили туда на всевозможные вспомогательные хозяйственные работы. Мы убрали строительный мусор, чистили, мели, гребли.

Осень после нашего возвращения в училище из летних отпусков началась с заготовки овощей для нужд училища. Нас побатальонно вывозили в какой-нибудь колхоз или совхоз — в чистое поле, где мы разбивали палаточный лагерь: жили, работали и несли в нём свою военную службу по месяцу и более до наступления устойчивых сибирских холодов, когда на землю уже ложился снег.

В процессе учёбы в военном училище не меньшее внимание уделялось повышению морального и культурного облика и духа курсантов: в праздничные и воскресные дни организовывались массовые походы (строим и с песнями) в городской драматический театр на премьеры новых театральных постановок. Вместе с нами ходили командиры с жёнами и детьми.

Устраивались коллективные походы в Ачинский городской кинотеатр «Сибирь» для просмотров кинофильмов с военной тематикой.

На высоком уровне в училище была художественная самодеятельность, в которой принимали активное участие курсанты, имевшие к этому склонность. В праздничные и выходные дни они устраивали концерты в курсантском клубе.

Особенно запомнился мне один из таких концертов, на котором курсант из моей 11-й роты Михаил Бига прочитал стихотворение о подвиге авиационного техника во время Великой Отечественной войны, который «на воздушной тяге доставил фронту эшелон». У Михаила был хороший сценический голос, он умел читать стихи так, что они трогали за душу всех, кто слушал его. После того концерта мы обсуждали подвиг авиатехника, кто-то сказал, что за этот подвиг авиационный техник был удостоен звания Героя Советского Союза, это был единственный авиационный техник, удостоенный высшей награды государства за всю историю Великой Отечественной войны.

Шли годы. Многие из прошлого забылось. Но сюжет этого стихотворения мне всегда помнился. Захотелось узнать: был ли такой случай в действительности? При этом я не знал ни автора произведения, ни фамилии героя, о котором говорилось в стихотворении. Просто помнил некоторые строки, и всё!

Не так давно я освоил компьютер на уровне секретаря-машинистки, набирающей тексты на печатной машинке, научился выходить в Интернет. На сайте «Одноклассники» разыскал своего бывшего однокашника по учёбе в АВАТУ Михаила Бигу, теперь Михаила Михайловича, такого же военного пен-

сионера, как и я. Обменялись информацией друг о друге. Оказалось, что Михаил Михайлович немало хватил лиха в жизни. Военная служба его прошла интенсивно и интересно, в чём-то и трагично, как и моя. Ему довелось служить в Забайкалье, в Монголии, в Германии. Из Германии их авиационный полк был выведен в чистое поле в Белоруссию и сокращён. Там и живёт в настоящее время мой бывший однокашник.

Так вот, как-то я спросил Михаила Михайловича, помнит ли он стихотворение о подвиге авиационного техника, который на воздушной тяге доставил фронту эшелон, и кто автор этого стихотворения?

— Стихотворение называется «Подвиг авиатехника Конникова», автор стихотворения — Иван Шамов. В Интернете информация об этом есть», — почти тут же ответил мне Михаил Михайлович.

И вот что я нашёл во Всемирной сети:

### Шамов Иван Васильевич

Поэт, в прошлом военный лётчик-истребитель, участник Великой Отечественной войны, инвалид войны.

Родился в 1918 году в селе Хлыстово Моршанского района Тамбовской губернии, в семье лесника.

Автор поэтических сборников: «Дежурное звено» (1953г.), «За рекой Цной» (1958г.), «Солдатское сердце» (1960г.), «На заданной волне» (1962г.), «Тополёк» (1964г.), «Всегда в полёте» и другие...

В стихах поэт-воин рассказывает о подвигах боевых товарищей — военных лётчиков, о нашей героической авиации. На слова некоторых стихотворений Ивана Шамова написана музыка, сложены песни. Например, широко известный в нашей стране композитор Борис Мокроусов написал музыку к стихотворению Ивана Шамова «Костры горят далёкие». Эта песня и сегодня не теряет красоты и благозвучия. Как романтично звучат слова:

«Костры горят далёкие,  
Луна в реке купается,  
А парень с милой девушкой  
На лавочке прощается...».

О поэте Шамове И.В., его творчестве и жизни в 1960-е годы был снят документальный фильм.

Умер Иван Васильевич 20 декабря 1965 года, похоронен на Головинском кладбище в Москве.

Уже после смерти поэта были выпущены сборники его стихов: «Как дорога ты мне, Россия» (1986г.), «Костры горят далёкие» (2007г.).

Об истории написания стихотворения «Подвиг авиатехника Конникова» поэтом Иваном Шамовым в Интернете я нашёл следующую информацию:

«Эшелон техником спасён»

В сообщении Совинформбюро от

27.07.1941 года говорилось о подвиге авиатехника Конникова...

Вот как об этом рассказал позднее поэт Иван Шамов, лётчик-фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны:

«Враг сыпал с неба бомбы градом,  
Горел разбезд среди берёз,  
И развороченный снарядом,  
Шипел бессильно паровоз.

Пылали рядом эшелоны.  
В кусты бы технику уйти...  
Но он не мог: его вагоны  
Стояли с грузом на пути.

В душе кипели боль и мщенье,  
Но что поделат может он?  
Какое здесь принять решенье  
И как спасти свой эшелон?

...Вот на платформе — зачехлённый,  
Стоит бескрылый ястребок.  
И техник — мыслью озарённый,  
Бежит к нему: «Спасай, браток!»

Он знает сердце самолёта —  
Мотор, до малого шплинта.  
Не хуже всякого пилота  
Ему известна мощь винта!

Чехол отброшен. И в кабине  
Привычно действует рука.  
Вот что-то дёрнулось в машине,  
Забилось сердце ястребка!

Газок! И ярый рёв мотора  
Все звуки разом перекрыл.  
Казалось, в светлые просторы  
Рвалась машина и без крыл!

Блестящим серебристым диском  
Крутился винт перед лицом.  
И техник на сиденье низком  
Себя почувствовал бойцом.

Ещё газок! И вот удача:  
Состав поплыл среди берёз.  
А сзади где-то, словно плача,  
Шипел подбитый паровоз.

Мелькали тени вдоль откоса,  
Назад бежали деревца...  
И поезд шёл без паровоза,  
Спасённый волей храбреца!

А он не думал об отваге,  
В страну Советскую влюблён,  
Он просто верен был присяге  
И на воздушной мощной тяге  
Вёл к фронту срочный эшелон».

Думаю, что только сообщением в сводке Совинформбюро, да позднее стихотворением поэта Шамова И.В. был отмечен подвиг авиатехника Конникова.

Я поискал информацию об этом событии в Интернете, но ничего не нашёл. В списках Героев Советского Союза Великой Отечественной войны Конников не числится. Да и как иначе могло быть: 27 июля 1941 года шёл ещё только второй месяц Великой Отечественной войны, наши разрозненные войска, огрызаясь и жёстко сопротивляясь превосходящему по силам вероломному противнику, почти ежедневно отступали и отступали... До наград ли было?



# Как мы Черчилля победили

(Армейская байка)

Примерно такую историю я впервые услышал в детстве от своего родственника, служившего срочную службу (в пятидесятых годах прошлого столетия) в одной из частей Московского военного округа. История, как легенда, передавалась из уст в уста среди солдат и офицеров, и сегодня уже никто не скажет, где в ней правда, а где вымысел.

Во время моей офицерской службы в армии я не единожды слышал эту историю от лётчиков-испытателей и авиационных инженеров, служивших вместе со мной в Феодосийском ЛИЦ, многие из которых, начиная военную службу, обучались мастерству у бывших фронтовиков, которые и рассказали им эту бесспорно интересную и знаменательную историю в различных её вариантах.

Главным персонажем легенды якобы был один из будущих командиров Феодосийского ЛИЦ (лётно-испытательного Центра), назовём его Ермаковым Львом Фёдоровичем, который в своё время был легендарной личностью не только в ВВС (Военно-Воздушных Силах), но и во всех Вооружённых Силах Советского Союза. Возможно, и далеко за их пределами.

Рассказывали, что широкая известность, слава и популярность Ермакову Л.Ф. изначально пришла не на лётной работе, как у большинства его коллег, военных лётчиков, а, скажем, так, из-за особо прославляемой многими характерной черте нашего человека, по которой отличают русских во всяких там заграничах.

Словом, ходила в годы моей службы в армии байка. Не могу твёрдо утверждать, что основана она на реальном событии. Но, как говорится, за что купил, за то и продаю. Одна из версий байки гласила приблизительно так:

Всем известно, что с началом Великой Отечественной войны в 1941 году нашей Родине, народу пришлось нести на своих плечах всю её тяжесть. Также всем известно, что руководство нашей страны с самого начала войны искало союзников в борьбе с гитлеровским фашизмом, в том числе и в стане бывших своих врагов по гражданской войне. Прежде всего, в странах бывшей «АНТАНТЫ»: в Англии и США.

На протяжении остатка 1941-го и начала следующего 1942 года министр иностранных дел и первый заместитель Верховного Главнокомандующего Вячеслав Михайлович Молотов несколько раз летал в Англию и США на советском дальнем бомбардировщике, наскоро переделанном в «пассажирский вариант». Перелёты эти были опасными и рискованными, в некоторых местах проходили над территорией, окку-

пированной гитлеровской Германией, с обходами и прорывами кордонов гитлеровского «Люфтваффе». Тем не менее, руководство страны шло на этот риск, и не забавы ради. Обстановка принуждала к риску.

Наверное, мало кому известен тот факт, что после Молотовских «круизов» в Англию и США, как минимум один раз, прилетал к нам в Москву и тогдашний премьер-министр Англии Уинстон Черчилль. Легенды гласили, что прилетал Черчилль к нам в Москву на том же самом, переделанном в «пассажирский», военном русском бомбардировщике, на котором летал в Европу В.М. Молотов.

Так вот, командиром экипажа этого самолёта и являлся никому ещё не известный тогда военный лётчик Ермаков Л.Ф., в то время один из командиров полкового или дивизионного звена советских ВВС. Перелёт этот военный лётчик Ермаков Л.Ф. выполнил блестяще, как говорится, без сучка, без задоринки.

При этом дальнейшая военная служба и судьба у перспективного военного лётчика сложилась не столь удачно, как его полёт в Англию. Толи он в одном из последующих боевых вылетов неудачно выполнил боевое задание, толи разломал на посадке самолёт, толи ещё что-то случилось, но бывшего аса не только разжаловали, но и уволили с военной службы в ВВС. При этом изгнанник Ермаков искренне благодарил судьбу за то, что уберегла его от «ГУЛАГА», что поспособствовала прилично устроить личную жизнь. После всего случившегося с ним работал он начальником аэропорта зарождающейся в ту пору гражданской авиации, пусть и в сибирском, но не захолустном городе — в Иркутске. Во всяком случае, так гласила легенда.

...Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Уинстон Черчилль, уже не будучи премьер-министром Англии, вновь, теперь уже официально, прилетел в Москву как руководитель английской делегации на четырёхмоторном «Дуэласе».

Перед визитом в Советский Союз именитый английский гость передал в Москву по дипломатическим каналам связи свою личную просьбу к руководителю страны, которую не смогли понять ни в советском МИДе, ни в аппарате руководства страны. Он просил И.В. Сталина разрешить ему встретиться с русским лётчиком (который привозил его из Лондона в Москву и обратно), якобы, с целью вручения ему высшей воинской награды Англии от имени королевы.

Сталин по себе знал, что на людей его уровня иногда находит блажь, когда им начинает нравиться кто-то из артистов,

писателей или военных... Поэтому вопрос, почему Черчиллю захотелось встретиться с нашим никому не известным военным лётчиком, который просто-напросто выполнял приказ, Сталина не интересовал. Поскольку он прекрасно понимал, что с политической точки зрения это блажь Черчилля, его фарс или ещё что-то в этом роде и не более того, если внимательно посмотреть на всё то, зачем он вновь летит в Москву.

Сталина интересовала истина: что явилось причиной, заставившей англичанина запомнить случайную встречу с нашим военным лётчиком? Ведь он мог просто позабыть про неё — мало ли у него было за время войны всевозможных перелётов, поездок и прочих встреч? Много! Разве можно запомнить всех проводников поездов и машинистов паровозов, водителей машин или лётчиков, которые перевозили его куда-то или откуда-то, за все военные годы? Невозможно!

А Черчилль запомнил! Почему запомнил? А раз запомнил — значит, был повод запомнить! А раз был повод, то почему он, Сталин, не знает, что заставило Черчилля запомнить этого военного лётчика?

В общем, вопросов много, а ответов — нет! Возможно, так думал И.В. Сталин, прочитав очередное послание Черчилля, потому взял под личный контроль эту необычную просьбу и приказал найти всю исчерпывающую информацию по названному в письме человеку.

Доложили всё, что «нашли!» Прояснений в сознании руководителя страны по интересующему его вопросу не наступило, просмотр «личного дела» бывшего военного лётчика ничего не дал. Это заинтересовало И.В. Сталина ещё сильнее. При этом он точно знал, что очередная просьба «старого английского лиса», как звали Черчилля в ведомстве Молотова, не что иное, как очередная политическая уловка. Конечно, он мог бы отмахнуться от просьбы Черчилля, сообщив ему, что военный советский лётчик героически погиб на войне, сражаясь против общего врага — гитлеровского фашизма. Но Сталину не хотелось делать этого, не хотелось обманывать хоть и не уважаемого им, но бывшего союзника...

Руководитель Советского государства, выигравшего великую войну с гитлеровским фашизмом, считал, что он не может дать ложную информацию человеку, имевшему незаурядную смелость. Пусть и высшим пиком его смелости был тот самый первый его полёт в Москву, на первую встречу с ним (Сталиным) летом 1942 года. Говорят, что Иосиф Виссарионович побаивался летать на самолётах. Оттого он приказал провести более детальное собеседо-

вание с опальным бывшим военным лётчиком по месту его проживания. Немногом позднее принял решение о доставке его из Иркутска в Москву на специально выделенном для этого военном-транспортном самолёте.

Ермакова «нашли» в Иркутске быстро и без проблем.

Когда его начали «тягать» в НКВД, внутри у него всё похолодело!

«За старое взялись!», — с тревогой решил Ермаков, поскольку иных грехов за собой не знал, чего-либо «путнего» от ежедневных допросов и расспросов не ждал. Оттого незаметно для жены начал собирать «тревожный» чемоданчик, как когда-то ещё до войны, в молодые годы службы в военной авиации. Но тогда он собирал его абы как, лишь бы от командиров «отбрыкаться». Теперь же основательно обдумывал потребность каждой укладываемой в чемоданчик вещи. При этом в висках у него стучало, в ушах — звенело.

Лев Фёдорович никак не мог понять, чего хотят от него услышать оперативники? Один день они расспрашивали его о том, где конкретно он служил, на каких конкретно самолётах летал, на каком фронте воевал, как воевал? Через какие должности прошёл? Кто были его командирами и начальниками, конкретно?

Во второй день подробно расспрашивали о том, бывал ли он за границей до войны, во время войны и после войны?

На третий день начали допытываться о его друзьях, знакомых: есть ли кто из его друзей и знакомых среди высокопоставленных лиц нашего государства, иных дружественных и недружественных нам государств?

Обращался ли он к кому-то из своих знакомых высокопоставленных лиц нашего и иных государств когда-нибудь с какими-то просьбами и пожеланиями? Если обращался, то когда, каким образом, через кого?

Вопросов было много, а ясности никакой! При этом смущало Ермакова лишь то, что очень уж вежливо и учтиво обращались к нему в беседах: всё на «Вы», да на — «Вы!» Хотя он прекрасно знал, как обходятся у нас с «подозреваемыми» людьми в органах дознания. Через неделю дознаватели сообщили, что предписано доставить его из Иркутска в Москву специально выделенным военном-транспортным самолётом.

— А «тревожный чемоданчик» можно прихватить с собой? — несмело спросил Ермаков.

— Этого делать не надо! Если бы «туда», то повезли бы в «телятнике», а вам самолёт выделили! Поэтому одежда должна быть приличной и всё ос-



тальное на этом уровне. Хотя, если потребуется, то вас там переоденут!

«Час от часу не легче», — подумал Ермаков. Но в душе как-то отлегло и потеплело, поскольку без «тревожного».

В Москве его встретили так же уважительно, как члена правительства. На легковом автомобиле доставили в гостиницу Министерства обороны. Поселили в приличном одноместном номере. Сказали, что два дня он может отдыхать, особо не расслабляясь, погулять по Москве. На третий день никуда не отлучаться. К нему придут и сообщат о дальнейших действиях.

Два дня, мучаясь неизвестностью, Ермаков «отдыхал», слоняясь из угла в угол в гостиничном номере. Вниз спускался лишь пообедать в гостиничном ресторане, да прошёлся пару раз по асфальтовой дорожке вокруг всё той же гостиницы.

На третий день к нему действительно пришли два молодых человека, хорошо одетых в штатскую одежду, и сообщили, что на следующий день в десять часов утра товарищ Сталин пригласил его к себе на беседу.

...Товарищ Сталин встретил Ермакова приветливо, как старого знакомого: поднялся из-за стола, вышел на встречу, поздоровался с ним по рукам и на стул рядом с собой посадил. После чего поинтересовался, не было ли у него проблем с перелётом из Иркутска в Москву, как в Москве встретили и разместили в гостинице?

Словом, расспросил обо всём, что касалось жизни Ермакова до того момента, когда ему по «совершенно секретному» приказу товарища Сталина пришлось выполнить несколько полётов в Лондон.

— Так вот, товарищ Ермаков, — сказал Сталин, — мы и подошли к вопросу, по которому я пригласил вас на беседу. Черчилль в гости прилететь собирается. Он изъявил желание встретиться с вами. Я никак не могу понять, чем вызвано его желание? Чем вы ему запомнились, ведь с тех пор прошло уже более трёх лет, и каких лет.

Сколько было у него всевозможных различных встреч за это время? Много! Сколько людей промелькнуло у него перед глазами за это время? Много! Обо всех остальных он позабыл, а вас помнит! Почему? — на высокой ноте закончил говорить Сталин и, в упор посмотрев в глаза собеседнику, поднялся. Вслед за ним поднялся и Ермаков.

— Нет, нет, — остановил его Сталин, — вы сидите. Я это так, по привычке, мне так лучше думается...

Бледный Ермаков, доставленный в самый главный кабинет страны из Иркутска, находящегося отсюда более чем в шести тысячах километров, обратно опустился на стул, не зная, что ответить вождю народа.

Потупив глаза, некоторое время он сидел, напряжённо думая о тех момен-

тах своей жизни, что были связаны с именем Черчилля.

Ермаков хорошо помнил те дни, хорошо понял и суть вопроса, который задал ему руководитель страны, и его интерес к этому.

Но одно дело он, Лев Ермаков, рабоче-крестьянский сын, бывший военный лётчик. Другое дело — Черчилль, государственный человек планетарного масштаба со взглядами и мышлением того же уровня. Чем же ему, английскому вельможе и аристократу, запомнился он, Ермаков, который и был-то рядом с ним немногим более одних суток? И что в этих сутках было самым главным, что запомнилось Черчиллю?

Ермаков мысленно начал отделять друг от друга детали тех суток своей жизни, всесторонне рассматривая их и отбрасывая в сторону одну за другой в своей памяти.

Сталин в это время, отойдя от собеседника на несколько шагов, раскурил трубку и, попыхивая дымком, всё так же внимательно смотрел на него, ожидая вразумительного ответа на свой вопрос.

— Товарищ Сталин, я перепил его! — смущённо промямлил Ермаков, не найдя ничего более значимого и запомнившегося из тех самых знаменательных суток своей жизни. И, словно побитая собака, поднял глаза на высокого собеседника.

— Что-о-о? Ты перепил этого борова? — с явно выраженным сомнением и недовольством процедил сквозь зубы Сталин.

— Да, товарищ Сталин, перепил! — уже более твёрдо и уверенно ответил Ермаков, окончательно поняв, что только это могло запомниться Черчиллю за всё время пребывания Ермакова возле него. — Но если сказать честно, перепил я его обманом. Никогда и никому об этом не говорил, стыдно было до глубины души. Но перед вами, как перед Богом, перекреститься могу, хотя я и не верующий!

После такого чистосердечного признания Ермакова обмяк душой и товарищ Сталин. Вернувшись к рабочему столу, он не спеша, сел на стул. После этого дружелюбно сказал: «Ну, хорошо, давайте всё по порядку, товарищ Ермаков!».

— Всё по порядку, товарищ Сталин, — начал рассказ Ермаков. — Прилетел я в Лондон ранним утром, там только только начинался рассвет. Самолёт наш сразу же закатили в ангар и закрыли ворота.

О том, что прилетели за Черчиллем, в экипаже, кроме меня, никто не знал. Знать не полагалось. Если что-то требовалось спросить или уточнить об этом, в экипаже говорили: «пассажир», «за пассажиром», «от пассажира». И всё!

В Москве, когда прорабатывали задание, мне сказали, что обратный вылет должен быть осуществлён через сутки, с наступлением темноты. Проходят сутки — не вылетаем, вторые — не вылетаем, третьи — то же самое. Причину

задержки вылета не знаю. Да и где её узнаешь, не у себя же дома.

Куратор, молодой паренёк из нашего посольства в Лондоне, руками разводит. Я — в сомнениях. Думаю, что-то случилось, наверное, расхотел наш «пассажир» в Москву лететь. Может, страшно стало, или ещё какие-то обстоятельства вмешались в дело?

На четвёртый день, ближе к полудню по лондонскому времени, приехал к нам наш куратор. В сторону отвёл меня и потихоньку сообщил, что вызывают меня.

— В наше посольство? — спрашиваю.

— Нет, к Черчиллю. Одного, инкогнито! — побледнев, сообщил он. — С Москвой вопрос обговорен, разрешили. Но смотри, не болтай там чего лишнего, сам понимаешь, если что...

На легковом автомобиле из ведомства Черчилля меня инкогнито доставили в резиденцию премьера Великобритании. Встретил он меня холодно. Даже не поздоровался. Через переводчика, не глядя на меня, спросил, разговариваю ли я на английском языке?

Я ответил ему сам, по-английски: «Разговариваю, но не в совершенстве».

После этого он отпустил своего переводчика и далее мы с ним вели беседу с глазу на глаз.

Сделав небольшую паузу, в упор глядя мне в глаза, Черчилль пренебрежительно спросил: «Не осведомлена ли немецкая разведка о цели моего прилёта в Лондон?»

— Если со стороны Лондона секретность о цели моего прилёта сюда обеспечена, то в секретности со стороны Москвы не сомневайтесь, гарантия сто процентов! — ответил я.

После того, как мы разобрались в вопросах секретности, Черчилль, поднявшись, подошёл к зашторенной стене своего рабочего кабинета и, раздвинув портьеры, открыл карту Северо-Западной Европы, до Москвы включительно.

— Каким маршрутом вы прилетели в Лондон и каким полетите обратно? — спросил он.

Я доложил.

— Немцы нас не подкараулят где-нибудь? — вновь вернулся он к началу разговора.

— Нет, — однозначно ответил я, — это неоднократно проверено!

Зашторив карту, хозяин кабинета начал расспрашивать о самолёте, на котором мы прилетели и на котором повезём его. Его интересовало всё: высота полёта, скорость и продолжительность предстоящего перелёта, максимальное время, в течение которого самолёт может держаться в воздухе, максимальная дальность полёта самолёта. Спросил: «Если вдруг посадка в Москве сразу не получится, то какое время мы ещё сможем продержаться в воздухе и где будет произведена посадка?».

— Сможем вернуться обратно на аэродром взлёта или сядем на один из ближайших советских военных аэро-

дромов, по вашему усмотрению, — ответил я.

Считаю, что моими ответами на вопросы он был удовлетворён. Но полной уверенности о его готовности к перелёту не было. Мне казалось, что он всё ещё в чём-то сомневается.

В процессе подробного доклада руководителю своей страны Ермаков перестал волноваться, время от времени поглядывая на собеседника, по его мимике делал выводы о реакции на свой доклад. Сталин слушал Ермакова молча, не перебивая, попыхивая дымком, изредка согласно кивал головой, как бы говоря: «Согласен, верно говоришь, да, было такое...».

— После доклада и ответа на все вопросы Черчилля, — продолжил Ермаков, — мне подумалось, что аудиенция окончена. Я попросил разрешения удалиться, но неожиданно получил от него приглашение на совместный ужин.

Каких-то конкретных указаний на этот счёт не было, поэтому я счёл неприличным отказываться от приглашения. К тому же, видя сомнения Черчилля, подумал, что мой отказ может стать той каплей в его сомнениях, которая сможет перетянуть чашу весов не в нашу сторону, ясно понимая, что «порожняком» возвращаться в Москву я не имею права. Поэтому всё то, что зависело от меня, я должен был сделать!

Черчилль предложил пройти в столовую, где уже был накрыт стол на две персоны. Для начала хозяин налил себе и мне по маленькой коньячку. Подняв свою стопку, предложил тост за ваше здоровье, товарищ Сталин.

Я выпил стоя, нарочито подчёркнув старую русскую офицерскую традицию с оттягиванием локотка.

Немного закусив и лукаво улыбувшись, Черчилль сказал, что слышал, что русские очень крепки в отношении выпивки. Но лично убедиться в справедливости этого утверждения в жизни ему всё как-то не представлялось возможности.

— Не могли бы вы, мистер Ермаков (именно так он назвал меня), продемонстрировать мне это?

— Только вместе с вами, сэр! — ответил я.

Поняв смысл сказанного и ничуть не поколебавшись, он убрал маленькие рюмки и выставил большие, что-то вроде фужеров. И тут же наполнил их доверху, как иногда это делаем мы, русские, когда пьём из гранёных стаканов, по полной!

— За ваше здоровье, мистер Ермаков, — предложил он новый тост буквально сразу же после того, как наполнил фужеры и, не моргнув глазом, осушил свой фужер, всё так же лукаво улыбаясь и глядя на меня.

— За ваше здоровье, сэр, — также учтиво, поднявшись со своего места и с оттяжкой локотка, в свою очередь произнёс я. И не хуже, чем он, влил в себя содержимое своего фужера. Не успел я ещё поставить на стол опустошённую тару, как Черчилль тут же начал её наполнять.

После третьего или четвертого выпитого фужера, немного покраснев, он закурил сигару. Предложил и мне. Покурили. Поговорили о делах на наших фронтах. При этом в его рассуждениях чувствовались хорошие знания того, о чём он говорил или спрашивал.

Куря сигару, я сказал, что несмотря на всю прелесть сигар, мне всё же больше нравятся наши папиросы «Казбек».

— Привычка, — ответил он.

Покурив, Черчилль сходил в туалет. Вернувшись, предложил и мне последовать его примеру. И от этого его предложения я не отказался.

Когда мы вновь расселись по своим местам, Черчилль тут же взялся за своё дело, начал наполнять фужеры.

Таким образом «ужинали» мы с ним всю ночь, изредка прерывая занятие лишь перекурами да посещениями туалета. Под утро, ясно осознавая, что мы оба сильно пьяны, Черчилль, неуверенной рукой разливая по столу коньяк, вновь наполнил фужеры. Немного посидев в бездействии, как бы раздумывая, что делать дальше, он потянулся к своему фужеру. Но силы предательски покинули его, он беспомощно откинулся на спинку кресла и с каким-то страхом посмотрел на меня.

Поняв, что соперник пить больше не может и готов признать своё поражение, я встал, поднял свой фужер, и, сказав: «За ваше здоровье, сэръ!» — полностью осушил его одним махом, как и ранее. Кивком головы отдал честь хозяину застолья и попросил разрешения покинуть пределы его резиденции.

— Русские непобедимы! — только и смог произнести Черчилль, недовольно сопроводив сказанное изгоняющим меня движением правой руки. Я понял последнее, что я «свободен» и могу уйти.

Так закончилась моя злосчастная лондонская пирушка с Черчиллем.

Почему она так глубоко засела в его душу? На мой взгляд, задача несложная: он очень тщеславен и не любит проигрывать даже в пустяках.

Вам, товарищ Сталин, честно признаюсь, что обманул я его тогда. Дважды трезвил себя распространённым нашим русским способом, когда ходил в туалет. Англичане, видимо, делать этого не умеют и не знают. Во всяком случае, Черчилль подвоха с моей стороны не заметил. Иначе победить его при такой большой разнице в весовых категориях я, конечно же, не смог бы. И это понимал я с самого начала нашего с ним «соревнования».

Ещё через двое суток, с наступлением ночи, мы вылетели из Лондона. Далее, товарищ Сталин, вы знаете всё сами, — этими словами закончил доклад Верховному Главнокомандующему опальный военный лётчик Ермаков Лев Фёдорович.

Внимательно выслушав доклад Ермакова, товарищ Сталин вновь поднялся, рукой придерживая собиравшегося подниматься собеседника. Молча прой-

дясь по кабинету, с удивлением произнёс: «Надо же, Черчилля победил! Молодец, генерал, так ему и надо!»

Затем остановился напротив Ермакова и внимательно начал рассматривать его, словно увидел только сейчас. Под пристальным и жёстким взглядом Сталина разжалованный бывший военный лётчик, не совсем понимая сказанных вождем слов, поднялся-таки и вытянулся перед ним в струнку.

— Действительно, Ермак! Хранитель и держатель Русской Воинской Славы! Разрешаю вам вновь встретиться с вашим английским «другом» и по-настоящему закрепить наш успех. Вы его и так победите, без обмана, я в этом уверен. Одно запомните: ни при каких обстоятельствах не рассказывайте Черчиллю о своём обмане. Пусть это будет нашей государственной тайной, или нет, военной хитростью! И пирушку лондонскую «злосчастной» не считайте, не называйте её так больше нигде и никогда. Если бы все наши русские пирушки так заканчивались и имели бы такое же значение и успех, то долго со своими врагами мы бы не воевали. Да и насколько дальше ушла бы вперёд наша страна!

Всё теперь мне ясно, всё логично. Одного не могу понять: почему я об этом только сейчас узнал? Но это уже не ваша головная боль.

В тот же день Ермаков Л.Ф. был восстановлен на службе в Советской Армии, ему было присвоено воинское звание генерал-майора авиации. А за особые заслуги в Победе над гитлеровским фашизмом Указом Президиума Верховного Совета СССР ему была присвоена высшая государственная награда — звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда Героя Советского Союза» и ордена Ленина.

А ещё через два дня в новенькой парадной генеральской форме при всех его орденах и медалях, в сопровождении ответственного работника советского МИДа Ермаков был доставлен в английское посольство в Москве на встречу с бывшим английским премьером Уинстоном Черчиллем, принял из его рук высшую воинскую награду Великобритании.

Впоследствии Лев Фёдорович Ермаков ещё не одно десятилетие прослужил в Вооружённых Силах Советского Союза и сделал много значимых дел во Славу Русского Оружия, за что не единожды ещё награждался различными наградами Родины и повышался в воинском звании.

Но с Черчиллем он больше не встречался...

*(P.S. На историческую достоверность описанного в «байке» события не претендую: событие имело место быть, истинность и подлинность происшествия мне не известны. Сообразуясь со своими логическими построениями и выводами, я описал его так! — АВТОР).*  
Прокопьевск

### Антология поэзии — Литературные объединения Кузбасса

(ГАУК «Кузбасский центр искусств»,  
2023г.; Кемерово. Т 2, стр. 212-216)

#### Поэтический клуб «Чистые родники»

Клуб (литературное объединение) работает на базе ЦБС Прокопьевского округа с 1999 года.

К 60-летию Прокопьевского района были собраны работы любителей поэзии района для сборника «Любовь моя, село» (1998г.).

Объединением изданы коллективные сборники: «Вначале было слово...» (2007г.), «Песнь о Кузбасской земле» (2008г.), «Люблю свой край, его просторы» (2014г.), «Горькая память войны» (2015г.), «Отечество моё — Кузбасская земля» (2017г.), «О войне написано не всё...» (2021г.).

К 300-летию образования Кузбасса был создан поэтический фотоальбом «Тебе, земля моя, твоим полям и сёлам я посвящаю строки от души...» (2021г.).

#### Добротворский

##### Владимир Владимирович

Родился 18 февраля 1962 года в селе Большая Талда Прокопьевского района. Член поэтического клуба «Чистые родники» с 2001 года. Свои произведения публиковал во многих коллективных сборниках, кроме того, издал авторские книги «Чувства вслух» (2011, 2021гг.), «Светка про Серёжку» (2017г.). Член Союза кузбасских писателей с 2015 года. Постоянный участник и неоднократный победитель областного открытого поэтического конкурса «Осеннее многоцветье» (г. Прокопьевск).

#### На плацдарме

(Рассказ отца)

*Третьи сутки мы без пищи.  
Вот такая, брат, беда.  
«Фоккеры» по небу рыщут,  
Пули и осколки свищут.  
Но для нас важней — еда.*

*Подвело желудки трошки,  
Хоть чего бы пожевать!  
Пусть не мяса и крошки,  
Нам бы малость хлебной крошки —  
Дальше можно б воевать!*

*Да, зажаты мы неслабо  
На днепровском берегу.  
Вот бы помощь подошла бы.  
Кухня каши принесла бы.  
Показали бы врагу!*

*Ночью были вновь обстрелы  
И подмога не пришла.  
Снова ничего не ели,  
Копошимся еле-еле.  
«Эх, была, что ль, не была!»*

*Чертыхнувшись смачным матом,  
(Что задумал — невдомёк),  
Прямо рядом с автоматом  
Фрол сапёрною лопатой  
Из земли червя извлёк.*

*Распластал как ту скотину,  
Сполоснул и — сунул в рот!  
«Налетай на свеженину!  
Червь сойдёт за буженину,  
Коли голод подопрёт!».*

*Да, противно, жутко, гадко!  
Но жевали все подряд.  
Кто — открыто, кто — украдкой.  
Стало для врага загадкой,  
Чем питался наш отряд.*

*Мы ещё два дня сумели  
Удержат участок свой!  
Там и наши подоспели...  
Ох, и вкусно мы поели!..  
Ну, а завтра — снова в бой!*

#### Сорок третий, Поднепровье

(Рассказ отца)

*Сын! Я вылью за здоровье  
Тех, кто выжить смог тогда.*

*...В сорок третьем в Поднепровье  
Выгрызали сёла с кровью.  
Что нам раны — ерунда.*

*Санитар повязку сладит,  
А боец: «Ползи отсель!»,  
Трёхлинейку погладит,  
Вновь приклад к плечу приладит,  
Глаз прищурит: вижу цель!*

*Третья, пятая атаки?  
Между ними — артналёт...  
Вновь скрежещут «тигров» траки,  
Снова фрицы жаждут драки!  
Ничего их не берёт!*

*Но отбились.  
Передышка?  
Нет. Вновь авианалёт.  
Перекура вновь не вышло.  
Что за дьявол?! В Ваньку дышло!  
С неба вой ревущий прёт!*

*Как стоголовая борзая,  
Взявши зайца в оборот,  
Воздух свистом разрезая,  
Страхом в душу заползая,  
Смерть летит, оскалив рот!*

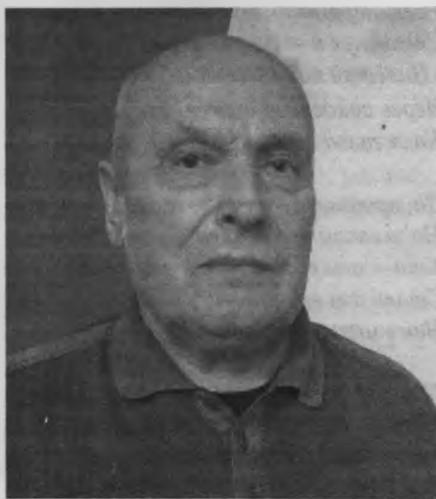
*Кто помог фашистским гадам?  
Что за новый арсенал?!  
Был в боях под Сталинградом  
(«За отвагу» есть награда),  
Но такого знать не знал!*

*Мы лежим. А жить охота...  
Но стихать стал страшный бес...  
Присмотревшись, первый кто-то  
Закричал: «Живём, пехота!»,  
Бочки сыпались с небес!*

*Оказалось, немцы взяли  
И устроили сюрприз:  
Бочки просто расстреляли,  
Самолётами подняли  
И пустили с неба вниз.*

*Выбрали фашисты верно  
Способ нервы потрепать:  
Шум стоял невероятный!  
Где-то суток семь, наверно,  
Не могли спокойно спать!*

Прокопьевский район



## Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк.

До 2016 года работал в «Водоканале» слесарем-инструментальщиком. Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал с 2018 года в АХГА «Устьятская россыпь».

# Точка возврата

### Пьеса в стихах

#### Донбасс

Двое бойцов: лейтенант Катапульта и сержант Грач

#### ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Ну что, сержант, вперёд и с песней.

##### СЕРЖАНТ:

— Что впереди там, неизвестно, Может, стоит переждать?

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Да что тут думать и гадать, Своих нам явно не догнать. Давай попробуем ползком. Там, за стеной, кирпичный дом, За ним колодец теплотрассы.

Он в самый раз Сейчас для нас.

До темноты там переждём И к луганчанам сквозанём.

Они, сержант, здесь где-то рядом. Ну что ты скис? Грустить не надо,

Не посрами наш третий взвод!

##### СЕРЖАНТ:

— Там кто-то у стены ползёт! (Лейтенант и сержант приготовились к бою)

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Ты со спины меня прикрой, Сейчас узнаем кто такой? (Ползёт навстречу неизвестному, возвращается с незнакомцем)

— Оказывается, свой. Давай, колись, кто ты такой?

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Я прибыл к вам ещё вчера.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Вот же дурья голова, Едва к азовцам не попал.

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Ну что тут скажешь — сплоховал, Ориентировку потерял, Недели три назад призывался, Отстал от взвода, растерялся.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Со всяким в первый раз бывает, И что нас ждёт, никто не знает, Тебе, как видно, повезло, В живых остался, пронесло.

##### СЕРЖАНТ:

— Командир, кончай трепаться, Пора отсюда убираться!

(Недалеко разорвалось несколько мин)

Пропадём же не за грош.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Куда идти, тут хрен поймёшь.

(Недалеко прозвучала пулемётная очередь.

Обращается к мобилизованному):

— Пригнись, лежи и не дыши, Стать двухсотым не спеши.

Здесь повсюду снайпера.

Лечь не успел — в башке дыра.

Знай, понемногу привыкай,

Смотри вокруг и не зевай

(Систематически идёт автоматной пулемётной стрельбой)

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Там, в кочегарке, за трубой,

Был ещё раненый со мной.

Он из Кузбасса металлург.

##### СЕРЖАНТ:

— Проблема появилась вдруг.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Что ж, видно, надо возвращаться.

##### СЕРЖАНТ:

— Есть шанс на ВСУ нарваться,

Тогда пощады не видать.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Своих же надо выручать.

Тебя-то как зовут, боец?

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Сергей, живу в Новокузнецке.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Мой Катапульта позывной.

А это Грач, напарник мой.

##### СЕРЖАНТ (мобилизованному):

— Ты стал, скажу я без прикрас,

Занозой в заднице у нас.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Сержант, бывало и похуже.

В панику впадать не нужно,

Когда-то сам ты был таким —

Бестолковым, молодым.

Сейчас — совсем другое дело,

И мне совсем бы не хотелось

В итоге мнение менять.

Ну сколько можно повторять!

(Обращается к мобилизованному):

— Давай, показывай дорогу,

Где друг твой раненый Серёга?

Расклад такой

Я за ним (сержанту),

А ты — за мной.

Смотрите, начало темнеть,

Надо успеть.

(Ползут один за другим)

#### ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ

(раненому):

— Андрей, ты где, ну что молчишь?

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Ты что кричишь?

Кругом азовцы, вдруг услышат.

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ

(наклоняется к раненому)

— Кажись, живой и вроде дышит.

##### ЛЕЙТЕНАНТ

(Осматривает рану, даёт хлебнуть воды из фляжки, достаёт аптечку):

— Сейчас узнаем, что почём.

Терпи, боец, не дрейфь, спасём.

(Готовит шприц)

Сейчас укол, да ты не бойся,

Дыши поглубже, успокойся.

Наложим жгут, бинтов в достатке,

Надеюсь, будет всё в порядке,

До свадьбы рана заживёт.

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Её жена ребёнка ждёт,

А старший ходит в третий класс.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Да ты отец-герой у нас!

А с виду больно молодой.

Но главное, боец, живой.

##### РАНЕННЫЙ:

— Нога от боли онемела.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Осколком, видно, кость задело.

Да ты, вояка, не ходок,

Раненье для тебя урок.

Здесь, на войне, один закон:

Не лезть пред батькой на рожон.

Я здесь уже четвертый год.

Пока живой, пока везёт.

Азовцев бью не хуже всех.

Живу с надеждой на успех,

Что мы в итоге победим,

За то все силы отдадим.

##### СЕРЖАНТ:

— Ты что-то сильно размечтался.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— А ты, что, в этом сомневался?

Темнеет, надо уходить.

##### СЕРЖАНТ:

— Есть шанс к азовцам угодить.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Вперёд без паники, за мной,

К своим, в свой взвод, к себе домой.

(Сержант с мобилизованным

подхватывают раненого с двух

сторон и спешат за лейтенантом)

#### ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Четверо бойцов затаились

в канале теплотрассы)

##### СЕРЖАНТ

(раненому):

— Да ты на вид такой худой

И ростом вроде небольшой.

Пока сюда доковыляли,

Без рук остались.

Ты что, тут на досуге

Железа наглотался, друг?

Я что, похож на вьючного осла?

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— На внешний вид, наверно, да.

Кончай, сержант, не приbedняйся,

Быть поскрамнее постарайся.

Ты что, так сильно надорвался?

А если б сам, на девять грамм

Вдруг, не дай Бог, нарвался,

На его месте оказался?

Таких, как ты, лишь в плуг впрягать.

Попрёшь, и впору не догнать.

##### СЕРЖАНТ:

— Да я шучу.

##### РАНЕННЫЙ:

— Воды, братишки, пить хочу

(Сержант протягивает

фляжку раненому)

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Что, отдышался? Нам пора,

Ждать не будем до утра.

Промедлим, влипнем в окружение.

(Поднимают раненого, тот застонал)

Запасись, боец, терпением.

##### СЕРЖАНТ:

— Рванули, ну чего мы ждём?

Я чувствую себя конём.

(Подхватывает раненого)

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Поменьше-ка, сержант, болтай

(Берёт раненого с другой стороны

и говорит мобилизованному):

— А ты вперёд давай шагай

И нас по ходу прикрывай.

(Пытается включить рацию

и отбрасывает её)

Сдох брехунок, каков в нём прок.

Серёга, двигай на восток.

##### МОБИЛИЗОВАННЫЙ:

— Я, командир, всегда готов!

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Тогда идём без лишних слов

(Подхватывают раненого

и продолжают движение)

#### ДЕЙСТВИЕ ЧЕРВЕРТОЕ

(Лейтенант с сержантом осторожно

опускают раненого на землю)

##### СЕРЖАНТ:

— Ну всё, капец, нет больше сил,

И ел когда, уже забыл.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— Сержант, тебе здесь не Багамы,

И ты не на блинах у мамы.

Не только ты один устал.

##### СЕРЖАНТ:

— Ты, Катапульта, задолбал.

Я бы часочка два поспал,

И в горле напрочь пересохло,

Едва от жажды не подох.

##### ЛЕЙТЕНАНТ:

— На фляжку вот, хлебни глоток.

Об этом надо думать впрок,

Запас, он не бывает лишним.

##### СЕРЖАНТ:

— Так вышло,

Осколок фляжку зацепил.

Тебе я вроде говорил.

(Даёт хлебнуть раненому,

потом пьёт сам)



Вода — не водка, много не выпьешь.  
Командир, ты что не слышишь?

(Лейтенант подносит палец к губам, бойцы затаились, мимо прошёл отряд азовцев)  
ЛЕЙТЕНАНТ:

— Едва не влипли.  
Ну, слава Богу, пронесло.  
И как назло

С рацией не повезло,  
Китайский, видно, ширпотреб,  
Я без неё совсем ослеп.

(Возвращаются азовцы)  
АЗОВЕЦ:

— Они здесь где-то, москали.  
Я видел, раненого волокли,  
А с ним так быстро не уйдёшь.  
Ну где же вы, едрёна вошь?  
Вас, как свиней, пушу под нож,  
Кишки на палку наматую,  
А бошками в футбол сыграю.

АЗАВЕЦ № 2:

— Остап, ты шо? Угомонись,  
Откуда они здесь взялись?  
Во, што нашёл, ты подывился  
(Поднимает фляжку с земли)  
С осколком фляжка москалей.  
Ей, хлопцы, ходь сюды скорей,  
Сейчас немного развлечёмся  
И крови досыта напьёмся.  
Ночной видеоприбор несите.  
Ну, колорады, берегитесь.

ЛЕЙТЕНАНТ

(Вполголоса сержанту):

— Раненого берегите,  
К элеватору ползите.

Там, под дверьми, у весовой

По венканалу ходь домой.

Держитесь берега реки.

Давай быстрее, мужжики,

Азовцев я попрдержжу,

Отчизне честно послужу.

Оставьте штуки две гранаты,

Надеюсь, встретимся, ребята.

Удачи вам, как говорят.

(Сержант и мобилизованный

отползают с раненым.

Около получаса идёт бой.

Азовцы окружают раненого лейтенанта.

Он отбрасывает в сторону пустой автомат.)

АЗОВЕЦ:

— А, вот и он. Привет, москаль,

Ты шо один? Друзья сбежали?

Тебя с собою не позвали.

Сейчас с тобой повеселимся.

Нема патронов, во беда.

Давай-ка, хлопцы, ходь сюда.

Сколько наших положил,

Ну ты, зараза, удивил.

Что б ты сказывся,

Напоследок помолвился?

(Азовцы начинают

пинать лейтенанта)

АЗОВЦЫ:

— Ах ты, паршивый колорад...

Тикайте, у него граната.

ЛЕЙТЕНАНТ:

— За меня моим близким

краснеть не придётся.

Перед врагом РУССКИЙ ДУХ

НЕ СОГНЁТСЯ!

(Дёргает кольцо гранаты)

# Полуторка

7 января 2023 г.

Посвящается моему деду Алексею,  
участнику ВОВ

Полуторка досталась Ваньке Коростылёву по случаю. Имея тягу к технике, он в детстве с утра до ночи пропадал в местной МТС, наблюдая, а иногда и участвуя в работе слесарей при ремонте тракторов, комбайнов и грузовиков. Опыт — великая вещь, его не пропьёшь и не потеряешь, как медный грош из кармана. Однажды при отступлении у одного из сёл Поволжья Ванька увидел валяющуюся перевёрнутую полуторку. Пока уставшая рота отдыхала, Ванька покопался во внутренностях полуторки. Движок и ходовая оказались в порядке, а горючее — дело наживное. Уговорил танкистов перевернуть между делом незадачливую колымагу. Делов-то всего на десять минут. Через полчаса, слив из разбитого ЗИСа горючку, Ванька предстал перед ротным с собственной техникой. Ротный тут же погрузил на неё раненых и приказал доставить в госпиталь. Приписали технику к полковому хозяйству. Полуторка и Ванька выполняли обязательства без сбоев и нареканий. Водитель почти не вылезал из-за руля, удавалось лишь заливать бензин и есть урывками. Ничего не поделаешь — война.

В этот раз полуторка везла снаряды и нарвалась на фашистские танки.

— Давай, родная! Давай, не подведи...

Ванька бросал свою полуторку то влево, то вправо, стараясь увернуться от взрывов. Машина подпрыгивала на ухабах, казалось, вот-вот оторвутся колёса или двигатель заклинит от перегрузки. Два пантера остановились в пятистах метрах на опушке и поочередно стали стрелять по грузовику. Открыв люки, танкисты нагло расселись на башнях, решая, кто первым подстрелит дичь.

Снаряды ложились почти рядом, и Ванька понял: ещё немного, и фрицы добьются желаемого результата и проигравший экипаж будет весь вечер угощать шнапсом победителя. От очередного взрыва осколки безжалостно стеганули по кузову полуторки, вырывая из обшивки деревянные щепы. Если оторвёт борт, считай, пропал. Ящики со снарядами от такой тряски окажутся на земле. Тогда труба. Танки замесят родную роту в грязь. Без снарядов три наших сорокапятки всего лишь бесполезные железки.

Небольшой бугорок, и прыжок как с трамплина в засохшее русло ручья.

— Ну теперь хрен вам, гады! Попробуй-те сейчас достать меня!

Резко свернув и смяв небольшую сощёнку, Ванька рванул к лесу.

Немцы, что-то покрячав друг другу, поспешили догонять вёрткую полуторку. На скорости Ванька выскочил в расположение своей роты.

Вот и рваная линия окопов. В небольшой ложбинке заглушил машину.

Где артиллеристы? Из-за взрывов его голос был почти не слышен. К полуторке подбежали несколько бойцов. Один из них указал на густой кустарник, под прикрытием которого пряталась одна из

сорокапяток.

Открыв борт, Ванька сдёргнул с кузова четыре ящика снарядов, всё, что было в полковом резерве, и мешок с тушёнкой. Война-войной, а на голодный желудок много не навоюешь. Торопливо расхватывая ящики, артиллеристы без промедления приступили к стрельбе.

Пантеры, встретив сопротивление, повели себя скромнее. Виляя из стороны в сторону, они упорно приближались к окопам роты. Сорокапятка, вроде, пушечка мала, но удала! Может стальную немецкую громадину привести в негодность.

Ванька ползком добрался до полуторки, отогнал её в лесок. Техника-то государственная, за сохранность которой он несёт полную ответственность.

Фашисты прибегли к помощи миномётов и пустили вслед за танками свою пехоту. Ванька, прихватив из полуторки автомат, спрыгнул в окоп. В тесноте, да не в обиде. Минный шквал стал перемещаться на левый фланг роты, там, по мнению немцев, было слабое место в обороне.

Сорокапятки действительно находились несколько в стороне, и не могли полностью контролировать тот участок. Командир роты капитан Шестаков, старый вояка, разгадал план немцев и, заприметив Ваньку, махнул ему рукой: — Дуй к сержанту Белобородько, передай мой приказ сменить позицию и переместить пушку метров на тридцать влево к стыку флангов, и пусть держит его под постоянным контролем.

Из-за разрывов мин голос ротного был едва слышен. Ваньку дважды уговаривать не надо. На деле он такой же прыткий, как и его полуторка.

Начдив как-то хотел забрать его к себе личным водителем на легковушку, но Ванька, набравшись смелости, отказался. Со своей ротой он отступал с боями от самого Бреста, врос в неё каждой клеточкой тела. Бывало, от роты оставалось одно отделение, но после тяжёлых боёв она обрастала до прежнего числа новым пополнением. Из старых бойцов осталось совсем немного. К Ваньке они относились с особым уважением.

Лихой парень! Этот никогда не спасует перед врагом и в трудную минуту, не считаясь ни с чем, подставит своё плечо. В одном из тяжёлых боёв командир роты едва не попал в плен, Ванька тащил его всю ночь к нашим окопам. Немцы отрезали их роту от основных сил и, расстреливая её с фронта, тыла и флангов, пытались напрочь уничтожить.

Ночью командир решил: или погибнуть, не запятнав себя пленением, или обрести один шанс из тысячи и прорваться к своим. Немцы опешили от неожиданной атаки обессилевших, почти без патронов бойцов, и упустили момент, позволив остаткам роты раствориться в заболоченной местности. От болот и лесов у немцев был панический страх с самого начала войны.

И сейчас, осматриваясь, Ванька понял, что положение у роты такое же серьёзное, как там, под Брестом. Ванька подполз к сорокапятке. Сержант Михеев с двумя бойцами били прямой наводкой по тан-

кам. Пробить лобовую броню малым калибром было невозможно. Старались разуть танк, перебив гусеницу. Вокруг гудело от разрывов. Летели ветки, трава, земля, заполняя собою всё вокруг. Ванька прокричал приказ командира в ухо сержанту. Вчетвером они легко сорвали сорокапятку с места и потащили в указанный квадрат.

«Ещё немного, давай, поднажали, братцы!». Установив пушку, приготовились к стрельбе. Рядом, ударившись о ствол ели, рванула мина. Ваньку перевернуло взрывом и отбросило в сторону. Сержант, вскрикнув, опрокинулся на спину. Второй боец с перебитыми ногами в горячке отползал в сторону. Третий боец, подтаскивая полупустой ящик со снарядами, растерянно уставился на Коростылёва. Ванька метнулся к пушке. Сорокапятка была целёхонька, лишь слегка завалилась на бок. Сержант не подавал признаков жизни.

— Что смотришь, снаряд давай! — крикнул он отупевшему от страха бойцу.

Припав к прицелу, почувствовал, что левая рука не слушается, да и ноги были не такими быстрыми, как прежде. В голове шумело, а глаза вроде ничего. В прошедших боях Ваньке кем только ни доводилось бывать — и пулеметчиком, и минометчиком, и артиллеристом. Погибших бойцов надо было кем-то заменять. А Ванька на все руки мастер. Всё-то ему давалась легко. Особенно дружба с полуторкой. На войне надо быть готовым ко всему. Это слова командира роты, с этим не поспоришь!

Почти рядом послышался надрывный звук мотора. До танка было каких-то три десятка метров. Немец не стрелял, надеясь раздавить сорокапятку за просто так. Лобовую броню его не взять, а вот башмаки...

А вот с ними сейчас разберёмся. Поймав в прицел гусеницу, Ванька выстрелил. Танк дёрнулся, перебитая гусеница, медленно скользнув по каткам, блеснув на солнце отполированными траками, покорно разлеглась на земле. Стальной ящик закрутился на месте. Перезарядив сорокапятку, поймав момент, Ванька с удовольствием всадил снаряд в борт фашиста. Мелькнул знакомый силуэт одного из охотников. Настала пора возвращать долги. Как хорошо горит, любо-дорого смотреть! А где же второй? Второй, прикрываясь за подбитым собратом, рвался к сорокапятке, беспорядочно стреляя на ходу. Выстрел. Броневой от ricochet от лобовой брони. Ещё выстрел. Броня не поддавалась. Остался последний снаряд. Глаза слезились от напряжения.

Выстрел. Снаряд угодил под башню. Раздался взрыв. Сдетонировали снаряды. И второй охотник остался без приза. Теперь порядок! Горевшие танки возвести о том, что рота выстояла!

Опираясь о щит сорокапятки, Ванька с трудом привстал, оглядываясь вокруг. Немцы поспешно откатывались назад. Невыносимо хотелось пить. Его помощник что-то радостно кричал, размахивая руками. Оглушённый взрывом, Иван ничего не слышал. Он скользнул взглядом по пригорку, за которым одиноко стояла его целёхонькая полуторка и покорно ждала своего хозяина. Ванька улыбнулся: «Ничего, прорвёмся!».

А иначе и быть не может!

# Крылья лебедей

Мотор, недовольно фыркнув, заглох. Передние колёса прижались к краю тротуара. Тот, начисто вымытый недавно прошедшим ливнем, так и манил прогуляться под акациями.

— Кажется, здесь... Ну точно, пятый подъезд. Не забыл! Сколько лет прошло... два, три года? Да, что-то около этого. Ну, вперёд, на мины. Квартира под номером 22, новая металлическая дверь. Да, разбогател Серёга, жизнь явно налаживается!

Данилов надавил кнопку звонка.

За дверью какой-то шум, ругань, медленные шаги... Дверь приоткрылась, в проёме возник вышибала с модной стрижкой под ноль. Из-под разорванной майки выползали татуировки, полностью покрывая все видимые места массивного тела.

— Чё тебе, мужик? Заблудился?

У Данилова закипело внутри, с каким удовольствием он попробовал бы челюсть верзилы на прочность.

— Мне Серёгу. Войти-то можно?

— Мужик, ты чё, какой Серёга, такого здесь нет и никогда не было.

Здоровяк со злобой оттолкнул его от двери.

— Ты что, слегка блатной или сильно борзый? — бесцеремонность кудрявого стала раздражать Данилова.

— Ну, ты попал, мужик, — кулак кудрявого навис над Даниловым, но коснуться лица не успел.

В удар Данилов вложил чуть меньше силы, чем хотелось, но и этого хватило вполне: удивлённо хрюкнув, верзила опрокинулся на спину и скромно затих.

Осмотрел спальню. Серёги не было, зато лежали вповалку три дебила, мало чем отличавшиеся от того, у двери, а запах, как на спиртзаводе. В зале та же история: четверо почивали, а пятый забивал косячок, увидев Данилова, удивился.

— Ты кто? — и от неожиданности просыпал траву на пол.

— Лучше тебе не знать! — и вlepил ему с таким удовольствием, заставив курильщика совершить сальто и улечься отдыхать у противоположной стены.

— Отдохни. А где же Серёга? — внутри холодком зашевелилась тревога. Ещё раз осмотрев квартиру, Данилов вышел, сел в машину и позвонил:

— Старшина, я у Серёгиного подъезда, тут какие-то непонятки: Серёги нет, а в его квартире стадо дебилов, по всей вероятности, недавно из зоны. Надо разобраться. Кончай дрыхнуть, жду.

Двенадцать лет назад капризная дама под именем Судьба свела их вместе в Афгане. «Кандагар, горы, горы, перевалы, где мы только ни бывали». Такое ощущение, что вся страна состо-

ит из одних гор. Там душманы были у себя дома, а они в «гостях», но угощали их там вместо блюд с едой для гостей свинцом. От взвода осталось всего четверо. У каждого своя дорога. Влад на Украине, а они втроём на Иссык-Куле — Данилов, старшина Асанов и сержант Серёга, их самая большая головная боль.

После ранения его комиссовали вчистую. Штопали, штопали в ташкентском госпитале, да что толку, ходил с трудом. На повторную операцию в Германии у них не было средств, да и откуда им в то время было взяться? Когда обросли денежными средствами, Серёга принципиально отказался от операции. Они принудительно хотели увезти его в Гамбург, но друг был неумолим. Приобрели ему квартиру, женили. И всё, кажется, было хорошо, жена — умница, и, на тебе, сорвало заслонку, забухал по чёрному. Не помогли вшитые торпеды, лечение в наркоклинике. Светланка ушла, они её не осуждали.

Сам Данилов, старлей запаса, комиссован по ранению, в настоящий момент пчеловод. Он увёз Серёгу в горы к знакомому егерю, тоже афганцу, на свежий воздух, подальше от соблазнов. Серёга немного пришёл в себя. Кумыс, свежее мясо, чистый горный воздух сделали своё дело. Через три недели, приехав к нему в гости, ребята удивились: розовые щёки, тело обрело положенную форму, в глазах появились огоньки задора и интереса к жизни. После их отъезда, дня через три, Серёга сбежал на одной из попуток с геологами. И началось всё сначала.

— Пить буду, курить не брошу, я что, дитё малое, в няньках не нуждаюсь.

Неудачи, инвалидность, уход жены вызывали в нём чувство неполноценности. Алкоголь на время глушил боль, а утром он попадал на то же «минное поле». На квартире у Серёги бывали редко, чаще встречались у Данилова. Дом у него большой, гостеприимный, но встречи с каждым разом становились всё реже и реже.

Такие вот воспоминания.

Сзади настойчиво сигналили, кто-то постучал по крыше машины Данилова.

— Слышь, колхозник, ну-ка убери своё корыто, не видишь, это место предназначено не для тебя.

Сундук с глазами без всякого усилия качнул «Ниву» старлей. Вдобавок чёрный джип, любимый цвет чиновников и бандосов, прилип к бамперу «Нивы», и тот, жалобно скрипнув, затрещал.

Ну что сегодня за день? Старлей, не спеша, вышел из своего рашен-джипа, а из джипа Сундука вывалилась ещё пара жлобов.

— Ну что, побеседуем, мужичок-чувачок? — в их голосах зазвучала угроза.

— Если вы так настаиваете, то я не против, — ноги старлей напряглись, подобно стальным пружинам, руки полусогнуты, он, в принципе, готов.

— Слышь, ты, шустряк, сейчас я напишу тебе постоянный абонемент к стоматологу, — старлей заводил Сундука, тот, выходя из себя от бешенства, катком стал напирать на Данилова. Но для каждого сундука найдётся свой ключик.

— Так в чём проблема, пацаны? Я вроде не брал у вас кредит и насколько я помню, ничего вам не должен, — Данилов говорил спокойно.

— Это тебе так кажется, зря ты сюда прикатил, мужик, пахал бы своей сохой и не лез не в свои дела.

Сундук замахнулся, но резкий удар между ног отрезвил его. Его глаза от боли готовы были выпрыгнуть из орбит. Удар по шее, удар в переносицу, и Сундук, как мешок с дерьмом, грохнулся на асфальт. Афган многому научил, и как это пригодились сейчас.

— Ну, кто следующий, господа бандиты?

Старлей не стал ждать нападения — лучшее средство защиты! Прыжок на капот, и резкий удар ногой в подбородок стоящему слева. Тот даже не успел вякнуть, послушно опрокинулся на спину. Удар с гарантией, полный нокаут.

Третий поспешно передергивал затвор выхваченного ТТ. Переворот и удар ногами в грудь третьего. Рука с ТТ дернулась, пуля просвистела, слегка задев ухо. Ну а теперь получай, по полной. Удары, подобно маховику пресс-подборщика, без сожаления посыпались на стрелка. Тот упал, прижавшись щекой к поребрику, казалось, задремал. Пистолет сиротливо валялся в стороне.

Старлей поднял ствол: «Китаец? Точно», — и, вытащив обойму, бросил ТТ в багажник.

— Я что-то пропустил? — прокричал старшина Асанов, выходя из «Ниссана».

— Всё хорошо, что хорошо кончается. Немного размялся. Думал, что стал терять форму, оказалось, кое-что ещё помню.

— Ну, здорово, брат!

Они обнялись. Старлей с радостью пожал руку старшине,

— Ну-ну, кисть ломаешь, медведь! — Асанов широко улыбался.

— А это кто? Твои друзья? — он махнул на лежащих.

— Ага, самые близкие, но вот дружба быстро закончилась, пришлось подарить им бессрочный абонемент к стоматологу. Хотя они обещали его мне, но как-то не срослось. Дёргаем отсюда, а то много любопытных вокруг.

Два друга не стали ждать, сели в свои машины.

«Нива» неодобрительно влезла на

тротуар, развернулась и рванула на пригородную трассу. «Ниссан» не отставал.

Придорожная кафэшка. Шашлыки только с огня, душистый чай не мешали разговору.

— Что за ЧП, брат? И кто те отморозки, которых ты уложил отдохнуть у дома Серёги? — Асанов передал старлею ещё один шампур с шашлыком.

— Мне кажется, старшина, наш Серёга попал в нехорошую историю. В квартире у него дебилы с уголовной внешностью. Не успел я выйти из квартиры, откуда ни возьмись, трое из джипа с незаконопослушными рожами. Кажется, я повредил себе кисть. Ну и крепкие у них челюсти, пришлось попотеть. Надо выручать Серёгу, а где он, ума не приложу. У тебя есть какие-нибудь мысли, старшина, на этот счёт? — Данилов отхлебнул чай.

— Надо подумать. В бытность моих бывших дел, связанных с рынком, имел я возможность обрести множество нужных и ненужных знакомств, разберёмся, брат. Сейчас пробегу по рынку, информация — это моя стихия, — старшина заказал ещё чай.

Понятное дело, старшина после Афгана промышлял на рынке. Одно время состоял в группировке и даже был её лидером.

Каких трудов стоило выдернуть его оттуда! Сейчас образцовый семьянин, у него легальный, как это модно говорить, бизнес.

— Галстук тебе к лицу, старшина, да и костюмчик недешевого пошива, и в нём ты не старшина, а настоящий полковник, — шутка старлей немного разрядила напряжение.

— Статус обязывает, — старшина улыбнулся, — а у тебя как дела, брат?

— Желательно лучше, но за неимением довольствуемся тем, что есть. Жена, как ты знаешь, ушла. С нами, афганцами, большими на всю голову, создать семью невозможно. Может, она права, а, старшина?

Данилов, с грустью посмотрел на Асанова.

— Да брось ты, брат, суди по мне: жена, ребёнок и семейные отношения на должном уровне. Перестань, брат, всё будет хорошо, а иначе какой смысл в этой жизни.

Взглянув на часы, Асанов заторопился.

— Мне сейчас необходимо отлучиться по важным делам. Давай так, встретимся в обед в ресторане аэропорта, там неплохо кормят. И к этому времени я постараюсь узнать что-нибудь, если что, позвоню, давай.

Обед. Данилов, сделав заказ, ждал старшину.

— А вот и я! Заждался, брат? — старшина был в джинсовой куртке, чёрной



футболке и джинсах под стать куртке.

— Пожём! — и с жадностью набросился на еду.

— Узнал что-нибудь?

— Да есть кое-что. Тут такое дело: крышует район некто Кашкыр, не законник, но имеющий весомый авторитет среди бандосов, племянник одного из чиновников МЧС, отморозок полный, не волк, а крыса недорезанная. Помимо всего прочего, занимается отжатием жилья у одиноких граждан. Адвокаты, судьи, менты и, в частности, тот участковый, на территории которого проживает Серёга, кормятся из его кормушки. И мне кажется, да я в этом уверен, Серёга попал к ним в серьёзный переплёт, — старшина доделал манты.

— Так, с чего начнём? Как у тебя во временах? — старлей отодвинул плов. Есть расхотелось, настроение на нуле.

— А что ждать, начнем с участкового, — и оба направились к выходу.

Участковый был у себя. Пригласив присесть, с любопытством посмотрел на вошедших.

— Я вас слушаю.

— А скажи-ка мне, дорогой, жильцы из пятого подъезда тебе все знакомы, точнее, инвалид-афганец из двадцать второй, что скажешь о нём?

Старшина пристально посмотрел на участкового. Тот положил фуражку на стол и стал нервно перебирать карандаши в канцелярской подставке.

— Что могу сказать? Знаю мало. Не было случая познакомиться поближе. Бухает регулярно, но не скандальный, заявлений от соседей не было. Постоянно пропадает на рынке, а кто у него гостит сейчас, не в курсе, — глаза участкового смотрели в сторону.

Старшина со старлеем поняли: врёт наглым образом.

— Ладно, не напрягайся, мы сами проверим, а то, вижу, ты сильно занят, — они вышли на крыльцо. У крыльца участка стояла новая БЭХА.

— На оклад участкового до пенсии не купить такой мотор. Если бы он не был участковым, с каким удовольствием отмассажировал бы его хомячьи щёки.

Через несколько минут подъехали к подъезду Серёги.

— Может, Серёга у себя, было бы здорово! — и старшина нажал кнопку звонка. Никакой реакции. Кулаком более эффективно. За дверью недовольный голос:

— Щас постучу по тылке.

Это явно не Серёга.

Старшина с силой ударил ногой дверь.

— Выходи, дорогой, разговаривать будем.

Китайское металлоизделие немного приоткрылось. Старлей с силой рванул за ручку, та вырвалась с корнем, и дверь широко распахнулась.

— Знакомые лица... — кудрявый инстинктивно попятился.

— Иди сюда, иди, не бойся, — старлей поманил рукой.

— Дядя что-то спросит, — старшина опередил друга.

Он знал толк в кулачном общении: пара резких ударов, и кудрявый подметал загревком пол в прихожке.

Старшина, наступив на грудь в картинках, шагнул в квартиру, старлей — за ним.

— Вам что, особое приглашение, а ну, брысь отсюда, шпана гнилозубая. Пять минут на линьку. Время пошло, — схватив первого попавшего под руки, старшина швырнул его к двери с такой силой, что тот, вылетев на лестничную площадку, ударился о противоположную дверь.

Рыжий коренастый татарин со звериным рыком устремился на старшину.

— Порежу, падла!

Старлей не вмешивался, лишь подстраховывал. Старшина с внешностью молодого Марадоны, ловкий, как пантера, не оставлял противнику никаких шансов на победу.

— Смотри, сам не порежься, жертва нетрезвой акушерки, — старшина нанёс рыжему серию жёстких ударов в пах, грудь, в переносицу. Взвыв от боли, ретивый противник обмяк и рухнул под ноги, выронив нож. Старшина неторопливо поднял нож и приставил его к ширинке брюк рыжего:

— Будь любезен, ответь, где хозяин хаты? Куда его подевали? Говори быстро, без запинки, а то кастрирую без наркоза.

Старлея разбирал смех: давай, старшина, когда ещё представится случай размять мышцы. Старшина явно не шутил.

— Да не в курсях я. Калган приволок нас сюда, заселил, живите пока. Какой базар. А кто где, без понятия. Люди Кашкыра увезли какого-то шаромыгу-инвалида на десятый километр, к озеру, — рыжий явно не врал.

— Пять минут на сборы, кто замешкается, рискует остаться без зубов.

— Всё, всё линяем, мужики, — рыжий на четырёх опорах проворно заспешил к выходу.

— Мужики на Алтае землю пашут. А через три минуты, если застану кого-либо, вы рожами будете пахать асфальт у подъезда. Время пошло!

Через пять минут квартира опустела.

Старлей удовлетворённо хмыкнул:

— Укротитель зверинца! Такие таланты пропадают. Так мы едем, или чё?

— Представилась возможность помять песок боками, да и вода, самое то, — старшина причмокнул языком.

— Губу подбери, решим вопрос с Серёгой, а там будет видно, — старлей направились к выходу.

— Погнали, езды-то полчаса, — старшина захлопнул квартиру.

А вот и озеро, манящее своей синевой и прохладой. пляж и стоянка для машин забиты под завязку. Удалось прилепить машины у края шоссе. Отдыхающих было, как кильки в банке.

— С чего начнём? — они оглядели бескрайнее поле обнажённых тел.

— Не паникуй брат, сейчас всё решим, — бросив джинсовку в приоткрытое окно, старшина исчез между будок с мороженым и соками. Встав в тени плакучей ивы, старлей наблюдал за пляжем. Старшина появился неожиданно.

— В общем, я тут пошустрил, рынок научил многому, быть всегда и везде среди всех своим. Серый где-то здесь. Инвалида с коляской сложно не заметить, должен позвонить один чувачок. У него тут свои подвязки. На, хлебни, — и протянул старлею бутылку холодной минералки. Вскоре зазвонил телефон,

— Точно, без балды? Гарантируешь? Ну ладно, в долгу не останусь.

Асанов удовлетворённо крикнул:

— Найти иглу в большой куче песка, абсурд, но возможно! Есть информация, вперёд!

Бывшие афганцы заторопились по плиточному тротуару, с трудом пробираясь среди пляжников.

— Вот и наша пропаша! — старшина присвистнул.

В коляске, приткнувшейся у края тротуара, сидел, опустив голову, Серёга. Под курткой защитного цвета видна тельняшка, на земле у ног перевернутая кепка-афганка, рядом картонка с надписью: «Подайте, ради Бога, на еду инвалиду, участнику афганской войны».

— Сюрприз! Вот оно как, мы тут с ног сбились, — старлей и старшина обняли Серёгу.

Тот поднял голову: лицо в кровоподтеках, глаза почти утонули в синяках, превратившись в шелочки. В них затаилась бездонная тоска.

— Красавец, хоть сейчас на обложку Плейбоя, поднял бы все рейтинги. Ну, здорово, брат! Где пропал, не дозвониться, не достучаться? Я для чего дал тебе мобилу, давай колись, как докатился до такой жизни?

Старшина протянул Серёге бутылку с водой, тот с жадностью допил её.

— Что говорить, на лице всё написано. Трубу потерял, вернее, отобрали. Я в дерьме по самые уши, братишки, жить не хочется, сам виноват. Да что об этом, — Серёга обречённо махнул рукой.

— Но-но, запаниковал... Отставить, старший сержант! Сопли подбери, всё нормализуется. Сейчас к нам домой: отмоем, откормим, сопли утрём, а синяки и ссадины заживут. Ну, кого ждём?

Подхватили коляску с Серёгой старшина со старлеем и, распинав картонку-попрошайку, поспешили к машинам.

Вдруг кто-то сзади схватил старлея за шиворот рубашки. Та затрещала. Старшина, получив удар битой по плечу, вскрикнул от боли и злости. От неожиданности мужики уронили коляску с Серёгой, тот вылетел на обочину тротуара. Старлей схватил нападавшего за кисть и так резко повернул её, что хозяин кисти взвыв. Последовал удар в пах,

печень и такую уязвимую переносицу, борзый рухнул кулём с удобрением рядом с Серёгой.

Старшина лишил биты второго нападающего и добросовестно дубасил его же инструментом. Давно старлей не слышал таких отборных матов. Отдыхающие стали разбегаться. Вокруг них образовалось свободное пространство, которое мигом заполнилось кашкыровской ордой. Серёга, пытаясь подняться, прокричал:

— Сваливайте, пацаны, бросьте меня, я перебыюсь, сматывайтесь, это беспредельщики.

— Заткнись урод, с тобой будет отдельный разговор. А этих Калган сказал пустить на фарш.

Блатной, поигрывая ножом в одной руке, сжимая в другой Макарова, навигался на афганцев. Как сейчас пригнулся бы «конфискованный» ТТ, брошенный в багажник! Старшина метнул битую подобно сапёрной лопатке, как делали неоднократно на учениях. Не промахнулся! Блатной, задрав ходули в кроссовках, «подарил» пистолет старшине.

— Было ваше, стало наше, — старшина крутнул пистолет на пальце.

Несколько выстрелов под ноги нападающей орде.

— Следующая свинцовая конфетка тому, кто дёрнется!

Орда замешкалась.

Со стороны города по направлению к пляжу послышалась сирены милицеских машин. Нападавшие стали разбегаться. Подхватив Серёгу, старшина со старлеем двинулись к машинам. На территорию пляжа влетели два «УАЗа-469» и буханка, заполненные милиционерами.

В зеркале заднего вида было видно, как блюстителю порядка окружают пляж. Газ — на полную. Свернули на едва заметную колею между деревьями, поднимая пыль столбом мимо насосной станции, свернули к речушке и затерялись в ивняке.

— Кажется, мы оторвались от тех и других.

Старшина настезь раскрыл двери «Ниссана», пошёл к воде. Прилёг на берег и погрузил голову в воду по самые плечи.

— Уф! Как хорошо! — и понуро сидящему Серёге, — сейчас вытащим тебя, брат, отмоем твою синеву, твоя боевая раскраска любого врага введёт в смятение. Давай, бери меня за шею, будем кочевать к воде.

Серёга оттолкнул его.

— В услугах не нуждаюсь, что вы со мной, как с младенцем, — он демонстративно сполз с сиденья и на четвереньках добрался до реки.

— Ты смотри, какой гордый и самостоятельный. Самостоятельно влез в непонятно какое дерьмо. Сделай милость, просвети, а то мы сломали головы от предположений, — старшина снял футболку, намочил и приложил к опухающему от удара плечу.



— Расслабился по-глупому, прозевал удар, старею...

— Глупеешь, это точно. Говорил вам, не влезайте в эту грязь, с ними шутки плохи. Да я и сам виноват. Выпить бы сейчас, сразу станет легче, хотя вряд ли, — Серёга безнадежно махнул рукой.

— Ты нам брат или как? Что такое говоришь? Мог бы позвонить, или сильно гордый? Врезать бы тебе по шее!

— Уже без вас врезали.

— Ничего Серый, мы в долгу не останемся, — старшина со старлеем сели рядом и обняли Серёгу за плечи.

— Насчёт выпить не обещаю, а поехать — поедим. У меня пакет со жратвой в машине, жена постаралась, и надо же, так кстати, — старшина принёс пакет.

Ели дружно, с аппетитом, и запивать есть чем, вода рядом, чистая, прохладная, пей и радуйся.

— А теперь возвратимся к нашим баранам, Серёга брат, давай всё по порядку, — старшина вновь окунул футболку в воду и приложил к плечу.

— Где-то месяца три назад подкатили ко мне двое. Лезли в кореша, мол, тоже воевали. Поили до рыгачки, обходили и слева, и справа, такие добрые. Напросились пару раз переночевать, мол, пока у них временная проблема с жильём. А я что, а я не против, пошла вдоволь, а хаты не жалко, всё равно один.

Но хорошее когда-то кончается. Сначала отобрали паспорт, перевернули квартиру вверх дном. А жильё я давно переписал на Светку.

Били нещадно. Но я не слабак, запрягли, заставили собирать милостыню. Афганцам щедро подают. Для большей гарантии пообещали поотрывать обе руки. За ними это станется. Держали как собаку на какой-то кошаре. Утром привозили на вокзал, где побольше людей. Трубу отобрали сразу.

В кошаре со мной было ещё человек пятнадцать, у каждого своя роль и место. Вечером инкассация: не набрал должной суммы, выступаешь в роли футбольного мяча. Пинали со знанием дела, лишали еды. На следующий день всё повторялось, так и жил, не слишком богато и не слишком весело.

Сбежать не было возможности, охрана похлеще тюремной. Документы на квартиру выбивали каждый день. Но вот им херка с бугорка. У них психологи выискивают таких, как я, и в обработку, выпотрошив, избавляются. Поставлено на поток. Вот так, братья, — Серёга с грустью качнул головой.

— Знать бы, кто за этим стоит? Узнаем, проведём просветительную работу не во вред себе. Нас мало, но мы в тельняшках! — задумчиво проговорил Данилов.

— Кликуха Кашкыр говорит тебе о чём-то, брат, — старшина, опять намочив футболку, приложил к плечу. — Он рулит этой всей замутой. Непробивная

крыша. Родич его высокопоставленный чиновник, никто не рискнёт влезать в этот бедлам. Наркота в большом объёме, проституция, торговля оружием и женщинами. Нам надобно держаться от этого всего подальше. Не стоит искать дополнительное приключение на свой зад.

Старлей принялся укладывать в машину коляску. Серёга эту коляску в шутку называл своим спортивным мерсом. Да, погонял он на ней немало: гнутые спицы и обода. Ничего, приобретём новую, главное, выбраться из этой лужи.

— Отвезём тебя на пасеку, будешь за пчёлами смотреть, пора переходить с горького на сладкое, отоспишься, отмоешься, а там будет видно, — сказал Данилов и усадил Серёгу в «Ниву».

Опасаясь, они в объезд покатали на пасеку. А вот и она: ели, сосны, трава по пояс — ну чем не курорт! Небольшое однокомнатное строение из фанерных панелей, собирается за полчаса, разбирается ещё быстрее, место пасеки менялось еженедельно, что давало большую гарантию для сбора мёда.

Приехали, вышли, присели, поели, расслабились.

— Чай с душицей и мёдом, ну полный отпад, ташусь по полной. У нас в семье отношение к чаю особое: чай не пьёшь, откуда сила, чай попил, и готов к новым подвигам, — старшина с удовольствием налил себе ещё кружку. — Вот теперь харэ, а то мочевого лопнет, — старшина похлопал себя по животу.

— Надо отодвинуться, — Серёга шутиливо сделал попытку отодвинуться, — а то есть шанс попасть под брызги.

— Так-то лучше, настроение — залог долголетия, а шутка — залог хорошего застолья, а то раскис как мальчишка, ни шагу назад, только вперёд, поражение, это не для нас, не дождутся, — старлей похлопал Сергея по плечу.

— Ну что, пацаны, я покатыл, у меня есть ещё обязательства. Без меня не скушайте, не раскисайте, на мёд и чай побольше налегайте и будете всегда молоды и здоровы. Серёга, держись молодцом, в обиду тебя не дадим.

Пожав друзьям руки, старшина исчез, запыхав по горной дороге. Горел костерок, кипел чай на перекладине. Солнце, устав от дневных забот, спешило за горизонт. Серёга со старлеем сидели за столом под елью. Пили чай с мёдом и смотрели на потрясающий красоты закат. На следующее утро старлей, осматривая ульи, увидел идущую по дороге на большой скорости незнакомую машину. Он достал из багажника конфискованный китайский ТТ. Серёга спал под ветвистой елью. Ну и кто там? Передёрнув затвор, старлей застыл в ожидании. Щедро пыля, белая шоха взвыла от перегрузки и заглохла. За стеклом мелькнуло знакомое лицо.

— Вот, махнул, не глядя, — старшина смахнул пот с лица, — без кондиционера хреновато в горах, думал, движок стуканёт, — и старлею, — что трубу не берёшь? Звоню, звоню... У нас пробле-

мы, — и сел устало на траву, — чаем-то угостишь с мёдом, а Серёга где?

Услышав разговор, Серёга по-пластунски подполз к ним.

— Так вот, братишки, на нас объявлена охота, тачку мою ночью сожгли. В окно бросили феньку, в доме полный разгром от взрыва. Жену с сыном срочно отправил к родственникам в Турцию. Вот такие новости. Ночь не спал, в данный момент я в полном вашем распоряжении и готов к встрече с ордой. Мы умеем, нас научили воевать. Когда мы в Афгане проливали кровь, эта мразь трясла магазины, ларьки и рынки, обирала тружеников, она считает, что так и быть должно, но мы убедим её в обратном.

Старшина с силой ударил по колену.

— Ты что так разошёлся, брат, успокойся, наказывать их не мешает, но из меня боец никакой, а вам вдвоём трудновато будет. Надо продумать всё до мелочей, да и с пушками у нас плоховато, — Сергей взглянул на старшину и старлея.

— Не бойсь, у меня там припасено кое-что в багажнике, отобьёмся, брат. Старые заначки... Нас голыми руками не взять, ещё посмотрим, кто слабак. Мы не привыкли отступать, пусть враги шагают вспять! По коням, что ли, нас ждут великие дела, нас ждут сраженья и награды. Минуту, я сейчас, — старшина направился к своей новой машине.

— Серёга, брат, остаёшься за старшего. Как обращаться с пчёлами, в курсе?

— Не тупой, разберусь.

«Ниву» спрятали среди елей, пасека далеко в горах, кроме лесника — никого. Но чем чёрт ни шутит. Старлей сунул Серёге в руку ТТ. Вернулся старшина с автоматом.

— Это от меня для полной гарантии АК и пара магазинов, когда-то ты, брат, был лучшим стрелком среди нас.

— Голова, может, и забыла, а руки-то помнят, теперь можно держать оборону до зимы! — Сергей положил автомат рядом с собой.

— Ну, смотри тут, Серый, мы погна-ли. Гансов гнали до Берлина, а орду погоним до Пекина. Вот тебе два пакета с едой, труба, звони в крайнем случае.

Шоха лихо развернулась и помчала вниз, старшина протянул старлею Макара и запасной магазин.

— Стволы-то откуда? — спросил старлей, затапливая пистолет за пояс.

— В багажнике есть ещё кое-что, одолжил у бандосов, с этим у них никаких проблем.

Жигулёнок пролетел ручей, оставив за собой столб воды. Выхав на междугороднюю трассу, легковушка устремилась в райцентр. Старшина замялся и посмотрел на старлея.

— Не хотел говорить при Серёге, где-то мы лоханулись, брат, — старшина замолчал.

— Ну, не гяни kota за.. Говори.

— Ночью Калган со своими придурками выдернули Светку из дома и увез-

ли в неизвестном направлении. Уехав от вас, подумал, дай-ка, заскочу к ней, скажу, что с Серёгой всё нормально. Заскочил, а тут на тебе. Хорошо, что соседка видела происходящее. Серёге, само собой, пока ни слова. А мы сейчас навеемся в забегаловку Калгана. Они тусуются там круглые сутки. Надеюсь, застанем его там в полной парадной форме, горю желанием побеседовать, — старшина посадил до пола газ. Шестёрка жалобно взвыла, вот-вот готовая оторваться от асфальта.

— Да, обрадовал, ничего не скажешь, ну ладно, разберёмся, — старлей выругался.

Круглосуточный ресторан «Золотое озеро» блистал новым сайдингом и вызывающе выглядел среди прилегающих зданий. Приткнув жигулёнка под ветвистой кроной яблони, они огляделись. Близилось обеденное время. У стеклянных во всю стену дверей прохаживались вышибалы Калгана.

— Наши действия... Мне не доводилось бывать в этом кабаке, а тебе?

— А мне по прошлым делам доводилось не раз заходить в нём, дорогой притон. Ничего, сейчас разберёмся, брат, нам необходима информация. Сиди, жди, я быстро, — и старшина исчез в толпе.

Ресторан гудел пчелиным ульем. Да, немало вогнано бобла в этот стеклянный аквариум развлечения и разврата. Минуты струйками текли прочь. Неожиданно отворилась задняя дверь, старшина запихнул на заднее сидение незнакомца с заломанной за спину рукой.

— Вот так примерно. Пикнешь, пасть порву. Калган здесь? От правильности твоего ответа зависит, сломаю я тебе руку или нет, ну? — старшина придавил руку незнакомца, тот закорчился от боли.

— Он в подвале, в казино. Вчера про-дулся в прах залётному из Ферганы, теперь дуркует, задрочил всех.

Старшина немного освободил руку.

— Вчера ночью привозили сюда женщину, светленькую такую?

— Было дело, приволокли по вечеру-ке какую-то колхозницу. Братки раз-влекаются там с ней, — удар по шее и под ребра прервал его исповедь.

— Он нам больше не нужен, что хотели, мы узнали, начнём действовать-злодействовать. Ну что, два реальных пацана желают поразвлечься, оттянуть-ся по полной.

Вышибалы у дверей стриганули по ним взглядом и с безразличием пропустили внутрь. У них не укладывалось в голове, что в это осиное гнездо войдёт кто-то со злым умыслом. У входа в казино уложили двух громил, что не составило большого труда: спецнавыки не забудешь, не пропьёшь. Дверь послушно отворилась. С внутренней стороны двери двое таких же вышибал покорно улеглись на пол, против кулаков и стволов какие могут быть аргументы.

Хорошо освещённый большой зал, дубовые столы под зелёным сукном в



три ряда с расчётом на солидных клиентов. На них никто не обратил внимания. Старшина коснулся локтя старлея.

— Камеры, едва не влипли, идём, — они быстро вернулись к выходу, пройдя мимо упокоенных охранников, торопливо пошли вглубь левого крыла ресторана. У одной двери старшина остановился, постучал.

— Кто? Кому там невтерпёж? — слышался недовольный голос за дверью.

Старшина с ехидцей:

— Девушку не желаете, господа, не отказывайтесь, пожалуйте.

Голос, за дверью:

— Остряк. По шее давно не получал, — щёлкнул замок, и из приоткрытой двери высунулась голова.

От удара голова дернулась, а её хозяин «прилёг» отдохнуть. Трое операторов, сидящих за мониторами, обернулись на шум.

Минута, и они улеглись рядом со своим коллегой. Старшина уронил главный пульт на пол и с силой подпрыгнул на нём, корпус захрустел.

— Порядок, теперь можно возвращаться в казино, камеры ослепли.

Вынув ключ из двери, старшина закрыл замок со стороны коридора, обломал ключ в скважине ударом ноги.

— Пусть теперь откроют. У нас не так много времени, на мониторе я заметил Калгана за столом в углу, горю от нетерпения побеседовать.

Старшина и старлей остановились перед столом Калгана, заваленного бумажками с Джорджем Вашингтоном.

— Вам инкассаторы не нужны? — спросил старшина, накручивая глушитель на пистолет и направляя его на игроков.

Старлей рядом со своим без глушакка, неплохой сектор обстрела, всё как на витрине. Калган попытался дёрнуться.

— Оборзели в край! Вы знаете, барбосы, куда влезли?

— Ты же нас искал, а мы вот. Что, не рад встрече, а мы так рады!

Стоящий за спиной Калгана охранник молниеносно выхватил ствол, но выстрелить не успел, старшина опередил. Негромкий хлопок, и место за спиной Калгана опустело. В Афгане учили не хлеб жевать, а воевать. Старшина держал под прицелом периметр.

— Руки на стол, это касается всех. Кто хочет пошутить, сразу пишите завешание, — подойдя к Калгану, старшина приставил к его голове пистолет.

— Где женщина, которую вчера привезли сюда, не вздумай врать. От точности твоего ответа зависит, нажму я курок или нет. — Калган потемнел от злости. Старшина надавил глушителем на его висок, — повторять не буду.

— В подвале прямо по коридору и вниз по лестнице, — Калган вспотел от напряжения.

— Чтобы мы не заблудились, будешь у нас проводником.

Обернулся к остальным:

— Бандерлоги, трубы на стол аккуратно, без лишних движений.

Взяв ведро со льдом для шампанского, вывалил лёд на стол, телефоны сложил в ведро, достал из кармана куртки гранату.

— С той стороны вешаю феньку на ручку двери, кто попытается выйти, у того яйца и всё остальное окажутся на стенах и потолке.

Старшина пришёл к языком. Охранники, уложенные у дверей, стали приходить в себя. Несколько взмахов рукоятками пистолетов по шее, и они вновь погрузились в сон. В коридоре было немногочисленно. Бросив ведро с телефонами в раскрытую форточку, двинулись дальше.

— Одно неосторожное движение, и девять граммов твоих, понял?

Калган махнул головой. Стволы — под куртки, и они такие безобидные друзья в его компании идут по своим делам. А вот и лестница, металлическая дверь, у которой трое охранников курили и о чём-то болтали. Увидев Калгана, побросали сигареты и замолчали. Старшина направил Макара на стоящих, три хлопка, вход свободен.

— Открывай дверь, не стесняйся, а то составишь им компанию, — старшина кивнул на лежащих охранников.

Дверь, заскрипев, отворилась. С десяток рядовых калганцев сидели у расставленных в виде столов ящиков со жратвой и алкоголем, играли в карты. В углу у сплетения отопительных труб на полу голый горилла в татуировках насилуовал женщину. Что-то знакомое мелькнуло в её лице, глаза полные печали и ужаса. Светка! Горилла отлетел на трубы, опрокинутый тремя выстрелами. Старлей подбежал к Светлане. В разорванном платье, измятая, расплывшаяся, она едва слышно стонала.

— Любители дармового секса, быстро встали в ряд у стены, — тёмный глаз глушителя следил за бандитами.

— Калган, а ну быстро в компанию к бандосам и объясни, это что? — старшина кивнул в сторону Светланки.

— Кашкыр приказал, я исполнил. Я-то тут при чём, — Калган дёрнул плечами.

— Ты считаешь себя невинной овцой? На этот раз ты сильно ошибся, — старшина разрядил обойму в стоящих перед ним, перезарядил и уложил остальных остолбеневших отморозков, пустой магазин — в карман, полный — в рукоятку. Остался один Калган.

— Пришло время платить по счетам, — ещё два хлопка, и голова Калгана стала похожа на лопнувший арбуз. Старлей держал на руках лёгкое, как пёрышко, тело Светы. С её губ сорвался вздох, из глаз, переполненных болью, полились слёзы. Накинув на неё свою куртку, старлей заспешил из подвала.

— Прочь из этого гадюшника, брат, — обшарив уложенных охранников, прихватил ещё пару магазинов.

— На них патронов не напасёшься.

Уйти незаметно не удалось, в ресторане возникла суета. Одни спешили к

выходу, другие к ним навстречу. Старшина валил с двух рук направо и налево наседающую орду. С трудом удалось вырваться через чёрный ход. Где-то рядом завывали милицейские сирены. Напоследок старшина метнул в преследователей обещанную в казино гранату. Приятно смотреть, как разлетаются стеклянные осколки зазывающей витрины. Внутри послышались вопли охранников.

— Не нравится? Жаль, нет ещё одной феньки.

До машины добрались без приключений. Старшина выкинул с заднего сиденья вырубленного информатора.

— Хорошо ты его приложил, — старлей осторожно уложил женщину на сиденье.

Старшина рванул машину с места так, что у шестёрки, казалось, выпрыгнут поршня из двигателя. Отъезжая, заметили несколько экипажей ППС, остановившихся у ресторана. Свернув на пустынную улицу, они затерялись среди домов.

— Светке совсем плохо. Надо что-то делать.

— Спокойно, брат, есть у меня один вариант. Сестра жены в областной работает. Будем надеяться, что сегодня её смена.

Пролетев перекрёсток, старшина нёсся в сторону областной больницы. За следующим поворотом показалось серое четырёхэтажное здание. Старшина исчез в боковой двери. Вернулся старшина, с ним женщина в белом халате, осмотрев Свету, заторопила:

— Быстро в операционную, у неё большая кровопотеря, будем надеяться, что всё обойдётся.

Неопределённость и ожидание были невыносимы. Операция длилась восемь часов...

С утра моросил дождь, кладбище, похожее на мокрую ворону, встречало неприветливо. Гроб со Светой осторожно поставили на край могилы.

Дождь шёл, не переставая. Когда закрывали крышку, Серёга с чёрным от горя лицом попытался встать с коляски, но не смог. При каждом ударе молотка о шляпку гвоздя, забиваемого в крышку, он вздрагивал, пальцы рук, впившиеся в обода коляски, побелели от напряжения.

— Прости меня, Светланка, если бы это было возможно, я, не раздумывая, поменялся с тобою местами, лучше бы я сгорел в БМП там, в Афганистане, и не создавал никому проблем. И почему так, тем, кого я больше всех люблю, приношу только несчастье? Я же по жизни никому плохого не делал... Почему ты повстречалась с таким неудачником, как я? Нет мне прощения. Ты не печалься там, Светланка, я скоро приду к тебе, без тебя нет смысла жить, меня здесь ничто не держит. Прости меня, если сможешь.

Из глаз Сергея по щекам тянулись ниточки слез, перемешиваясь с дождём. Как быстро вянут розы, какие горькие

слёзы за дела наши неблагоприятные, Господи, прости нас грешных!

Сергей опрокинул коляску, подполз к краю могилы и закричал срывающим голосом:

— Забери меня к себе, Светик, забери, я не смогу жить без тебя, о Господи!

Дождь усиливался, рабочие засыпали могилу, обложили её пластами травы, поправили вкопанный крест и удалились прочь.

Сергей стоял рядом с крестом на коленях и что-то шептал, шептал и шептал. Худые плечи подрагивали не от дождя и холода, а от рыданий. Старшина со старлеем стояли рядом, не мешали. Каждому дано испытать свою чашу горечи до дна.

Дождь непрошеным гостем ушёл прочь. Тучи переполненными лодками поплыли в сторону озера. Промокший до нитки Сергей, словно очнувшись, достал из кармана яблоко и положил у креста.

— Светланка любила белый налив.

Кладбище покинули в сумерках. Дорогой Сергей молчал, молчали и друзья. Всё было плохо. Крутом бандиты. Сергей отказывался есть, пить и спать, уговоры и утешения не приносили пользы.

На вторые сутки он пропал, поиски не дали результатов. Им приходилось прятаться после событий в ресторане, потому что их искали и милиция, и бандиты. Кашкыр объявил за их головы двести кусков зелени. Заманчиво. Вокзалы, заправки, рынки, торговые центры были поставлены на уши, и каждому на халяву хотелось срубить денег.

Дом на окраине, купленный по случаю старшиной, был ненадежным убежищем. Даже те, кто раньше входил в круг их хороших знакомых, из-за соблазна, не раздумывая, мог перешагнуть грань человеческой морали.

Вечером друзья увидели по областному ТВ ошеломляющую новость: «Грузовик «Урал», гружённый железобетонными плитами, на полном ходу врезался в эскорт автомобилей бизнесмена Исакова. Джимп, в котором находился бизнесмен, от сильного удара несколько раз перевернулся, но система безопасности «С» класса спасла его от гибели. Бизнесмен отделался лёгкими ушибами, а водитель грузовика был застрелен охраной Исакова. Им оказался, как установили сотрудники милиции, Колесников Сергей Иванович. Кто обладает дополнительной информацией о произошедшем, просим позвонить по телефону РОВД».

...Просчитав маршрут Исакова, в миру прозванного Кашкыром, Серёга пошёл на крайность. Грузовик был угнан им от проходной ЖБИ, там же нашли брошенную инвалидную коляску. Пока водитель грузовика оформлял документы, Серёга воспользовался моментом. Бывший механик, он мог любой транспорт завести при помощи гвоздя. А как он с такими ногами про-



делал это, вопрос. Но факт остаётся фактом: Серёги нет, а Кашкыр жив.

— Брат он нам или не брат? — старшина с силой стукнул кулаком по столу.

— Мог бы и не спрашивать, афганское братство — до гробовой доски. Не надо слов, надо действовать, — старлей выключил телевизор.

— Дело Сергея необходимо довести до конца. Теперь этот подонок станет осторожнее, надо продумать до мелочей каждый наш шаг. Хватит того, что мы лоханулись и плоды этого уже пожинаем. Третьего шанса у нас не будет. Давай, напряглись как в Афгане: тылы прикрывать некому, или мы их, или они нас. Я в принципе готов, обязательств перед семьей у меня нет, жена давно вышла замуж, с детьми как-то не получилось. Я свободен как горный афганский ветер, а вот о тебе, брат, этого не скажешь. Дети — существенный аргумент, что скажешь, старшина? — старлей задумчиво смотрел в слегка приоткрытое окно.

— Ты прав, брат, когда находишься между двух серьёзных дилемм, сделать выбор очень сложно. Выберешь первую, как это повелевает совесть, можешь потерять вторую, а выбрав вторую, до окончания дней будешь проклинать себя за предательство, а чтобы этого не было, я выбираю первую! — решительный голос старшины не оставлял ни каких сомнений.

— Хорошо сказал, а подумал хорошо? Сделав шаг, теряешь шанс на возвращение, точки над «i» расставлены. Я в тебе не сомневался, брат! Надо подумать, как бутерброд съесть и в кресло победителя сесть! Нам потери ни к чему, да и терять, собственно, нечего. Ты да я в масштабе Человечества будет незначительная потеря, шучу. Ну что, начнём действовать злодействовать?

— Чем мы и занимаемся. Я исчезну на день-два, навещу бывших коллег по рынку, нам срочно необходимо пополнить боезапас. На матёрого зверя необходимо серьёзное охотничье снаряжение. А ты сиди, не высовывайся. Свет ночами постарайся не зажигать, пусть соседи думают, что дом нежилой. Лайбу я оставил за три квартала. На мою убитую старушку никто не позарится, а главное, не бросается в глаза. Я, как скромный бомжик, постараюсь не привлекать к себе внимания, добуду информацию и порох, вернусь, а не вернусь, не поминай лихом, брат, — старшина хлопнул старлея по плечу.

— Типун тебе на то, чем говоришь. Не нарывайся, не геройствуй, возвращайся побыстрее. У меня такое ощущение, что, вроде, мы дома, а оказывается, на войне, как в Афгане, так и жди, наврёмся на минное поле.

— Это точно. Но у нас есть опыт, как обходить эти минные поля! — старшина тихо вышел.

На вторые сутки часов около четырёх входная дверь едва слышно скрипнула. Данилов с Макаром уже ждал го-

стя. В комнату вошёл похожий на бомжа ранний посетитель.

— Замри без резких движений, если не хочешь получить сквозную дырочку в башке.

— Да я это, брат, думал застать тебя врасплох.

— Застал? Я чуть не шмальнул, нервы на взводе, переживаешь за таких, как ты, но, думаю, зря. Ну, что нового? — старлей поставил пистолет на предохранитель и, взглянув на старшину, усмехнулся:

— Бомжара в натуральном виде, на улице встретив, прошёл бы мимо.

— На это и расчёт, бандосы далеко не лохи, но мы тоже чувачки не простачки, — старшина включил на кухне настольную лампу.

— Жрать хочу, мочи нет.

— Сейчас, потерпи, есть вчерашний плов, устроит?

— Более чем! — старлей включил микроволновку. — Ну, в общем, такой расклад. Искаков оклемался от Серёгиного тарана. Тариф за нашу поимку повысил вдвое, и в этом для нас хорошего мало. Каждый сдаст нас с превеликим удовольствием, будем прибегать к маскарару, — старшина махнул на бомжовское барахло.

— Но не это главное, приобрести ничего не удалось, все каналы перекрыты, один предложил гранатомёт, но сумма неподъёмная, зелень есть, но как до неё добраться. Банк — пустой номер, не успеешь открыть дверь, будут знать все, кому надо и кому не надо. На работе в сейфе есть наличка, тоже непроханже, везде пастухи, пасут добросовестно.

— Я достану, брат, у моей учительницы, что сеяла семена доброго и вечного, жаль, многие не взошли, есть сын, мой постоянный кредитор, сколько надо? — старлей взглянул на старшину.

— Десять зелени, — старшина развёл руками.

— А губы не треснут от чрезмерного аппетита? — старлей заматерился.

— Плата за риск, если Кашкыр узнает, он потеряет всё, включая жизнь.

— Да, не слабо, ну что ж, у него товар, у нас монеты.

— Теперь моя очередь заниматься маскараром, пока совсем не рассвело. Сейчас самый сладкий сон, прохожих нет, тачка твоя где, ключи давай.

— На соседней улице белая «Шевроле». Хотя от белого там ничего не осталось, старый лахмот. Прими к сведению, задняя скорость немного барахлит, а в целом сойдёт за третий сорт, в глаза не бросается, а бегаёт, как борзая, — старшина бросил ключи на стол.

Старлей вернулся часа через три. Солнце уже полностью хозяйничало на небосводе. В нём трудно было узнать бравого служаку. Бомжовская одежда была ему явно не к лицу.

— В областном Дворце культуры в драмкружке тебе цены не было бы, главные роли всегда были бы твоими, а поклонниц со счёту собьёшься.

— Остряк-самоучка, а сам давно сменил лохмотья на фрак? Сойдёшь за вто-

рой номер в моём драмкружке, будет неплохой дуэт, а иначе нам удачи не видать. А удача такая капризная дама, не угодишь ей, и увидишь часть её тела чуть пониже спины, — старлей был явно в настроении. — Ты прав, брат, без удачи нам удачи не видать, а она нам сейчас так необходима. Ну, как там наши дела с финансированием? Мани-мани, от них так тепло, когда они в кармане. У нас есть надежда? — старшина раскладывал котлеты на тарелку.

— Да! Я произвел инкассацию у своего инвестора, дело за тобой, без гранатомёта наши шансы равны нулю. Держи! Я взял больше, на всякий пожарный, что там ещё выкинет торгаш, аппетит у него немереный. Посоветуй ему быть поскромней, — денежная пачка из кармана старлея легла на край стола.

— Сейчас пожрём, и я отчаю. Говоря откровенно, он мне тоже не нравится, но за неимением лучшего будем довольствоваться тем, что есть, — вилки дружно устремились к котлетам.

— Я тут подумал, едем вдвоём, я тебя подстрахую. Твой знакомый совсем не внушает мне доверия, — залпом допив чай, старлей достал автомат из газплиты.

— С ним чувствуешь себя увереннее, мы едем, или как?

— Кто бы спорил, а я нет, пара лишних рук и глаз не помешает, по коням, готовы к труду и обороне!

У машзавода, нарезав несколько кругов, остановились около частного дома, вроде, ничего подозрительного, у проходной завода стояли несколько машин, скорее всего, сотрудников.

— Ну, я пошёл, — старшина вернулся на удивление быстро.

— Оплату взял, но товар пообещал через час, мутит он что-то, но выбора у нас нет, подождём. — Приткнувшись к тракторному прицепу, стоящему у одного из домов, стали наблюдать. Через полчаса мимо проскочила «Вольво», резко тормознув, остановилась у дома торгаша. Расстояние было около ста метров, и через зеркало заднего вида улица неплохо просматривалась. Четверо вышли из машины и вошли в дом.

— Предчувствие не обмануло нас, шустряк снял зелень с нас, надеется проделать это и с Кашкыром. Обилие аппетита вызывает расстройство желудка, что будем делать брат, сваливаем? — старлей плюнул в приоткрытую дверь.

— Ну, нет! Меня никто так не кидал. Думаю, я даже уверен, товар у него дома. Он просто вешал мне лапшу на уши, тянул время. Четверо не десять, брат, рискнём? Не первый раз, проврёмся! Давай прогуляемся как два бомжа в поисках желанных стаграмм, дабы жажду утолить, — они вышли из машины.

— Риск — благородное дело, лишь бы не пострадало тело.

Дыра в заборе машзавода пропустила без препятствий. Окольными путями, стараясь не попадаться на глаза, прячась в тени яблонь и абрикоса, с тыла подобралась к дому торгаша. По-

пластунски между кустов пиона подползли к веранде. Двое за занавеской обращались к третьему.

— Время вышло, он не придёт, если ты, пустозвон, попытаешься нас кинуть, я сниму с тебя скальп и приклею на твой зад, — прозвучал недовольный голос, затем послышался звук шлепка по шее.

— Придёт, не сомневайтесь, за товар уже рассчитался. Я тормознул его специально, позвонил вам, придёт, точняк.

— На счёт расчёта, с этого места поподробнее, когда и сколько, давай так, бабло тащи, мы сами пересчитаем, зелень любит строгий учёт, погоди...

Брошенный старшиной кусок кирпича стукнулся о ворота.

— Там движуха у ворот, походи, посмотри. Иди, что варежку раскрыл, ну, быстро, — занавеска зашевелилась, образуя щель.

Торгаш вышел, подошёл к воротам, приоткрыл и выглянул на улицу. Никого. Развернулся и пошёл обратно, увидев старшину застыл от удивления. Привстав, старшина поднёс палец к губам, поманил его к себе и, приставив ему глушитель между лопаток, повёл торгаша на веранду.

— Ну что там, ты где, эй, артист?

— Да тут я, там никого, голяк, — голос его дрожал от страха.

Старшина, оттолкнув продавца в сторону, вошёл в веранду.

— Никого, если не считать меня. Но, но, не надо лишних движений, я нервный, могу случайно выстрелить. О, какая приятная встреча, мы, кажется, встречались в казино, я же предупреждал тебя больше не попадаться мне на глаза, не послушал, а зря. Пушки на пол, вот так, какие послушные пацаны. Посмотри, брат, — старшина отбросил ногой пистолеты в сторону.

— А где четвёртый? — старлей ткнул пистолетом в бок торгаша.

— В туалете, — и указал на дверь.

Старшина дёрнул дверь:

— Рот закрой, а то геморрой простудишь, — рыкнул он, — пестик отдай мне, штаны надел — и на выход, твои кореша тебя заждались, — старлей подтолкнул бандита к остальным.

— Станьте рядом, поговорим ладком, хотя говорить особо не о чем, всё и так ясно с вами.

Раздались четыре хлопка.

— Как-то так, сами напросились, а теперь перейдём к тебе, — торгаш стал белее занавески на окне, старшина поигрывал пистолетом перед ним.

— То, что ты кинул меня, это для тебя большой минус, а если ты отдашь нам наш товар, который оплачен в пятикратном размере, будет для тебя небольшим плюсом. Жадность фраера сгубила. Показывай товар, у нас не так много времени.

Крышка в подвал оказалась в углу веранды. Торгаш с проворством циркача нырнул вниз.

— Посмотри, брат, да тут у него целый арсенал, нам одного гранатомёта будет маловато, давай ещё и комплект

гранат к ним. А за предоставленные нам тобой неудобства берём и РПК. Видишь, как всё хорошо складывается, и мы довольны, и ты жив, но это пока, — старшина подмигнул старлею. Пара гранатомётов и пулемёт так хорошо смотрелись на полу веранды.

— Ну, вылазь, нам хватит, вроде, а то мы можем и передумать, а бензин у тебя есть? Есть? О как удачно. В гараже, а ключ где, открыт, это радует. Да не бойся, пить не заставим, а вот твой уютный домик я спалю за твой косяк. А теперь беги, чем дальше убежишь, тем больше гарантий у тебя остаться живым, братва не простит тебе подставу.

Повторять не пришлось, рванул так, что подошвы задымили.

Двухэтажный домик с гаражом горели как по заказу. Было понятно, что к приезду пожарных останется только фундамент. Что предано огню, предано забвению. Арсенал торгаша ни в коем случае не должен достаться бандитам. На нет и суда нет.

...Девять утра. Кусты облепили, растущие у самой дороги, надёжно скрывали старшину и старлея. По их расчётам в половине десятого из своего особняка на берегу озера Кашкыр ежедневно проезжал по этой единственной дороге в свою контору. Тут и ждали они его с распротёртыми объятиями. Проехало несколько легковушек с ночной рыбалки, не то.

Стрелки приближались к половине десятого, точность, присущая немцам, или, как в аптеке, грамм в грамм, секунда в секунду! Показалась группа мотоциклистов, передний эскорт. За ним — три иномарки, забытые охраной под завязку, и, наконец, основной костяк, охрана как у президента.

Гранатомёты готовы к работе. Взрывом центральный джип выбросило на обочину, оторванное переднее колесо крутанулось в воздухе бумерангом, исчезло в кустах. Вторая граната заставила совершить следующий джип сальто и загореться. Произведя ещё одну перезарядку гранатомёта для старшины, старлей передёрнул затвор пулемёта.

Сбитые очередью мотоциклисты растянулись на асфальте. Третий джип от взрыва встал на дыбы и опрокинулся на крышу. Ушедшие вперёд машины развернулись и поспешили к месту взрывов. Пулемёт бодро забил им навстречу. Проскочив сбитых мотоциклистов, иномарки притормозили в двадцати метрах. Ураганный огонь ударил по зарослям облепили, зелёная труха из веток и листьев посыпалась на афганцев.

Длинная пулемётная очередь умирала пыл охраны. Посыпались стёкла, рваные отверстия побежали по боковым дверям, капотам, радиаторным решёткам. Последний джип попытался ударить в сторону озера, напрасно, получил гранату точно в свой шикарный зад. Полный порядок, но Кашкыра среди пассажиров не оказалось. Водила из первого джипа, одуревший от взрыва,

кинулся в заросли, где его и перехватил старлей. Придавив того к земле, он задал всего один вопрос: «Где шеф?». Облом. Тот ждал свой эскорт в аэропорту.

Уходили поспешно. Облепили, прошитая очередями вдоль и поперёк, не оставляла шансов на спасение. Но шанс был один из тысячи, им они и воспользовались. Пулемёт пресекал попытки преследовать. «УАЗ-469», который старшина по случаю поменял на «Шевроле», бодренько запетлял меж кустов, плюхался в ручьи, попадавшие на пути. Старлей ещё в военном училище хорошо изучил достоинства и недостатки уазов, сейчас уверенно отрывался от погони. Такие гонки не для иномарок, тем асфальт подавай.

Старшина притих на заднем сидении, выстрелы остались позади.

— Старшина, что с тобой? — старлей тормознул машину.

— Зацепило малость, пустяки, не смертельно. Что встал? Давай гони, брат.

Лицо старшины скривилось от боли, его правый бок был в крови.

— Достали всё-таки, твари!

Пять минут, и наложена повязка, аптечка постоянно с собой: Афган научил не только воевать, но и бинтовать. Пустой пулемёт и один из гранатомётов утопили в реке. Граната одна всё равно осталась. «УАЗ» бросили подальше от жилья, у пустой кошары. Там же пересели на копейку. Старшине становилось всё хуже и хуже.

Тряска в машинах, особенно в «УАЗе», обессилила его. Родственница старшины врач проживала недалеко от больницы и на звонок ответила сразу. Стараясь не привлекать внимание соседей, въехали во двор частного дома. Старшина взглянул на родственницу.

— Вот, Гульнара, зарекался не прибегать к твоим услугам, да вот, видишь, пришлось.

— Прекраги, Рустам, дай осмотрю рану, — сняла повязку и скомандовала сыну, стоящему рядом, — давай в дом, Марат, помоги.

Старшину внесли в дом, положили на раздвинутый кухонный стол.

— Подвёл тебя, брат, — лицо старшины стало белее снега, — имей в виду, каждый вторник и пятницу Кашкыр выходит на яхте поплавать, порыбачить, порезвиться со своей мадам... Есть шанс... а там смотри сам, брат.

— Принял к сведению, не впадай в панику, братишка, поправляйся! — пожав руку старшине и извинившись за предоставленные неудобства перед хозяйкой дома, старлей погнал «копейку» из города.

На выезде заметил пост ГАИ, потрошивший всех подряд, вернулся в город. Переждал до вторника в одном из заброшенных цехов кирпичного завода. В три часа ночи выбрался из города и повёл жигулёнка в сторону озера. Спрятав «копейку» в кустарнике, подобрался, насколько это было возможно, к берегу.

Километрах в пяти над берегом воз-

вышался шикарный дворец, построенный в виде парусника, носовая часть которого опускалась в зеркальную гладь озера. Создавалось впечатление натурального парусника, плывущего по воде. Рядом — ухоженный пляж с золотистым песком. А главное, пирс, к которому были пришвартованы белоснежная яхта и несколько прогулочных катеров. По периметру прохаживалась охрана, ну как же без неё. Биноколь до мелочей срывал объект наблюдения.

Но во вторник яхта так и простояла у пирса. Ждём до пятницы, с едой нет проблем. Озверевшие комары, особенно ночью, едва не съели старлея, не спасала даже москитная сетка и прорезиненный плащ. Часов в десять утра, в пятницу, во дворце началось движение. Погода, как по заказу, на яхту загружали коробки с продуктами и напитками. В окружении охраны несколько мужчин в пляжных костюмах взопли на борт красавицы из пластика и стекла. Шествие возглавлял сам достопочтенный Кашкыр с кудрявой головой и авторитетным рюкзаком живота. Он был явно в настроении.

Стайка молоденьких девушек старалась скрасить одиночество мужчин. Хорошо отдохнуть не запретишь, одно радует, можно несколько испортить этот отдых. Белое чудо заскользило по глади озера, следом плыл катер сопровождения. С яхты слышались смех и музыка. Её борт чётко просматривался в прицел гранатомёта. Рискуя промахнуться, старлей ждал подходящего момента. Пора! Граната с жадностью впиалась в пластиковую поверхность. Взрыв разорвал яхту на две половины. Объятые пламенем и дымом, они быстро погрузились в озеро, на поверхности плавали лишь щепки фанеры и пластика. Пассажиров не было видно, катер сопровождения на скорости шёл в сторону старлея.

Стебли камыша, подрезанные пулями, обречённо падали вокруг него. Так, не хватая ещё одной гранаты. Короткой очередью старлей попытался притормозить катер. От пирса на предельной скорости летела ещё пара катеров. Не уйти. Пуля неожиданно ударила в грудь. Страшная боль, во рту появился привкус крови. «Пробито лёгкое», — понял старлей.

Ещё не вечер!

Длинной очередью он опустошил подошедший катер. Вторая пуля ужалла в плечо.

Ещё не вечер! Отбросив разряженный автомат, он выхватил пистолет. Ещё двое упали перед старлеем.

Конечная остановка, приехали.

Он твердой рукой приставил пистолет к виску...

Пара лебедей, испуганная выстрелами, устремилась вверх, поднимая к небесам на своих крыльях души старшего сержанта Колесникова Сергея Ивановича и старшего лейтенанта Данилова Владимира Васильевича.

Новокузнецк

### Грань

На горных вершинах, где тёмные ночи  
Ложатся с туманом в обнимку на скалы,  
Там дремлют на склоне

ущелья тюльпаны

Под тенью гранитных серых утёсов,  
Ждут раннего утра

В надежде раскрыться бутонами  
к солнцу,

В которых застыли, как капельки слёз  
материнских, росинки,  
Оплакав безмолвно погибшего сына,  
Но снайпер не дремлет.

Тихо вскрикнул боец, наземь падая,  
«МАМА!»,

Это я, твой сыночек любимый,  
единственный самый,

Ты прости, что вернуться домой  
не сумел я

И попал так невольно под линзы  
прицела!

Кровь на землю из раны ручейком  
просочилась,

А весною в тюльпаны она превратилась  
Рядом чёрный тюльпан

— предвестник печали

Расцвёл, пробиваясь из щели гранита.  
Вот контейнер закрыт

оцинкованной сталью

Он летит самолётом под номером «200»  
Из Кабула домой, с печальной вестью.  
Вот и дома, двери настезьему открывайте,  
Дорогие, родные, простите, встречайте.  
Слова оправдания сейчас неуместны,  
Горят, оплывая, зажжённые свечи.

И матери, вмиг оттого поседевшей,  
Военком, ни к чему твои оправдания,  
Слова о здоровье, оставь пожелания,  
Увяла она, как в пустыне растение,  
Дорога к погосту похожа на вечность.  
У вечности этой бескрайни границы.

Если б знала она заранее об этом,  
Себя б отдала, не жалея — ВОЗЬМИТЕ,  
А сына, прошу, умоляю — ВЕРНИТЕ!  
Но то, что случилось, уже не исправить,  
Сын лежит на погосте, в своей колыбели.  
Гвоздики завяли, венки пожелтели,  
Мать прожить не смогла без него и недели,  
Ушла безутешно к любимому сыну.

Тот не сможет понять, того не изведав,  
Что потери такие ничем не восполнить.  
Одно остаётся — простить их и помнить.  
Здесь, в Сибири, в апреле  
Ещё хороводят метели.

В горах Кандагара, Афгана  
Уже отцветают тюльпаны.

Они, словно алая кровь,  
Что в бою просочилась из раны.

А в бутонах, что тянутся к солнцу,  
Жемчугами застыли росинки,

Нет, скорее всего, это матери  
горькие слёзы.

Вдруг в безлюдном ущелье,  
словно эхо войны,

Пронеслись и затихли весенние грозы  
Там, вдали, за горами

Снег кружит над погостом.  
С СЫНОМ рядышком МАМА,

Колыбельную песню ему напевает.  
Но, скорее всего, это мне показалось,  
Видно, ветер запутался в ветках берёзы,  
Что стоит, наклонившись

к могиле в печали.

17.01.2022г.



## Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохореве Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добра и поучительна. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой Отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг – «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

# Белая волчица

Главы из романа

«Коршун охотится в одиночку»

Он почувствовал, как огромная чёрная росомаха нависла над ним и проткнула когтем голову. Кипящая смола боли плеснула пламенем, потекла по голове, заливаясь в глаза, уши, рот. Усилием воли открыл глаза и увидел, что росомаха почернела, оскаленная пасть раскрылась ещё больше, и из неё выдвинулись изогнутые ножи вместо клыков. С них капала кровь, его кровь...

Зверь встал на задние лапы, утробно рыкнул от предвкушения победы. Заглянул в глаза жертве, наслаждаясь её бессильем, и зашёлся в диком хохоте. Чёрная шерсть исчадия ада встала дыбом и смрадно задымилась.

Задыхаясь, человек ждал последнего удара чудовища, чтобы уйти в небытие. Голова пылала и стремилась избавиться от боли, она призывала убийцу побыстрее сомкнуть челюсти на глотке жизни. Но тот медлил, оттягивая секунды торжества. Снова низко наклонился, и ядовитая слюна капнула на лоб погибающему...

– Бугады\*, – прошептали губы человека, – Бугады...

Что это значит и где он слышал это слово, человек не знал, но повторял словно заклинание: «Бугады»...

Шёпот ударил в чудовище с такой силой, что его голова откинулась назад. Убийца вдруг уменьшился в размерах, шерсть ошметками падала на траву. Звериная пасть захолопнулась, а морда чудовища стала обретать очертания знакомого лица, но человек не мог вспомнить, чьё это лицо.

Серые волки обступили человека, заслони́в его от убийцы, чёрные вороны с криками разметали остатки злодейства и разместились орущей толпой на ветках деревьев.

– Зачем звал Бугады? – услышал человек.

Над ним стояла белая волчица. «Я умер, и мне чудятся говорящие волки», – сквозь боль пришла к человеку мысль. Он ей не удивился.

Волчица обошла человека вокруг, положила лапу на лоб, и боль наполнила утихла. Попытка приподняться сразила новым ударом боли.

– Меня прислала Бугады. Зачем её звал? – снова спросила волчица.  
– Я не знаю, кто это. Я просто сказал...

С высокой ели каркнул ворон.

Волчица посмотрела на ворона.

В памяти человека возникли картины детства, когда они с пацанами лечили ворона со сломанным крылом. Сделали из палочек крепление, чтобы крыло не двигалось, и перелом мог зарастить.

Вспомнилось, как кормили ворона кашей и котлетами из школьной столовой. Выздоровевший ворон ждал их около школы на высоком тополе, позволял себя гладить, смешно теребил за чубы, гонялся за мыльными пузырями. Осенью ворон улетел. С тех пор человек в каждом вороне видел подранка.

– Чего ты просишь у Бугады? – спросила волчица.

– Чтобы боль ушла.

– Боль тела легче, чем боль души.

Когда ты это поймёшь, захочешь уйти из этого мира.

– А сейчас?

– Бугады разрешила тебя взять в наш мир, но я этого сделать не могу. Ты не готов.

Волчица снова обошла человека, наклонилась над ним, коснулась... ласковой мягкой рукой. Вдруг вздыбилась... Волчья белая шуба скользнула на землю, освободив черноволосяную молодую женщину. Она отряхнула полы эвенкийского кафтана из белой оленьей шкуры, поправила головную бело-золотистую бисерную повязку. Откинула назад две чёрные косы. Мягкие сапожки, покрытые золотистым бисером, облегли ноги хозяйки.

«Бред... бред», – подумал человек и попытался закрыть глаза, но не смог. Женщина-Волчица присела на корточки и принялась гладить руки его лоб, грудь. Что-то тяжёлое тянулось к её рукам из головы и груди. Это что-то разрывало и ослепляло болью.

– А-а-х-а! – вырвалось из груди человека вместе с ключьями плоти и кусками запёкшейся крови.

– Хорошо, – сказала женщина, – почти все вышли. Осталась только тут, – и она прикоснулась к голове. – Достать её я не в силах. Бугады будет с тобой.

Волчица раскрыла ладонь, на ней лежали три пули.

– Ты хочешь их взять?

– Нет.

– Захочешь, найдёшь... – сказала она и выбросила пули.

Снова прикоснулась к груди, послушала биение его сердца. Встремленно провела рукой по грудному карману куртки.

– Отдай это, – сказала она, – это спасло тебя, но погубит.

– Возьми, если тебе это надо, – прохрипел человек.

– Могу взять, но отдай сам, иначе это не сохранит тебя.

Через боль он достал из кармана золотой крест, погнутый в середине, и протянул Волчице.

Та положила крест на ладонь, прикрыла его другой ладонью. Помолчала.

– В добрых руках был, – произнесла она.

Поднялась, отряхнула с платья прилипшие хвоинки и опавшие осенние листья берёзы. Лучи солнца осветили её. И тут случилось странное: кафтан, расшитый бисером, отороченный белым мехом, длинные косы женщины засияли золотом, заискрились. Блеск золота был нестерпим так, что заслезилась глаза. Золото слепило, тяжело било по глазам. Каждая волосинка в косах спасительницы сверкала. Ветерок колыхнул платье, и оно легко заструилось, запело металлическим звоном.

– Золотая баба! – выдохнул че-

ловек. Волчица засмеялась. Золотые искры полетели во все стороны, тяжело падая, они быстро впитывались в землю. Увидела, как загорелись глаза человека, похмурила, махнула рукой, будто стёрла свой смех.

– Глупые вы, люди! Золото ещё никому не принесло счастья. Тебя спас твой бог, мой хочет помочь, а этот металл им мешать будет.

Помолчала, быстро накинула белую шубу.

– погоди, – прошептал человек, – я тебя ещё увижу?

– Боль тебя не оставит, пока ты этого не захочешь. Тебя спасёт чужая боль, она тебя сама найдёт.

– Я хочу тебя ещё раз увидеть...

– Энекан Бугады\* зовёт...

И белая волчица положила лапу на лоб человека...

Пробуждение было тяжёлым, ощущение дикого сновидения давило на тело. Попытался восстановить детали увиденного во сне, но заломило виски.

...Сознание приходило и уходило. В бредовых кошмарах приходила Волчица, от её прикосновений становилось легче, переставал жечь огонь, становилось легче дышать. Громадный бурый медведь наваливался на грудь, забирая в себя боль. Росомаха всё время ждала за углом, карауля момент, чтобы сомкнуть на горле человека свои клыки-ножи. Вот она дождалась, когда старец вышел в крохотную дверь, и, стуча когтями по полу, понеслась к человеку. Снова раскрылась смрадная пасть...

Белая волчица вошла, зачерпнула ковшом воду и поднесла к его губам. Он глотал холодную жидкость и не мог напиться.

– Спи, – сказала Волчица и убрала ковш.

«Что с ним? Он долго спит?» «Самое полезное для него сейчас – сон».

Он пошевелился: грубый плед заскользил по голому телу.

«Чертовщина, – подумал он, – почему я без одежды?».



С трудом разлепил веки...

Глаза упёрлись в низкий почерневший бревенчатый потолок. Крохотное оконце слабо светилось и казалось дыркой в стене. Тело не хотело слушаться, было ощущение, будто на грудь, руки и ноги поставлено по бетонному блоку.

«Видно, вчера с ребятами мы крупно перебрали», — подумал человек. В голове появились картины тёплой осени, каменная тропа в тайге...

«А где ребята, почему я один... Наверное, на охоту ушли... без меня... Давно я так не набирался...». Обрывочные мысли бродили в голове и никак не складывались в единое.

У противоположной стены на лавке стояло ведро, полное воды. Поверху плавал деревянный ковш, такой, как на деревенских картинках. Захотелось пить до сухости на губах, до спазма в горле. Попытался встать, но смог лишь приподнять руку и пошевелить пальцами.

Попытка поднять руку не сразу удалась. Усилием человек всё-таки согнул конечность в локте и обомлел: это была не его рука. Анатомический набор костей, обтянутый серым пергаментом кожи, под которым тоненько просвечивали синие ниточки кровеносных сосудов. Вторая рука не отличалась от первой.

«Я — старик?» — с ужасом подумал человек, но это не укладывалось в голову. «Видимо, всё-таки сильно вчера перепил, вот и чудится чертовщина. Надо встать, умыться...».

Неуклюже скинул плед на пол... На грубо сколоченном топчане лежало высохшее тело старика. Оно было живо, дышало, но это было чужое тело. В памяти возникал образ спортивного малого, с явным рисунком кубиков на брюшном прессе, хорошо развитой мускулатурой грудной клетки.

Его охватила паника: этого не может быть, он не старик... Или старик? Цепляясь за стену, человек смог поднять непослушное тело.

Пространство маленькой хатёнки сдавило душу своим убожеством: ни разу не белёная печь, сложенная из самодельных кирпичей, занимала почти всё пространство избы. Деревянное ведро на лавке, пучки засохшей травы и стол с ножками крестна-крест... «Господи, это какой век?» Около низеньких входных дверей послышалось поскрёбывание...

— Маняша, — раздался неожиданно ясный мужской голос, — не спеши, я ещё засов не открыл.

Загремел засов, дверь отворилась и впустила клубы чистого морозного воздуха. Вошёл высокий старик с пушистой бородой цвета первого снега в длинной чёрной поддёвке как у монахов.

Придержал дверь.

— Маняша, погода, тут твой крес-

тлик проснулся. Побудь на улице, а то напугаешь.

Но в дверь уже всунулась медвежья морда, оттеснила монаха и ввалилась в избу.

Сил изумляться и пугаться уже не было, тело покрылось крупными каплями пота, и человек повалился на лежанку. Монах подхватил его, помог лечь, укрыл пледом.

— Обыгался... Вот и ладно. Маняшу не караулься, она разумнее многих. Сейчас чаёвничать будем.

Старец чиркнул спичкой, и в печи весело загудело пламя. Вскоре загремел крышкой высокий прокопчённый чайник. Отщипнув от пучка травы несколько веточек, монах сунул их в чайник.

Человек пытался осознать, что он видит в действительности, а что ему кажется. Реальность была неправдоподобной: медведь, участливо заглядывающий в глаза, волчица, превратившаяся в женщину, монах из средневековья и... зима. Он был уверен, что за порогом стояло начало осени. Грезилась багровые листья калины, пружинила под ногой опавшая листва, на стволе поваленного дерева сидела целая армия опят...

Но на улице лежали сугробы, морозный воздух тоненькой струйкой втягивался через дверь.

Прикрыл глаза, с силой сжал веки, но мир не изменился.

— Нут-ка, Коршун, подымись, я вот тебе взвар сготовил, — над ним наклонился монах, помог подняться, обложил каким-то тряпьем как младенца, подал выдавшую виды алюминиевую с помятым боком чашку с жидкостью, — пей, мил человек.

Чай был душистым, но не сладким. Старик подносил чашку к его губам привычным движением, как это делают сиделки в больницах. Изпод нависших лохматых бровей смотрели ослепительно синие молодые глаза. Больной никак не мог согласиться с собой, что глаза принадлежат старику.

— И как же тебя кличут, мил человек? — спросил старец, убирая опустевшую чашку.

В ответ неразборчивое мычание. Губы не слушались и звуки не получались.

— Ну, ну, не гнети себя, — тихо сказал старец, — оно и понятно, ты столько пролежал чурбаком, разучился говорить. Главное, оздоровел. Пока память не придёт, буду кликать тебя Коршуном, а ты меня Росичем, так меня люди кличут.

В ответ на мычание больного пояснил:

— Ты в беспомощности всё кликал: не то коршун, не то кошунь.

Сон был добрым и лёгким: осенняя тайга окутывала мир добротой и радостью. Где-то гудели города, носились машины, а здесь было

тихо и покойно... Коршун проснулся и увидел, что в оконце заглядывает звезда. Рассвет ещё был далеко, и можно было понежиться в постели. Попытался повернуться на бок...

Молнией в голове вспыхнули вчерашние события: избушка, зима, старик, Маняша... Маняша заворочалась, ткнула его носом в бок, что-то проворчала.

«Это не бред! А что это?»

Мысли стали выстраиваться, Коршун сосредоточился и попытался ответить на некоторые вопросы:

«Я — есть, я — существую! Что я делаю зимой в тайге? Видимо, я охотник, почему меня не ищут родные?»

И тут до сознания доходит: «Как меня зовут? Почему я Коршун?» Он понимал, что есть мир, города, времена года, знал названия предметов и явлений, но своего имени, фамилии, откуда родом, есть ли у него родные, семья, он не помнил. Попытался вспомнить хотя бы какие-нибудь события из прошлой жизни, но память останавливалась на босоногом мальчишке, который бежал в магазин за мороженым.

Зимний день короток, а ночь бесконечна. Ближе к рассвету Росич поднялся, затопил печь, принялся готовить похлёбку. Коршун с третьей попытки поднялся и сел на топчане. Поскрёб голову, потрогал спутанные длинные волосы, бороду и усы. «Не помню, носил ли я бороду, — подумал мужчина, — главное, встать на ноги, главное, всё вспомнить». Около печи в отблесках огня размеренно двигалась фигура старика, он был похож на Бабу Ягу из сказки. «Из какой сказки? Маняша из «Маши и медведя», избушка на курьих ножках, а Баба Яга из «Ивана Царевича и Серого волка».

— Волки бывают белыми? — неожиданно для себя проскрипел Коршун.

Не замедляя движений, старик кивнул головой:

— Лютени бывают разные: и серые, и белые. Белые прозываются полярными, они могутнее серых. К нам приходят редко.

Гора бурой шерсти на полу заворочалась, приподнялась на передних лапах, и тяжёлая Маняшина голова обрушилась на колени Коршуна.

С этого момента и началась жизнь Коршуна, без имени и фамилии, без рода и племени. Медленно восстанавливало тело свою силу, тяжело осваивался человек в новой жизни, и чем больше он жаждал вспомнить прошлое, тем дальше оно отступало.

*\* Бугады или Энекан Бугады, — один из самых почитаемых эвенкийских богов, является повелительницей всей нашей Вселенной, земли и природы со всеми зверями и людьми.*

## У магазина

— Ну, и кто тут крайняя? — зычно крикнул дед Шукарёнок, сдвигая на бок обмусоленный треух.

Сидящие на лавочке около магазина женщины встрепенулись.

— Тебе-то какая разница? Всё равно без очереди полезешь за бутылкой.

— Мне разницы никакой нету, — ощерился дед, — а вам есть. Так кто крайняя? Щас вон Райсуха подъедет, и вы всю очередь попу-таете.

— Принесло паразитика, — махнула рукой Шайтаничиха, — будет зубы мыть, пообчаться не даст.

— Так ты с утра уже обчаешься, — ухмыльнулся дед, — все кости перемыла, али кого забыла?

Бабы засмеялись, вспоминая, что Шайтаничиха и Хитрованиха действительно с самого утра сидят на крыльце магазина.

— Каво им делать-то, — поднялся с пенёчка Кострика и протянул руку деду, — у них ни рабёнка, ни котёнка. Анжелка, — обратился он к жене, — я, пожалуй, пойду. Чё здесь штаны протирать да вашу брехню слушать.

— А я послушаю, вдруг чё доброго скажут, — пыхнул сигаретой Шукарёнок.

— Где она, твоя Райсуха, мотается, — махнула рукой женщина в синей косынке, — с утра уехала. Мы уж все разговоры переговорили, а её всё нет.

— Опять, поди, Демидова по базе ловит, — вздохнула молодка и тайком глянула на себя в карманное зеркальце.

Бабы согласно закивали головами и принялись обсуждать места нахождения Демидова.

Шукарёнок сунулся было в бабий разговор, но те его «послали на Пугорану искать Золотую бабу». Помыкавшись в безразговорье, дедок направился навстречу Марфе Солдатке, счастливо потирая руки.

— И ты, Морька, тут? Чё за антерес у тебя к Райсухе?

— Колька мой совсем обносился, — махнула рукой Марфа и поправила косынку на голове, — в тайге последние штаны порвал.

— Так уж и последние? — поддёрнула плечом дородная бабёнка. — Надясь весь двор его штанами занавесила. Ты из ево двоих не сделаешь, чё ты ево балуешь? Оно, конечно, можно пацану и трое штанов закупить. Коршун тебе соболей с Баргузы таскает, да и ты на породовыборке хорошо зарабатываешь.

— Зависть, тётка Нина, — задумчиво проговорил, вернувшийся



Кострика, – плохое качество.

– А какая у меня зависть, Кострика, – взорвалась Хитрованиха, – кому тут и завидовать? Пацана в конце избаловала. Штаны не штаны, рубаха не рубаха. Мужика родного сгубила, чужого домой привела.

– Это, Нина, уже не твоя заботушка, – огрызнулась Марфа, – ты своих растолкала по белу свету.

– У Хитрованихи все виноватые, – встрял Щукарёнок, сворачивая очередную козью ножку, – ей бы тока за другими уследить, да в щёлку заборную подзаглядывать. Ты, Нинка, от злости лопаешься, чё у Морьки всё ладом. Чё Коршун не у тебя столуется.

– Ага, столуется! – пошло захотала Хитрованиха. – Кофу в постелю на всю ночь... Марфа, а как вернётся твой Солдат, чё ты ему скажешь? Он вам покажет кофу.

Вздрыгнула Марфа как-то по собачьи, всем телом, втянула голову в плечи и отвернулась. Щукарёнок отбросил козью ножку.

– Дура ты, Нинка! Ни ума в корбке под волосьями, ни соображений, – покачал головой дед. – Пять лет как Витька ушлында в тайгу. И где он стока плутать могёт? Можя хозяину на коготь попал, а може лихие людишки встренули.

– Шас! В Китай ушёл! – мстительно надвинулась Хитрованиха на сухонькую фигуру деда. – В том годе золотишко-то старательское с прииска ушло... Тю-тю!

– Металл пропал за полгода до Солдата, – недоверчиво протянула Олеся, кладовщица с прииска Безымянный.

– Припрятал он ево и ждал, когда всё успокоится. Сняли кордоны, Витька и утёк. Попомните моё слово: как-нибудь осенью Витька и возвратится! – Нинка победно глянула на Марфу. – Ну, и чё ты тогда скажешь мужу законному? Как оправдаешься за измену свою подлую?

По-медвежьи Кострика повернулся к Хитрованихе, та вёртко отскочила:

– Вот чёрт лихой, – взвизгнула она, – Анжелка, забери своево обормота, пока я на ево участковому не написала.

– Ты на своево мужика пиши, – стряхнула с подола подсолнечниковые шкурки Анжела, – а моёво бойся. Если он обидится, ты до Путораны бегом бежать будешь. Иди, Валера, домой, я, кажись, избу не заперла, как бы собаки не забежали. Смотри, к Мусорёнку не заходи, а то я тебя знаю.

Женщины понимающе засмеялись: «Два друга, шлея да подпруга»...

– Не придёт Солдат, – глухо произнёс Кострика, – не бойся, тётка Марфа, не придёт, – взъерошил руками шевелюру и пошёл прочь от

магазина.

– Чёйт он про Солдата брякнул? – Щукарёнок задумчиво посмотрел вслед односельчанину, а тот шёл, ссутулившись сильнее прежнего, будто его земля-матушка к себе тянула.

Дед потерял ухо, подёргал оборванные обшлага рукавов старой фуфайчки.

– А? Марфа? Чёйт он брякнул? – дед снова потерял ухо, – Ишь чё брякнул... Ет, бабоньки, я чуть на отлучку сбегаю, а вы уж попомните, чё я первый в очереди стою.

Не оборачиваясь, Кострика отмахнулся от деда.

– Получил хитромордая твоя шукаринская порода, всё-то тебе надо знать. Ишь, как прытко побежал, – беззлобно засмеялись женщины.

– Чё там бегать, в том годе Кострика воевал тайгу, вернулси чумной. С тех пор ево и не поймёшь. Буровит, буровит, а то прячется, на хату замок сделал, – развела руками Шайтаничиха. – Анжелка, чё молчишь?

– А чё говорить, – зевнула молодайка, стоящая поодаль, – ты ж всё и про всех знаешь, так чё мне язык трепать.

– Вот и расскажи людям, чё твой по ночам не спит, вздрагивает от скрыпу.

– Тебе-то откуда знать, как мой мужик вздрагивает? – грозно повернулась к ней Анжела, – чё и к моему мужуку уже залезла в штаны?

Бабы разом замолчали, слегка поосторонились, чтобы освободить поле предполагаемого боя.

Шайтаничиха подбоченилась.

– Чё там у твоо в штанах-то интересного?

Около конторы затормозила приисковая машина, из её кузова соскочила взъерошенная Раиса. Её высокая грудь взлетела вверх, словно хотела оторваться от тела хозяйки, и с хлопанием шлёпнулась на место.

Бабы у магазина встали стенкой, приготовились к встрече сильно запоздавшей продавщицы.

Та, широко шагая, направилась к магазину.

– Не скажи, Райсуха, так, а то твой молочный магазин отпадёт, – мелко засмеялся Щукарёнок, – подобрать-то его некому будит, разве что какая собачуха, дура охотная, решит, что порося убёт из стаюшки.

Довольный своей шуткой, Щукарёнок подбоченился, уши его шапчонки радостно затрепыхались.

– Да помолчи ты, старая язва, – махнула на него рукой продавец, – без тебя тошно. Будешь мозолиться, бутылку не получишь.

– Куды ж ты денесси, – развёл руками Щукарёнок, – я пенсию получил. А ты чё ли, мне долг простила?

– Вот язва, слова сказать не даст – запыхавшись, говорила Раиса.

– И чё за переполох такой, чё ты пешкарусом от конторы бегишь?

– Старое ты ботало, – женщина остановилась около лавочки и смахнула рукой капли пота со лба.

– Это ботало когда-то работало...

– Помолчи, старый, и так тошно. Женщины, видя её беспокойство, давно расхотели устроить «дружескую» встречу Раисе. В их дальнем уголке планеты беда чувствуется на расстоянии. Потому загомонили все разом:

– Говори толком, Раиса Ивановна, чё случилось?

Продавец с шумом выдохнула:

– Ой, бабы, Демидов пропал... – Уж так и пропал? – захотала Шайтаничиха. – Сколь разов он так пропадал и всё находилси.

Понимающий смех прокатился по кучке односельчан. Прделки управляющего и его похождения были притчей во языцех у поселковых кумушек. Рассказы Раискины о поисках Демидова по бабским постелям всякий раз обрастали такими подробностями, что управляющий грозился мстостью, вплоть до увольнения.

– Ты его у Лидки-разводки искала? – усмеялась Анжелка.

– Вам бы всё языки трепать, – обречённо махнула рукой Раиса. – Говорю вам, что пропал. Миша ещё вчера поехал на базу с отчётом. Вроде как новый хозяин затребовал. Вечером звонит и говорит: «Завтра забудь меня забрать, мотоцикл мой сломался». Я на базу приехала, товар получила, а его нет. В управлении говорят, что вчера ещё отчёт сдал. Я к Лидке... Ну, думаю, все волося обоим выщипаю.

– Выщипала? – ехидно спросила Хитрованиха.

– Да ну тебя! Лидка вся в слезах. Говорит, что ещё вчера поздно вечером ушёл в контору, и всё... Документы, сумка – всё на месте, а его нет.

– Какая контора поздно вечером? – возмущённо произнесла Марфа. – Они до пяти работают, потом избушку на клюшку – и по домам. Я к им без пяти четыре прибежала, так уже никого не застала. Пришлось на базе заночевать.

– Лидка говорит, что пошёл на встречу с новым хозяином.

– Какой такой хозяин, – недоверчиво протянула Анжела, – их уже трое сменилось, но ни один ещё не появлялся. Всё каких-то шарамыг в красных костюмах присылают. Проверять-то их всех пережил.

– Куды ж он мог деваться? – прищурился Щукарёнок. – С базы тока могёт еропланом, не зима поди.

– Бегала я в аэропорт, – сокру-

шённо сказала Раиса, – не улетал.

Азартно топнув ногой, Щукарёнок сорвал с головы жухлый треух, хлопнул его о землю.

– От Демидов! От жуч! А я всё думаю, чё это ране на драге жуков частенько отлавливали, а уж лет пятаков, али семь – ни одного не пролетало. Тока песок да блёстки.

– Ты это к чему? – резко повернулась Раиса.

– А тока твой Демидов шагайт счас в Китай прямушкой. У ево ищё с дая тропки-то натоптаны. Накопил жучков да песочку...

– Трепло огородное, – зло надвинулась на старика Раиса, – ты чего городишь?

– Чё это городишь? Как пять годков назад сменилси следуший хозяин, чё не долетел до нас. Демидов мне сам жалилси, чё ему принадлео. Непонятно, кому служить. Уходить хотел ищё тогда.

– Мы с ним на Большую землю собирались, – всхлинула Раиса, – вот он и говорил. Да всё тянул.

– С тобой можа и на Большу земельку сбиралси, – подобрал шапку Щукарёнок, потряс её, выбивая пыль. – Тока теперича ты ему без надобностей. Горластая, толстушшая, как тот боров. Он счас таких рябушечек накупит...

Щукарёнок изобразил руками женскую фигуру.

– От зараза, – неожиданно для всех, хлопнув в гнев себя по коленям, взорвалась Ольга, породовыборщица с прииска, – он же мне обещал жениться!

– На ком жениться? – оторопела Раиса.

– Не на тебе же! – поднялась с лавки молодка. – У тебя же не за что подержаться: ни тут, ни там!

– Ах, ты, гадючье отродие, – двинулась на молодку хозяйка торговой точки, – а я всё дивуюсь, чего это Мишка зачистил на драгу. Чуть ли не каждый болтик проверил...

Отскочив на безопасное расстояние, Ольга встала руки в боки.

– Ты ему хозяйка что ли?

Резво рванувшись к сопернице, Раиса обогнула Щукарёнка, стоявшего у неё на пути. Старик задумчиво скрёб недельную щетину.

– Ай да Мишка! – бормотал он. – Ет значитси, ты, шлындёра, ему жуков-то добывала. Ты ж самая глазастая. Мужуков без премии оставляла.

– Ничего не добывала, – испуганно зачистила Ольга, она понимала, что за такое люди не помилуют, придётся с насиженного места убираться пока цела. – Просто жила заканчивается, вот и не стало жуков.

– Накрылась зарплата, – медленно проговорила Анжела, – теперь пока нового управляющего найдут, пока разберутся...



Она поднялась с лавки и побрела домой.

— Алька, — окликнула её Раиса, — ты куда? Я же тебе платье привезла. И девкам твоим привезла.

— Какое платье? — махнула в сердцах женщина. — Теперь денюшки экономить придётся. Ты же нам зарплату не выдашь...

Жизнь в посёлке остановилась вместе с драгой. Бригадир Ивинков вторые сутки сидел безвылазно в конторе, вместе с контролёрами охранял приисковый сейф с намытым золотым песком.

У конторы гуртулись поселковые. С базы не было ни ответа, ни привет. На телефонные звонки никто не отвечал. Приисковая машина ушла ещё утром, но пока не вернулась. Егор Ивинков нервничал, потому что намешано и в посёлке, и на прииске разного люда. Участковый сказал, что выезжает, но тоже что-то не торопился.

В Молодёжном замелькали не лучшие представители с соседских приисков.

— Эй, бригадир, — орал тощий парень с Комсомольского прииска, — чё ты там сидишь? Сдохнешь! Ты людям выдай песком зарплату и премию. Приедет начальство, мы его на деньги поменяем.

— Отдай людям положенное, — орал Сузик, — чё мы с голодухи должны дохнуть? Отдай, а сам в бега. Всё равно с тебя спросят без церемоний и к стенке поставят. Граждане-приисковики, — взвыл диким голосом Сузик, — чё ждёте? Ломай двери конторы. Нас за человек не чтут!..

Клицнул затвор винтовки.

— Спробуй, — на крыльце возникла фигура Шукарёнка, ружьё наизготове, — кто полезет, пули не пожалю.

— Ты чё, — отпрыгнул в сторону Сузик, — спротив обчества пошёл?

— Ребятюшки, приисковички, — тихо заговорил старик, — неча слушать кулёмкина сына. Он и трёх дней в году не работает. Егорка ваше хранит, можа, ценой сваей жизни. Сузику лихие людишки налили бурдамаги, он и дерёт глотку. Не защитим своё, власть прийдёт всё едино, спрос с нас будит. Енти с песочком испарятси, а нам ответ держать. Куды мы от дитёв своих?

— А и правду говорит дед, — остановился коротышка Шайтанов, — давай-ка, братцы, шибанём по дармоедам. Егорку-то мы хорошо знаем, и энтих — тоже.

— Чуть в самом деле не надурили, — бросил камень Шербатов. — Манька, ну-ка неси мой карабин, да патронташ захвати. Вооружайся, робя. Деду одному против людского хлама не сдюжить.

## Динка



Рисунок Александра НОВИКОВА

Динка, рыже-белая сука, ошенилась под досками бывшего крыльца дома, в той ямке, где она сама родилась лет пять назад.

Уже не было самого дома, а скрипучие половицы крыльца, наваленные кучей, не спасали от дождя и ветра.

Целой оставалась только миска, в которую добрая хозяйка каждое утро и вечер накладывала сытную кашу.

Миска пустовала третий день.

Вылизывая шенков, Динка с тоской поглядывала на груды переломанных досок, оставшихся от её сытой и счастливой жизни.

В ямку время от времени сыпались комья земли, слышалось громыхание, после которого всё кругом встряхивалось.

Собачонка вздрагивала в унисон колебаниям досок и остатков стен бывшего человеческого жилья, инстинктивно прикрывая собой детей.

Где-то недалеко ахнуло так, что у псинны заложило уши. Она видела, как соседская хата превратилась в чёрно-огненный клубок, от которого во все стороны полетели доски и кирпичи. Всё стихло, и наступила тишина. Динка выглянула из своего убежища. Она понимала, что тишина временная, и надо успеть найти пищу и воду.

Осторожно пробралась к обвалившейся стене, нырнула под сломанные ветки дерева, перепрыгнула через свеженасыпанный продолговатый холмик в углу бывшего двора и выскочила на изрытый воронками широкий выгон. Когда-то по мягкой траве на этом лугу Динка весело бегала за ребятишками,

звонко лаяла, догоняла кур и убегала от большого грозного гусака. Псина глубоко, почти по-человечьи вздохнула и отправилась на поиски пропитания.

В прошлый поиск на самом краю посёлка она находила остатки большой свиньи, а потому шла именно туда. Люди не обращали на неё никакого внимания и занимались своими делами около уцелевших домов.

Где-то вдалеке родился тонкий свистящий звук...

Женщины стали прятаться в погреба, колченогий старик быстро захромал в дом. Динка знала этот звук, это был зов смерти.

Три дня назад такой зов смерти разметал хату и Динкино крыльцо. Вылетевшие из загородки куры носились вокруг лежащей на земле хозяйки и громко орала. Пришли соседи, в углу двора выкопали яму и положили туда хозяйку. Собачонка своей маленькой душой приняла горе, принесённое к ней зовом смерти, два дня лежала на печальном холмике и выла. А ночью она ошенилась.

Услышав приближающийся звук, псинка бросилась обратно, к шенкам. На хутор обрушился огненный смерч...

Но не было кучи досок, была глубокая яма. Динка обежала всё кругом, обнюхала каждый куст, каждый камень... Детей нигде не было.

Динка уже не слышала грохота взрывов, она лежала, положив голову на лапы, по рыже-белой морде текли слё-

зы и терялись среди битого щебня.

К ночи обстрел закончился, и наступила звенящая тишина, иногда прерываемая далёким собачьим воём.

Над разрушенным миром поднялась луна.

Собачонка, не поднимая головы, принялась тихо подскуливать. Заболели соски, наполненные молоком, кормить было некого. Чуткое ухо деревенской дворняги уловило едва слышимый писк. Подняла голову... Писк повторился.

Стремглав понеслась на этот писк, летела сквозь развалины, перескочила через окровавленного лежащего человека, обогнула очередную воронку и застыла на месте: под кустом лежал маленький ребёнок, трепыхал ручками и ножками и тихонько попискивал.

Подползла к человеческому детёнышу, лизнула. От него пахло молоком и домом. Динка, дрожа всем телом, обернулась клубком вокруг малыша, чтобы согреть его и вдруг почувствовала, что ребёнок поймал её набухший сосок и принялся тянуть молоко.

Утром в посёлок приехала большая машина, из неё вышли военные, собрали оставшихся в живых жителей.

— Граждане, — обратился к жителям поросший шетиной военный, — мы похороним погибших, а вам надо уезжать, здесь прифронтовая полоса. Сейчас придёт автобус, собирайте самое необходимое.

Хоронили селян солдаты во дворах домов.

Молоденький солдатик осматривал дома и дворы, чтобы не пропустить кого из раненых или убитых. Увидел спину скрутившейся под кустом собачонки, шикнул на неё:

«Убегай, глупая, здесь оставаться нельзя». Собака повернула к нему морду, словно что-то хотела сказать. Её глаза умоляли о помощи. Раздвинул ветки и обомлел...

Около подошедшего автобуса собрались немногочисленные жители. Маленькие ребятишки жалась к родителям, подошли пацаны, которые помогали солдатам. Все с удивлением смотрели на чудо спасения маленького человека.

Под ногами крутилась Динка, страдальчески заглядывая людям в глаза.

— Эй, командир, — сказала пожилая женщина, подходя к автобусу, — та это ж Витки ребёнок. На нашем хуторе тока у неё было дитё. Она, видно, сгинула вчерась, а мужик ейный воюет. Давай мне дитя, сберегу, не боись.

Малыш, завернутый в солдатский камуфляж, открыл глаза и улыбнулся.

# Песнь соловья в пустыне каменной

Главы из романа

Первый день третьей четверти начался как нельзя лучше: в школу дали тепло, и классы, прогретые за ночь, гостеприимно распахнули двери.

В учительской познакомились с новой коллегой. Роль председательствующей взяла на себя обаятельная учительница математики Валентина Александровна Дорбунова.

— Знакомьтесь — это Николай Иванович, — легко прикоснувшись к руке вошедшего, бархатно говорила Дорбунова, — и берегитесь, он такой ловелас. Все женщины от него без ума.

Невысокий лысоватый мужчина согласен кивнул головой, щёлкнул каблучками, как заправский военный, и чмокнул руку Елизаветы. На кисти осталось мокрота, захотелось немедленно вытереть руку. Еле сдержалась.

— Какой кавалер, — восторженно шептала ей на ухо черноволосая женщина, — но смотри, у Николая Ивановича ревнивая жена. Легка на помине...

В учительскую, резко хлопнув дверью, внеслась худощавая дама. Подозрительно оглядев собравшихся, села за свой стол и принялась яростно передвигать стопки тетрадей.

— Катерина Леонидовна, у нас новый сотрудник, познакомьтесь, пожалуйста, — тоненько заговорила Валентина Александровна, поправляя завитые в мелкие колечки волосы.

— Начнёт работать, тогда и познакомлюсь. А вы уже изучили новую книгу генерального секретаря партии? Рекомендую сделать это немедленно, потому что первый ледсовет будет посвящен обсуждению именно этой книги, — нежно и ответила Екатерина Леонидовна и набросилась на мужа. — А ты чего усы развесил, новую юбку увидел?

В это время в учительскую влетела невысокая девушка с азиатскими чертами лица. Она с ходу обняла Елизавету, чмокнула в щеку: «Меня Розой зовут, будем подругами». Быстро сбросила с себя пуховый платок, встряхнула головой, чтобы взбодрить длинные локоны.

— Хороша подружка, — громко заявила Екатерина Леонидовна, — быстро научит, как за парнями бегать.

К счастью, прозвенел звонок, и учителя поспешили к своим классам, чтобы построить их на торжественную линейку. Широкий школьный коридор играл роль актового зала. Он вместил в себя учащихся всех классов — от первого до десятого. На оставшемся свободном месте вполне можно было сплясать краковяк.

Ребята, привыкшие к долгим и пустым речам директора, изобилующим призывами «учиться на «хорошо» и «отлично», «вести себя достойно, как настоящие советские школьники», перминались с ноги на ногу. Старшеклассники перебрасывались записками, перешёптывались, откровенно обсуждая новенькую учительницу. Наконец Федосий Алексеевич поздравил всех с началом третьей учебной четверти.

— Позвольте вам представить новую учительницу химии, — произнес он, оборачиваясь к практикантке, — Елизавета Львовна Иванова. Пока она ещё сту-

дентка третьего курса педагогического института, но уже очень много и много знает. Нам её рекомендовали в районе как отличницу и очень ответственного человека. Прошу любить и жаловать. Ну, а десятому классу повезло больше всех, потому что Елизавета Львовна теперь их классный руководитель.

Десятый класс недовольно загудел: «Почему у нас?.. Почему не Владимир Петрович?..» Реплики заглушил голос директора: «Владимира Петровича мы перевели на класс Розы Ильиничны. А теперь все по своим кабинетам на классный час. Десятый — в химию!».

Коридор быстро опустел, учителя поспешили вслед за учениками. Растерявшись от такого приёма, Елизавета робко топталась около двери, не решаясь взяться за ручку. «Смелее», — подбодрил её Тренёв. Так что деваться было некуда, и девушка, сдвинув брови, рванула дверь на себя... Вошла, встала около учительского стола, растеряв все слова, которые только что хотела сказать своим первым ученикам.

— Мы Владимира Петровича любим, — раздался голос из глубины класса. — Химию можете вести, а вот в классные не навивайтесь.

Растерянность прошла. Молодая учительница усмехнулась.

— Здравствуйте, ребята. Садитесь. Кто же вам мешает любить Владимира Петровича? Он, видимо, очень хороший человек. Только не нам с вами решать подобные вопросы.

Подождала к первой парте.

— Я, как и вы, в десятом классе считала, что могу решить всё. Оказалось, не всё! Вам осталось учиться в школе пять месяцев, а мне — полтора года в институте, так что мы с вами учащиеся. Я вам помогу успешно сдать экзамены по химии, если кому-то необходимо, подготовлю к вступительным в вуз.

— Вы химию-то знаете? — спросил патлатый обитатель последней парты.

— Любим, помолочая бы ты, — зашумели на недовольного девчонки, — уж кто не знает химии, так это ты!

— У нас в Коскино есть соловьиная гора, — неожиданно для всех произнес рослый десятиклассник со второй парты.

Парень резко отличался от своих сверстников: он был одет не в школьную обязательную форму, а во взрослый мужской костюм. Необыкновенной белизны рубашка казалась ещё ослепительнее под темно-синим галстуком. Волосы, тщательно зачесанные на правую сторону, прикрывали косою челкой высокий лоб.

Елизавету смутил пристальный взгляд больших синих и глубоких, словно омут, глаз. Чтобы скрыть замешательство, она мгновенно построжала и спросила ученика:

— Как твоя фамилия, любитель соловья, а не химии?

— Перевестов. Что же вы так официально?

— Давайте-ка мы официально познакомимся, — произнесла учительница и тут же поняла, что совершила глупость.

Надо было свести всё к шутке, а она взяла журнал и принялась называть учащихся по фамилии, ребята обиженно вставали и молча садились.

От первого дня работы Елизавета ос-

талась крайне недовольной. Точил советливый червячок. Укорял за то, что повела себя по-барски. «Ничего не по-барски, просто я учитель, а не практикантка. Поведение должно быть соответственным», — оправдывалась она перед собой. «Поведение должно быть человеческим, могла бы выслушать про соловьиную гору», — ворчал червячок. — В Сибири соловьи не водятся!».

«Это у тебя не водятся, потому что всю жизнь прожила в каменной пустыне города. Там снег чёрный, а здесь — белый, ослепительный, значит, весной сюда прилетают соловьи. Эх, ты!..».

«Эх, я!..» — расстраивалась студентка третьего курса, переставляя склянки с реактивами в лаборантской.

— Помочь? — раздался голос за спиной. Вздрогнула, оглянулась. Небрежно прислонившись к косяку, у входа стоял Перевестов.

— Спасибо, не надо.

— Мы часто помогали Розе Ильиничне. Даже готовили реактивы к урокам.

— Перевестов, иди домой. Сюда детям входить нельзя.

— Я же помочь хотел... А вы... Эх, вы...

Десятиклассник с укоризной глянул на классную руководительницу.

— Между прочим, меня Иванов зовут, и я уже не ребёнок.

Стало снова стыдно. Хотела что-нибудь сказать в своё оправдание, но парень быстро вышел из класса. «Как-то всё неудачно для первого дня, — с горечью подумала учительница, — надо будет посоветоваться с директором».

Склянки наконец-то выстроились должным образом. Опасные вещества убрамы подальше в шкаф. Настроение слегка стабилизировалось. Можно было идти домой, устраивать свой временный быт в однокомнатной казенке, как называл её Федосий Алексеевич.

Квартирка, конечно, не ахти какая, но удобства в наличии. Серые обои придавали жилищу вид каземата, в котором поставили некоторую мебель, телевизор, правда, чёрно-белый.

«Пользуйтесь, — торжественно провозгласил директор. — Мне выделили цветной, а этот привёз сюда. Так что на первое время у вас есть всё. Обживётесь, приобретёте остальное. Мы поможем».

...Стук в дверь оборвал размышления о временном жилище.

На пороге стоял невысокий молодой человек в модной кожанке с большим отложным воротником и песчовой шапке.

— Здравствуйте. Меня Федосий Алексеевич прислал, чтобы замок поставить.

Скинув куртку, аккуратно положил на парту пушистую шапку, удовлетворённо дунул на неё, полюбовался на волну, пробежавшую по меху. Ручкой пригладил прямые чёрные волосы, стриженные под «Битяз», и отрекомендовался: «Петр Стариков, заведующий механическими мастерскими, не женат».

— Что же вы сами-то пришли? Можно было прислать кого-то из слесарей.

— Федосий Алексеевич попросил сделать лично. Так что показывайте, куда замок ставить.

Удивительно, но вся процедура заняла очень мало времени. Елизавета не успела написать план урока для восьмого класса, как ключ лёг ей на стол.

— Готово, — улыбнулся Пётр и сел за первую парту, — хотите проверить?

— Зачем, вы же специалист.

— Однозначно. Причём, заметьте, лучший в Коскино. В прошлом году закончил транспортный техникум, обратите внимание, без отрыва от производства.

— Давно здесь живёте?

— Вся жизнь. Пока с родителями, но как только жениюсь, совхоз даст квартиру. Можно было получить сразу после техникума, только одному скучно. Кстати, сегодня в клубе кино показывают, можно сходить.

Елизавета слегка задумалась, может, действительно развеемся... глянула на тетрадь для планов. Четыре урока — четыре плана, и всё это впервые самостоятельно. Да и прибраться в квартире надо, вещи разложить. Вздохнула и отрицательно покачала головой:

— Спасибо за заботу, но сегодня не могу, работы много.

— Ладно, — легко согласился Петр, — тогда я вас провожу до дома.

Стала неприятна назойливость заведующего механическими мастерскими. Его распорядительный тон настораживал, а попасть под чьё-то влияние девушке не хотелось, тем более что легкой истомой волновал начавшийся роман с однокурсником Валерой.

— Вы идите, а мне ещё много планов писать. Извините.

Уткнувшись в учебник, Елизавета краем глаза видела, как Пётр быстро накинул на себя куртку, долго разглаживая мех на шапке, перед тем как надеть её.

— До свидания, — слегка поклонился он, — если что — зовите. Всегда рад помочь. Я к вам в гости завтра приду.

Ответить девушке не успела, потому что Пётр уже прикрывал двери.

«Вот это помощник», — ошарашенно думала она, потому что в гости никого не хотела бы приглашать, тем более таких нахальных.

Первый урок следующего дня был в десятом классе, и практикантка перед звонком все пыталась придумать, как ей извиниться, не уронив учительского достоинства. Ничего не придумала, а потому сразу с порога выпалила:

— Ребята, как-то всё у меня вчера не так получилось. Хочу пригласить вас к себе в гости на чай. Правда, есть только сахар и печенье. Думаю, что это не так важно, как доброе отношение между нами. Как думаете?

Ученики молчали. Ни слова в ответ. С последней парты подал голос Любин:

— Странно как-то. На вечер вы уже в гости пригласили Старикова Петьку, а нам прийти до него или после?

— Кто вам такое сказал? — поперхнулась словами Елизавета.

— Вчера в клубе сам Петька хвастался.

— Его я точно не приглашала, — пришла в себя от удивления учительница, — а вот вы приходите, я вам про институт расскажу, только, чур, вначале уроки следуйте. Принимаете предложение?

— Принимаем... — затараторили девчонки, и класс повеселел.

Елизавета почувствовала, как тает вечерняя отчуждённость, как светлеют лица у ребят. На душе стало легко и весело.

Новокузнецк



## Владимир АГАФОНОВ

Агафонов Владимир Геннадьевич родился 15 декабря 1945 года в Хабаровске в семье военнослужащего. В 1967 году окончил Хабаровский политехнический институт по специальности «инженер-механик».

Работал в Прокопьевске на хозяйственной, комсомольской и партийной работе. В 1981 году был утверждён инструктором отдела транспорта и связи Кемеровского обкома КПСС. В 1984 году был назначен начальником Кемеровского пассажирского автопредприятия №1. В 1986-м переведён в распоряжение Министерства автотранспорта Узбекской ССР.

В 1999 году вернулся в Россию, был назначен начальником отдела машиностроения администрации Кемеровской области. После выхода в 2009 году на пенсию работал помощником депутата Государственной думы Фокина А.И. В настоящее время – ветеран труда, член совета ветеранов администрации правительства Кузбасса.

Автор-составитель сборника «Юность комсомольская моя» (2018г.). Посещает литературный клуб «Слово» города Кемерово, участник ежегодных творческих встреч «Поэзия Кузбасса. Живые голоса». Его стихи есть в коллективных сборниках «Это НАША Победа!» (2020г.), «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.), «Созвездие «Кузбасс» (2023г.). Автор биографической повести «На излучине» (2021г.). Отмечен правительственными, областными наградами, медалями и грамотами в честь юбилейных дат, благодарственными письмами.

### Мама

Агафоновой Тамаре Андреевне посвящается

Тогда война Россию сотрясала,  
Коверкая и души, и сердца.  
Ты с офицером молодым судьбу связала,  
Нам обрела фамилию отца.  
Мы в жизни много сами выбираем,  
Стремимся к счастью поскорей,  
Добро и Зло, порой не осознав, хватаем.  
Лишь Бог даёт нам матерей.  
Спасибо, Господи, что, радуя людей,  
Неся им справедливость и блаженство,  
Ты для меня войти в земную жизнь  
Определил такое Совершенство!  
Ведь нашу маму щедро снабдил Ты  
И женской нежностью, и лаской,  
Гармонией ума и внешней красоты,  
Чтоб наше детство было милой сказкой!  
Мне не забыть, как ненавязчиво и ровно  
Учила жить нас мама – весело и скромно.  
Как труд любить и избегать поступков низких,  
Стремиться первым быть всегда, но уважать  
друзей и близких.

Образ твой светлый, святая душа,  
С нами всегда без забвения,  
Мама, мы любим и помним тебя,  
Четыре живых поколения!

### На службе Отечеству

Вижу поле в окопах,  
Пушки хлопают «матом»...  
Это дед мой Иван на войне  
В тысяча девятьсот шестнадцатом!  
Четверть века всего пролетело,  
И отец мой, сжимая оружие,  
Встал навстречу гостям непрощенным,  
Показал им своё «радушие».  
А в сорок пятом он главный калибр корабля  
В упор на «квантунцев» направил  
И так поднажал, что без всяких условий  
Капитулировать их заставил!  
Мне не пришлось служить в наше время  
В частях высокого класса,  
Но постоять за родную страну был готов  
Как капитан запаса.  
Не надо нам провокаций чинить,  
Будет строго наказан виновник!  
На службе военной сегодня в строю  
Мой сын – подполковник!  
Пусть враг не мечтает о нашей Земле,  
Ему не взломать обороны.  
Есть кому верно служить стране,  
Защитников здесь – миллионы!

### Благодарность

Фуражка с кокардой и кортик морской,  
Уверенный взгляд из далёкого сорок четвёртого –  
Это на фото старинном отец мой родной  
С победным настроем характера твёрдого.

Их поколение смогло загасить  
жадности Запада пламя  
И над половиной Европы поднять  
советское Красное знамя!

Они защитили и нас, и детей, и внуков,  
и правнуков племя  
И повернули на пользу для всех двадцатого  
века время.

Вполне достижимыми были для нас:  
работа, семья и квартира.  
Впервые в истории стала страна  
второй экономикой мира!  
Они защитили стремительный взлёт  
Гагарина и Коралёва,  
Наш герб долетел до соседних  
планет, прославив Россию снова!

Они защитили большой интеллект,  
стоявший вокруг Курчатова,  
И удивили планету всю мирной работой Атома!  
Смогли мы тогда создавать вдалеке  
и города, и селения,  
А в Арктике полным хозяином был  
наш ледокол «Ленин»!

Нередко учёные после Победы у Нобеля  
премии брали,  
А наши тогда педагоги, врачи лучшими  
в мире стали.  
Культура цвела, фестивали и конкурсы  
часто взрывая,  
Росла молодёжь, весь спортивный  
Олимп мировой занимая!

Сегодня другие пришли времена, гордиться  
нам чем? Вот вопрос!  
На наших знамёнах писать  
имена из списка журнала «Форбс»?  
Или потомкам героев, разбивших  
фашистскую рать,  
Под треск модных шоу, огней и  
салютов радостно вымирать?

Но мы – оптимисты! Надеемся все,  
что скоро наследники наши  
Опять будут крепко стоять на ногах  
и сделают Родину краше!  
Трудом и старанием расцвет привлекут,  
без помех,  
И вновь станут лучшим примером для всех!

Спасибо за нужную службу!

### Ветеранам МВД

Нам жизненный путь даёт много дорог.  
То по земле, то по воде, а то и по воздуху  
мчимся на скорости.  
Уж с первых шагов нас влечёт за порог,  
Пока есть достаточно силы и бодрости!

Дороги для нас открывают мир добрых людей.  
Поездки порой интересны, полезны, прекрасны!  
Дают повидать даже дальних родных и друзей,  
Но всё же они и опасны!

А сколько людей погибает, вы знаете,  
Не сохранивши своей головы,  
От разгильдяйства на транспорте,  
От произвола бандитской братвы.

Отрадно, что всё же есть силы  
На службе защиты всех тех, кто в дороге,  
Готовые быстро хоть днём, хоть ночью  
Быть там, где нужно, как по тревоге!

Ваши заботы спасают жизнь многих людей.  
Спасибо за нужную трудную службу!  
Всегда вы в строю – пусть помнит злодей!  
А те, кто в пути, посылают  
для Вас  
своё уважение и дружбу!

### Тост ветеранов

За новогодним праздничным столом  
Нас, не похожих и по судьбам, и по нравам,  
Но вынесших крутой эпохи перелом,  
Собрал совет наш ветеранов.

На старте 21 век нам выплеснул свои невзгоды:  
Заброшены поля, разрушены заводы.  
Беснуются реформы с перестройкой,  
А люди – в горе шарят по помойкам.

Мы не могли за этим наблюдать  
как просто зрители.  
Всё стали делать, чтобы вновь  
порядки были строги:  
Чтобы работали шахтёры,  
металлурги и строители,  
Чтоб транспорт вовремя ходил  
и чистились дороги.

Чтобы в домах были тепло и свет,  
А кран давал прозрачную водичку.  
Без перебоев чтоб приём вели больницы,  
А дети в школах и садах росли,  
не опасаясь завтра,

Чтобы работали музеи и театры.  
Мы не жалели времени и силы  
И многое сумели, воскресили!  
Пока, конечно, далеко до рая,  
Но от стыда мы всё же не сгораем!  
Кто прав был, а кто нет – рассудит время.  
Мы честно вынесли всё это бремя  
И были вместе со своим народом!  
Вас поздравляю с Новым Годом!

### О смысле бытия

«Зачем мы так обильно Землю заселили,  
Вонзили корни вглубь и кроны распустили?»  
Вопросом этим, без сомнений,  
Не задаётся Мир растений.

И Фауну живую не смущает,  
Мораль и интеллект проблем не создаёт –  
«Зачем она планету заселяет?»,  
Животными инстинктами тот мир живёт.

И только Человек, но далеко не каждый,  
Из мозга хочет получить ответ,  
Понять желает истину однажды:  
Зачем пришёл он в этот свет?

Лишь «избранным», пришедшим в мир живой,  
Дана возможность обойти гориллу или гризли.

И глубже, чем приматы, осознать своей главой:  
Что «Хорошо», что «Плохо»  
есть в материальном  
и моральном смысле!

Проверив в ходе тысячи веков,  
Все наши чувства, наши мысли,  
От Бога Библия дала для нас  
Прекрасный, гармоничный образ жизни.

Однако этот уникальный феномен  
Среди соблазнов вседозволенной свободы  
Приемлем оказался многим, но, увы, не всем.  
К недоброму влечётся часть людей  
и даже целые народы.

По поведению, это – «Потребители»  
Всего, что создано не их трудами.  
В конечном счёте, это – «Разрушители»  
Цивилизаций, возникавших многими годами.

О смысле жизни  
«Разрушитель» не волнуется,  
Зато, влюбившись в сатану по гроб,  
Довольно быстро «компонутся»  
Вокруг правителей и царственных особ.  
Болтает языком о правоте своей,  
Чтоб верили мы все во все его религии,  
Что будет жизнь приятней, веселей,  
Но делом отрицает смысл  
и заповеди Библии.

Здесь царствует животный эгоизм,  
Повсюду ложь – оружие заострённое.  
Цветут бездонная корысть,  
тупой паразитизм  
Для процветания элиты изощённой.

Которая, сплотив свои шеренги,  
До бесконечности у власти быть мечтая,  
Не Дело делает, а Деньги,  
Себе карманы набивая.

Но человек разумный часто выше  
Корыстных, примитивных идеалов.  
Другого хочется его душе –  
Быть обладателем высоких нравов!

И землю украшать в приятном  
творческом труде,  
Семейных радостей быть обладателем,  
Жить в справедливости и доброте,  
Полезных дел быть начинателем!

При этом надо чётко осознать  
И выполнять советы, данные Создателем.  
И Заповеди Божьи соблюдать.  
И быть по Образу Его, конечно,  
«Созидателем».

Идя вперёд дороною земной  
От юности до тризны,  
Своею надо выбрать головой:  
В чём смысл твоей жизни.



## Юрий ГАМОВ

Капитан второго ранга Военно-Морского Флота в отставке, заместитель командира тяжёлого атомного ракетного подводного крейсера стратегического назначения «Акула» Юрий ГАМОВ служил на Северном флоте. После окончания школы поступил в Нахимовское училище в Ленинграде. Стихи начал писать ещё в самом начале службы. Уволившись с военной службы, вернулся в родной Новокузнецк, начал публиковаться в газетах «Горняцкая солидарность», «Усытская россыпь», в коллективных поэтических сборниках. В 2018 году вышел его первый стихотворный сборник «Незримые подводные дороги».

На стихи Юрия Николаевича написаны песни.

# Горсть земли Кузбасской на могилу солдата



Время – понятие не изученное до сегодняшнего дня. Мы знаем о нём всё и то же время не знаем ничего. Нет и очного определения времени. Его нельзя потрогать, но можно измерить. Иереем секундами, минутами, часами, одами, жизнями. Кому сколько отводится.

С древних времён философы спорили о природе времени, его влиянии на жизнь человека и общества. Луций Анней Сенека в трактате «Письма к Луцилию» писал: «Всё у нас, Луцилий, гужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала там во владение природа, но и его, кто очет, тот и отнимает».

Время всегда было дорогим, а для нынешних поколений оно ещё больше цодорожало. Однако человеку свойственно транжирить отведённый ему трезок временного пути по пустыкам.

Тикают часы... Уходит время... И важное в твоей жизни событие, которое только что случилось, уже через мгновение становится прошлым. Стирается память о нём. Это нормально. Нельзя и невозможно всё помнить.

Но, оказывается, есть такие вещи, которые забывать нельзя.

Мы не имеем на это право, потому что за ТВОЁ, МОЁ и НАШЕ сегодняшнее благополучие кто-то во время Великой Отечественной войны отдал самое дорогое, что у него было – время своей непрожитой жизни, СВОЮ ЖИЗНЬ.

В каких единицах измерить подвиг прошлых поколений и прошедших времён? Как отблагодарить? Что такое благодарность потомков?

Вопросов больше, чем ответов.

Время от времени вспыхивают споры: «А надо ли вспоминать войну?». Вбрасываются разноречивые утвержде-

ния о существовании вечных ценностей. Ставятся под сомнения время, память, честь, долг.

Время не лечит, оно притупляет боль. Уходит поколение покорёженное войной, познавшее горечь утрат, а следующая эпоха принадлежит молодым, не знавшим тягот войны. Недруги начинают подтачивать память, переписывать историю. И вот уже пишут, что американцы «разгромили» фашизм в Германии, взяли Берлин.

Сегодня фашизм набирает обороты, и главной опорой террористов и фашистов являются США. Наша страна проводит Специальную Военную Операцию, защищая жизнь мирных людей от коричневой чумы.

Мы в долгу перед теми, кто отдал свои жизни ради сохранения мирного неба над нашими головами. Чувство долга обязывает нас не забывать их подвиг во имя жизни. Почти в каждой современной семье помнят о дедах и прадедах, прошедших горнило военных сражений, погибших на поле брани. Это наши неизвестные и известные герои, подарившие нам мир ценой своей жизни.

На войне каждый день – подвиг. Один солдат прошёл всю Европу пешком и вернулся домой. Другой погиб в первый же день на фронте. У каждого свой отсчёт времени, и следует помнить не только о Героях Советского Союза или о великих полководцах.

Что мир знает о солдате, который погиб осенью 1944 года в Прибалтике? Почти ничего, только запись в потрепанной книге о безвозвратных потерях гласит, что Язвенко Павел Илларионович, старший сержант отдельного сапёрного батальона, погиб 11 сентября 1944 года, в могиле захоронен справа.

Павел Язвенко погиб за свою Родину, семью, за всех нас, за тебя и меня. До победы не дожидать восемь месяцев, чтобы мы жили, наши дети, внуки жили. За мирное небо над Родиной жизнь свою отдал. И это не патетика, а истинные чувства.

Я не был с ним знаком, нас не связывает ни дальнее, ни близкое родство. Просто мы с ним из одного города, сибирияки. Он из Сталинска, я из Новокузнецка. Мы – земляки!



И семья у него была. И провожали его на войну мать с молодой женой. И было ему 33 года. И сын у него был (как я потом выяснил).

Мой одноклассник по военно-морскому училищу Владимир П. (сегодня живёт в Севастополе) в 2020 году, узнав, что я собираюсь в Крым, в санаторий, рассказал мне такую историю.

После училища служил на Тихоокеанском флоте. Потом был переведён в Севастополь. В советское время он по архивам разыскал в одной из прибалтийских стран, а потом и навестил могилу своего дяди Александра Семёновича Захарова, который погиб в сентябре 1944 года, освобождая Латвийскую ССР от фашистов. В похоронке, которую получили родственники, было указано место захоронения – населённый



Александр Семёнович Захаров

пункт Брунава в Бауском крае Латвии (ударение на первую гласную), усадьба Данас. Рядом с могилой его дяди был похоронен боец советской армии старший сержант Язвенко Павел Илларио-

№ п/п	Фамилия Имя и отчество	Служба батальон	Военная Земля	Год рождения	Кем и где установлено	Кем и где установлено	№ п/п	Место погребения	Место нахождения памятника	Кем и где установлено	Дата установки	История погребения
25	Язвенко Александр Иванович	44-й стрелковый батальон	Саратов	1918	Курский фронт в районе Припяти	Ленинградский фронт в районе Припяти	№ 1	Рядом с деревней Савинское	Вдоль дороги в лесу	Саратовская область	1998	Установлен в 1998 году в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне
26	Язвенко Павел Илларионович	44-й стрелковый батальон	Саратов	1918	Курский фронт в районе Припяти	Ленинградский фронт в районе Припяти	№ 2	Рядом с деревней Савинское	Вдоль дороги в лесу	Саратовская область	1998	Установлен в 1998 году в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне
27	Язвенко Владимир Иванович	44-й стрелковый батальон	Саратов	1918	Курский фронт в районе Припяти	Ленинградский фронт в районе Припяти	№ 3	Рядом с деревней Савинское	Вдоль дороги в лесу	Саратовская область	1998	Установлен в 1998 году в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне
28	Язвенко Александр Иванович	44-й стрелковый батальон	Саратов	1918	Курский фронт в районе Припяти	Ленинградский фронт в районе Припяти	№ 4	Рядом с деревней Савинское	Вдоль дороги в лесу	Саратовская область	1998	Установлен в 1998 году в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне

Журнал безвозвратных потерь

нович. Служили они вместе в 44-м отдельном сапёрном батальоне 51-й стрелковой Витебской Краснознамённой дивизии. Погибли в один день и похоронены рядом.

Товарищ мой человек ответственный, творческий. Покопался в архивах и нашёл некоторые сведения о погибшем: Язвенко Павел Илларионович был призван 9 сентября 1941 года из города Сталинска Новосибирской области. Так до 1962 года назывался Новокузнецк Кемеровской области-Кузбасса. Могилка была не ухожена. Владимир привёл её в порядок, а мне предложил разыскать родственников погибшего солдата: вдруг кто-то жив. «Может, хоть фотокарточка какая-нибудь сохранилась, тогда и памятник оборудуем».

Святое дело!

Времени до поездки у меня немного оставалось. Приступил я к поискам в Новокузнецке. С чего начать?

Обратился в военкомат. Помогли. Предоставили выписку со сведениями. От том, что Язвенко Павел Илларионович 1908 года рождения погиб, о том, что жена погибшего воина проживала в городе Сталинске на улице Социалистической, дом 68. Звали её Язвенко Ульяна Никитовна.

Обратился к нашим поисковикам, Силакову А.Н. Большую работу они проводят. Сам видел те военные «трофеи», которые наш новокузнецкий поисковый отряд из поездок привозил. Был там и солдатский медальон. И кубари из петлицы офицера-красноармейца, и другие интересные находки.

Узнал через административные органы, что улица Социалистическая, дом 68, находилась в районе ДОЗа (деревобрабатывающего завода). Дома с таким адресом уже нет. А на этом месте построен торгово-развлекательный комплекс «Планета».

Обращался в органы соцзащиты. Обратился в ЗАГС. Думаю, хотя бы свидетельство о смерти найти помогут. Результатов — ноль. Обращался в паспортный стол. Нет результатов.

Люди везде разные. По-разному встречали. Одни с пониманием и сочувствием, жалели, что не в состоянии помочь доброму делу, другие формально, как и положено чиновнику. Но не об этом сейчас речь.

Рассказал эту историю своему хорошему знакомому предпринимателю, бизнесмену Александру Михайловичу Л. Человек он неравнодушный, проникся идеей. И через его знакомых в полиции разыскали мы кое-что.

Выяснили, что в 1930 году 19 апреля родился в нашем городе Язвенко Николай Павлович. Похоже, что это сын погибшего воина.

Ну вот, кажется, нашли. И адрес проживания есть: проспект Октябрьский, 27, и квартира указана. Чуть больше месяца на поиски у меня ушло. Остаётся сходить по указанному адресу и познакомиться. Но...

Листок, на котором был указан адрес, это была выписка из документа выдачи свидетельства о смерти за 21 сентября 2016 года. А старший сержант Павел Язвенко тоже в сентябре погиб, 11.09.1944 года. Ну, да ладно. Всё равно, думаю, надо бы по адресу сходить. Может, внуки солдата погибшего живы. А там, глядишь, и фото какое-нибудь сохранилось.

Были уже первые мартовские деньки 2020 года. На встречу пошли вместе с женой. Около дома по указанному адресу встретились со старшей дома (председателем совета многоквартирного дома). От неё узнали, что проживал такой мужчина по этому адресу. Работал на металлургическом предприятии нашего города. Состарился. Семьи у него в последние годы не было. Приезжала какая-то родственница из-под Новосибирска. (А ведь Язвенко П.И.

родился в деревне Мало-Енисейск Душинского района Новосибирской области, так записано в документах военкомата).

Потом квартира по закону досталась соседям. А что касается личных вещей, документов и фотографий, так всё на мусор и вынесли...

На следующий день была по-весеннему тёплая погода. Солнце светило ярко. Небо было синее и безоблачное. Снег и лёд после полудня уже подтаивали и превращались в водяные ручейки и лужицы. Мелкими островками на проезжей части и пешеходных дорожках начал появляться подсыхающий на солнце асфальт. Стали громче слышны птичьего голоса. В Новокузнецк прорывалась весна, хотя временами зима всё ещё пыталась подбросить мягкого снежка и залепить лобовые стёкла автомобилей. Жизнь продолжалась.

Пришли мы вдвоём с женой к Вечному огню на бульваре Героев, почтили молчалим память солдат, отдавших свои жизни за то, чтобы жизнь на их Родине продолжалась.

Я захватил из дома маленькую чистую баночку из-под мёда. В нескольких шагах от Вечного огня, ближе к зданию бывшего кинотеатра «Сибирь», земля на клумбе оттаяла. Я набрал в баночку горсть земли сибирской для могилы солдата Язвенко Павла Илларионовича. И в Севастополе передал эту «капсулу памяти» своему другу Владимиру, который собирался летом съез-

дить в Прибалтику. Но... Не получилось ему посетить Латвию. Пока у нас не случилось... Ковид-19. Пандемия. Международная обстановка. Прибалтика стала недосягаемой.

А мы с другом думали, что целую акцию проведём, и массово её организовать силы бы хватило. Не ради славы, а ради детей наших, чтобы помнили. Даже название придумали: «Горсть родной земли на могилу солдата».

Что мы в сложившейся ситуации могли ещё сделать? А что сегодня можно сделать? Хотя бы в границах России. Сколько ребят из Сибири в Великую Отечественную полетело в боях за Родину в европейской части страны! И в Курской битве участвовали, и в Подмоскovie, и под Ленинградом, и на Кольском полуострове, да везде сибиряки сражались.

Положить горсть родной земли на могилу солдата — это дань уважения к подвигу советских воинов, сложивших свои головы за нашу свободу, улыбки детей, за независимость.

Я обращаюсь к людям неравнодушным, к землякам, к сибирякам: это возможно, и в наших силах найти могилу погибшего родственника-воина, отвезти или переслать через поисковые отряды горсть родной земли.

Великая Отечественная война — история не только государства, но и история семьи, гордость, память и честь, позволяющая детям и внукам знать о подвиге предков.

Сегодня наши ребята воюют с возродившимся в Европе фашизмом. Европейские деятели организовали настоящую борьбу с народной памятью. Сносят монументы и памятники советским воинам-освободителям. Наслаждаются переписыванием истории, переворачивая события с ног на голову. Пытаются не только оправдать, но и повторить преступления фашизма.

Мы верим, что победа будет за нами. И воины наши должны знать, что подвиг их не вычеркнут из истории. Что Родина их не забудет.

Для чего я написал этот рассказ?

Хочется сказать то, что не услышал солдат перед гибелью, когда шёл в бой. Поклониться от лица сегодняшнего поколения и произнести сокровенные и такие простые слова: «Спасибо тебе, солдат! Твоя гибель была не напрасной!»

Время неумолимо движется вперёд, кого-то оставляя в прошлом, для кого-то расцветая добрым будущим, и только здесь и сейчас время даёт оценку человеку: «Кто ты есть на земле — хозяин или временщик непомнящий?»

Я верю, что у нас и наших детей будет время привезти горсть Сибирской земли на могилы тех воинов, что отдали жизни, защищая родную землю от фашистской нечисти. Ведь практически советские солдаты защищали от коричневой чумы всю планету Земля! И павшие в этих боях достойны уважения потомков и вечной памяти!

СПАСИБО ТЕБЕ СОЛДАТ!





### Добей фашизм!

На войне правды нет, справедливости нет.  
Каждый воин хотел бы увидеть рассвет.  
Каждый верит, что пуля его не найдёт.  
Но сегодня — вперёд! Нужно только вперёд!

Думать некогда, будешь потом вспоминать  
Первый бой свой, где ты не хотел убивать.  
Только в руки пришлось тебе брать автомат.  
Ты сегодня солдат! Ты — защитник, солдат!

Защити свою Родину, мать и детей  
От того, кто наелся нацистских идей,  
От того, кто пришёл разрушать города,  
Кто решил, что рабами мы будем всегда.

Разговоров не будет. Не слышат враги.  
Только ты победи и себя сбереги.  
Силы хватят. Добей этот грязный фашизм.  
За планету людей! За счастливую жизнь!  
21.11.2023 г.

### Атомная, ракетная подводная лодка

Наша лодка — пружина войны.  
И, казалось бы, всё предусмотрено:  
Будет точен удар с глубины,  
Будет взорвано всё и потоплено.

Никаких человеческих чувств.  
Не до лирики сердцу железному.  
Смертоносный возмездия груз  
Мы катаем над чёрною бездною.

А гражданские нас не поймут.  
Да какая здесь к чёрту романтика.  
Мы живём в мире замкнутых труб,  
И командует всем автоматика.

Только колет иголкой мысль,  
Как почётная миссия вычурно:  
На Земле мы затем родились,  
Чтобы жизнь продолжать, а не вычеркнуть.

И под толщей холодной воды,  
Чтоб сдержать катастрофу ракетную,  
Держим крепче пружину войны,  
От войны сберегаем планету мы.  
30.10.2023 г.

### Морской характер

На море не бывает лёгкой службы.  
Испытывает море корабли  
И людям выворачивает души  
За много миль от матушки-Земли.  
Людей на прочность море проверяет,  
На верность проверяет их сердца.  
И кто служил на флоте, точно знает,  
Морской характер честен до конца.  
Те, кто в штормах ветрами просолился,  
Смотрел на небо, как в последний раз.  
«Кто в море не был, богу не молился» —  
Такая поговорка есть у нас.  
28.07.2023 г.

### Танк «Т-34»

Танк молчит. Он бы многое мог рассказать,  
Как собою в бою прикрывал он пехоту,  
Чтоб дожидаться могла постаревшая мать  
Хоть кого-то из той несгибаемой роты.

Видел танк, как по минным полям перед ним  
Продвигались сапёры по краешку жизни.  
Как всплакнул командир над мальчишкой седым,  
Награждая медалью героя Отчизны.

Танк не раз рисковал. Он умел рисковать.  
Он в атаку летел словно дикая птица.  
Знал, что шепчет молитвы солдатская мать,  
Но не думал в бою, как домой возвратиться.

У войны не случается лёгких дорог,  
Он к себе и к другим относился сурово.  
Танк молчит. Рассказать бы он многое мог.  
Но молчанье его стоит больше, чем слово.

Лязг металла не слышат колёса давно,  
И на башне закраснены старые раны.

Пусть война для людей будет только в кино,  
Пусть во снах не тревожит она ветеранов.  
7.03.2023 г.

### Гражданская

Обрывки сна, какая-то погоня,  
Неуловимый мститель на коне...  
Стреляют, догоняют... Не догонят!  
Как хорошо, что это лишь во сне.

Гражданская идёт, неразбериха  
На карте польхающей страны.  
И рубят сабли яростно и лихо  
Своих, чужих... поймём после войны.

Стучат копыта телеграфной правды.  
Расстрелян агитатор, значит, враг.  
Тачанку с пулемётами АНТАНТЫ  
Бросает время под откос в овраг.

И этот бег сквозь огненные реки.  
Там тиф и голод, редкий киняток.  
Там красный крест, там ружья и калек  
И белый милосердия платок.

Там красное и белое столкнулось.  
В одном котле и кровь, и молоко.  
Смешалось всё и вдруг перевернулось,  
В пожарище войны перетекло.

«Буржуев и помещиков не будет!»  
Матрос — рабочий, от сохи солдат.  
«Расстреливать! А время нас рассудит!»  
Брат — брата! И никто не виноват...

Сегодня до конца не понимают,  
Кто был предатель там, а кто герой.  
Но только это время называют  
Большой братоубийственной войной.

Ломая жизни многих поколений,  
Жестокость, возведённая в абсурд,  
Мозги прожгла словами «Царь» и «Ленин».  
Где правда? За кого народный суд?  
10.03.2021 г.

### Санитарные вагоны

Под луной блестят сугробы.  
Паровозный дым с золой.  
Санитарные вагоны  
Между небом и землёй.

Полустанки без перронов.  
Белый круг, да красный крест.  
Невзирая на погоны,  
Нет внутри свободных мест.

«Из-под пуль тащили долго,  
Много крови потерял».  
Ты для доктора и бога  
Как рабочий материал.  
«Весь напищенный металлом».  
Скальпель нужен и зажим.  
«Потерпи, дружок, — сказал он, —  
Если больно, значит жив».

Очень доктор постарался,  
Сделал всё, что только смог.  
Но ведь он всего лишь доктор,  
Только доктор, а не бог.

А потом домой вернёшься.  
Ничего, что инвалид.  
«Жаль, что правую отняли,  
По ночам она болит».

Ты научишься креститься  
Только левою рукой.  
А ночами будет снится  
Тот неравный, страшный бой.

Пустотой война калечит,  
Это скажет вам любой.  
Душу война излечит  
Лишь молитва да любовь.

Милосердия составы  
Ждут в тылу давным-давно.

Но счастливые финалы  
Только в сказках да в кино.

Проскочить бы до рассвета.  
Словно ангелы с небес;  
Возвращались с того света  
Паровоз да красный крест.

Под луной блестят сугробы.  
Паровозный дым с золой.  
Санитарные вагоны  
Между небом и землёй.  
06.12.2023 г.

### Живая Земля

Не предупредил никто деревья,  
Что в лесу начнётся артобстрел.  
И стволы, как колокол, звенели,  
Уклоняясь от смертельных стрел.

Лес шумел. Берёзы и осины  
Не способны были убежать.  
Как траву, снаряды их косили.  
Оставалось падать и лежать.

С корнем выворачивало ели.  
И летели щепки по кустам.  
Птиц не слышно, птицы улетели.  
Только люди оставались там.

Что вы там не поделили, люди?  
Жизнь убить — как поле перейти.  
Ваша сила вас самих погубит.  
Мирный путь не можете найти?

Нужно сильным быть, чтобы не драться.  
Бог вам дал язык, чтоб говорить,  
Разум, чтоб объединились в братство,  
Сообща планету сохранить.

Мы несёмся в космосе бездонном.  
Шелестят листвою дерева.  
Землю, что назвали общим домом  
Нам делить нельзя, она жива.  
10.01.2024 г.

### Русский воин

Откуда вдруг пришли стихи  
Всё о войне, да поле боя.  
И сколько глобус ни крути,  
А в центре снова русский воин.

Ну от чего ему опять  
Приходится спасать Планету?  
Встаёт на бой святая рать  
Призвать обидчиков к ответу.

Он в драку лезет за друзей,  
Забыв о том, что третий лишний.  
Характер русский, хоть убей,  
За справедливость этой жизни.

Наш воин слабых защитит,  
В беде соседям помогает.  
Так мать его учила жить!  
Чужого горя не бывает!  
11.03.2023 г.

### Время

Мы со временем жизни азартно играем в игру,  
Хоть мы даже не знаем, отпущено сколько кому.  
Но и выиграв время, с годами мы будем стареть,  
А ведь главное, чтоб, уходя, ни о чём не жалеть.  
11.02.2019 г.

### Берег Родины

Мы бежим из России в Россию,  
А в глазах одиночества страх.  
И вот кажется, кончатся силы,  
Как завод на карманных часах.

Путь далёк за моря и за реки,  
Затеряться в пустынной тиши.  
Будут турки, французы и греки,  
Но не будет вокруг ни души.

Будет память тревожить ночами

И кабацкой гитарой звенеть.  
Вновь захочется в детство и к маме,  
Вновь захочется плакать и петь.

Словно грозди рябиновых ягод  
Запеклась в нашей памяти кровь,  
Вкус зелёных антоновских яблок,  
Белый снег и большая любовь.

Запах ёлки в ночи новогодней,  
Колокольчиков звонкая нить.  
Всё, что есть, мы готовы сегодня  
Всё отдать, чтобы их возвратить.

Долететь, доползти, поклониться,  
Всех простить и оттаять душой.  
На чужбине всегда будет снится  
Берег Родины, берег родной.  
10.03.2021 г.

### Казачий класс

(Егору — выпускнику казачьего класса)

Казачий класс нас в первый раз  
Поставил в строй, отдал приказ,  
Нас научил основам жизни.  
Любить свой дом, любить Отчизну.  
Быть верным другом для друзей  
И уважать учителей.

И даже за порогом школы,  
Когда возникнут в жизни споры,  
Мы повторяем как уроки  
Казачьих заповедей строки.

Учитель, первый в жизни нашей,  
Вы видите, мы стали старше.  
Мы на глазах у вас возросли,  
Серьёзней стали наши цели.

Вы научили нас учиться,  
Чтоб в жизни многого добиться.  
Частичку сердца в нас вложили,  
И где бы мы потом ни жили,  
Мы обещаем так трудиться,  
Чтоб нами Вы могли гордиться.  
05.2023 г.

### День

#### Военно-Морского Флота

Страна гордится флотом не напрасно,  
Здесь мощь и сила, красота и блеск.  
В глубины он уходит безопасно  
И крылья простирает до небес.

Здесь служат люди, преданные делу,  
С времён Петровских и до наших дней,  
В морских сраженьях с доблестью и смело  
Шли на защиту Родины своей.

Не властны над традициями годы.  
Наш атомный ракетноносный флот —  
Защитник мира, он гарант свободы.  
Наш флот свою стражу не подведёт!  
28.07.2023 г.

#### Не показывать боли врагу

Я всего лишь смотрю телевизор,  
Перепишу с друзьями весть.  
На войне не потребуют визу.  
Можно дома дожидаться войны.

Не совсем доверяю докладам  
Об успехах в боях каждый день.  
Понимаю, сегодня так надо,  
Наводить эту тень на плетень.

Это тоже эффект маскировки,  
Не показывать боли врагу.  
Может, я в выраженьях неловкий,  
Только вот говорю, как могу.

Сквозь года я призываю этот визгу,  
Что в опасности Родина-Мать.  
Я всем сердцем войну ненавижу,  
Потому и готов воевать.  
23.01.2023 г.



## Анатолий БУГАЕЦ

Бугаец Анатолий Макарович, ветеран МВД, полковник милиции в отставке. Родился 6 июня 1948 года в городе Синельниково Днепропетровской области. В 1975 году окончил Харьковский юридический институт по специальности «юрист-правовед». В 1991 году окончил Академию МВД СССР (Москва) по специальности «юрист-организатор управления».

Лауреат премии Кузбасса, номинант и победитель литературной премии «Георгиевская лента» (2020г., 2021г.), член Союза кузбасских писателей с 2006 года. Автор книг «Война не окончена», «Чечня невооружённым взглядом», «Милосердие любви», в соавторстве – «На страже экономической безопасности железных дорог России». Его стихи – в сборниках «Это НАША Победа!», «Антология самобытной поэзии Кузбасса», в книге «Время, события, люди», Всероссийском альманахе «Георгиевская лента», его работы – в журналах МВД России «Ветеран МВД» и «Правопорядок на транспорте». Награждён дипломом Всероссийского патриотического фестиваля «Живая Память» в номинации «Автор» (стихи и песни), почётными грамотами и дипломами МВД РФ, ГУВД на транспорте МВД РФ, управления на транспорте МВД России по Сибирскому федеральному округу, ведомственными и областными наградами, наградами МПС СССР и Министерства транспорта РФ, знаками «Почётный сотрудник МВД России», «Почётный железнодорожник» и другими. Награждён Российским союзом писателей медалью «Георгиевская Лента. 250 лет». Председатель общественного совета при Кузбасском линейном управлении МВД РФ по Сибирскому федеральному округу.



### Берёзы России

Я из поколения послевоенных детей... Женщины страны, потерявшей на войне миллионы защитников – мужчин, женщин, вчерашних школьников, в те, первые годы после Великой Победы, жадно рожали детей, словно старались наверстать годы, проведённые без своих любимых, и восполнить страшные потери в жестокой войне.

Наша многодетная и дружная семья жила в небольшом провинциальном городке, разрушенном артобстрелами и авиабомбами.

У меня было много ровесников, таких же пацанов, бегавших целыми днями с ранней весны до глубокой осени босиком по улицам. Мы обследовали все руины разрушенных домов в округе. Потом облазили за городом полуразрушенные блиндажи и окопы, играли гильзами, патронами, и не только.

Тем летом я готовился пойти в первый класс. А мама собралась съездить в Курскую область, где родилась и откуда в годовалом возрасте в 1910 году её перевезли в далёкую Сибирь в составе большой крестьянской семьи по Столыпинской реформе на новые земли.

Я напросился в поездку. Ведь появилась удачная возможность повидать новые места.

Мы ехали всю ночь, а наутро вышли из поезда на какой-то маленькой станции.

Нам показали нужную просёлочную дорогу. Мы долго шли по ней через перелески, вдоль лугов и полей. И, наконец, остановились, пораженные открывшейся перед нами красотой.

Впереди было залитое солнцем синее-пресинее поле, поросшее васильками. Чуть в стороне белел, словно висел в прозрачном воздухе, берёзовый перелесок. А ближе к дороге, чуть наклонившись, стояло большое раскидистое дерево с необычной кроной и опущенными почти до земли ветвями.

– Мам, а почему оно такое?! – удивился я.

– Это берёза. Плакучая... Пойдём к ней, посидим, перекусим.

Чем ближе мы подходили к той берёзе, тем виднее становились раны на её теле.

– Она от боли плачет? – не отставал я.

Прямо под берёзой оказался небольшой холмик, поросший травой. А на нём стоял скромный, видимо, самодельный деревянный обелиск с табличкой, на которой неровно, вылинявшей от времени краской, было что-то написано. Я уже давно научился читать. Поэтому прочёл вслух: «Им не вернуться с войны»... Мама одной рукой обняла искалеченный, израненный ствол берёзы, другой рукой обняла меня...

Мама плакала... Слёзы скатывались с её лица и падали на меня... Я не понимал, почему моя мама, всегда такая весёлая и неугомонная, заливаётся горькими слезами... Обняв её колени, я заплакал тоже от этой непонятности...

Мама раньше говорила мне всегда, что мужчины не плачут... Но я заплакал... Заревел...

Так мы и плакали: плакучая берёза, женщина и мальчонка...

Не помню, сколько мы стояли под берёзой в слезах. Помню хорошо уже потом, что мы очистили от сорной травы тот могильный холмик. Нарвали и положили на него большой букет васильков.

Мама сказала, что эти цветы, как глаза похороненных у берёзы солдат... Ни я, ни она не могли знать, сколько их там захоронено. Но мы знали, что они погибли за Победу! За нашу Великую Победу в той страшной войне! Есть нам расхотелось.

Свою нехитрую снедь мы разложили на том могильном холмике. Мама сказала, что её склюют птички, и они передадут людской привет погибшим бойцам... Прямо от той берёзы мы вернулись на стан-

цию, долго, обнявшись, сидели с мамой в ожидании поезда, и на другой день вернулись домой.

Мама потом так и не побывала в той деревне, где родилась, как и многие её родственники. Не потому, что не хотела. Просто её сердце могло не выдержать такой встречи. Уже много позже я узнал, что в родных маминых местах в годы войны гремели жестокие бои с невиданным в мировой истории применением техники. Знаменитая Курская битва...

Я навсегда запомнил ту искалеченную, старую плакучую берёзу, ветви которой укрывали, словно оберегая, безвестную солдатскую могилу... Одну из тысяч...

Сколько их, таких известных и неизвестных затерянных могил, в которых до сих пор может покоиться скорбный прах Советских Воинов, павших в жестоких и кровопролитных боях... Заслонивших собой страну... Которым не было суждено вернуться с войны...

Я прожил уже достаточно долгую жизнь. И по свету покочесил немало. Но куда бы меня ни заносило, я всегда искал взглядом берёзы. Простые российские берёзы. Символ страны, её красоту, чистоту, нежность...

И Память... Нашу Святую и Священную Память о тех, кто так и не вернулся с войны... Великой Отечественной войны... Эти стихотворные строки – моё напоминание о ней! О войне... О павших... О тех, которые очень ждали их возвращения с войны...

И о моей маме, по жизни которой война прошла своим страшным, трагическим молохом и тяжелейшими потерями...

А она так любила берёзы... Обычные и плакучие... Но после той, памятной мне поездки, я больше никогда не видел её слёз... Думаю, что именно тогда вылились все её печальные и чистые слёзы... Слёзы мамы под белой плакучей берёзой... Русской берёзой...

### Слава народа

Праздник в твоём городке  
И в шахтёрской Кузбасской столице,  
Всюду улыбки, смех  
И счастливые лица!  
Праздничный наряд  
На вышедших из лавы,  
На их груди горят  
Знаки «Шахтёрской Славы»!  
Доблестным трудом,  
Мозолистыми руками,  
Тяжёлым шахтёрским днём,  
Бессонными ночами,  
Чтоб людям добыть тепло,  
Под землю они уходили,  
Геройским своим трудом  
Знаки наград заслужили!  
...Когда-то в час роковой  
Деды на фронт уходили,  
Жёны, дочери, внуки и сыновья  
В шахтах их сменили.  
В тяжких кровавых боях  
Жизни деды теряли,  
Вы шли в забой, как в бой,  
Уголь стране добывали!  
...С войны не вернулся дед,  
На него похоронку прислали,  
Орден Солдатской Славы  
И боевые медали...  
Как будто Икону Святую  
В доме деда портрет хранят,  
И на Георгиевской Ленте  
Награды Героя блестят...  
А рядом, как Воину Память,  
Свеча, ольваая, горит,  
На близких с гордой печалью  
С портрета Солдат глядит,  
Словно подземную видит лаву  
И мирный ваш Доблестный Труд,  
Внуков «Шахтёрскую Славу»,  
И потомков, собравшихся тут...  
Чтобы Память почтить Героя,  
С ним рядом без слов постоять,  
Молча ему поклониться,  
Обнять неутешную бабушку-мать...  
А потом, в День Великой Победы,  
В колонне портрет его понесут,  
Кавалера Солдатской Славы  
Потомки с «Шахтёрскою Славою»  
за доблестный труд!  
...Пусть запомнят враги-супостаты,  
Навечно возьмут себе в толк:  
В России все люди Герои, Солдаты,  
Единый, могучий «Безсмертный\* Полк»!  
...Сегодня Праздник в твоём городке,  
И в чудесной шахтёрской столице  
Не забудь до Земли поклониться Дедам своим,  
С любовью взглядишь в их вечно живые  
прекрасные лица!



## Виктор Давыдов

Виктор Иванович Давыдов родился 20 апреля 1939 года – коренной прокопчанин. Почти сорок лет своей жизни отдал предприятиям угольной промышленности Прокопьевска. Выйдя на пенсию, работал около 30 лет тренером по шахматам в «ДЮСШ №2». Автор книг: «Шахта «Центральная» (3-3 бис)», «Открытчики – покорители недр», «Иван Борисов – первый стахановец Кузбасса», «Там целый город под землёй», «Единый коллектив», «Калейдоскоп жизни Павла Ярового», «Шахтёрские истории»; соавтор книг: «Шахтёры», «Жемчужина России», «Шахтёрские бригадиры Кузбасса» и др. Является кавалером знака «Шахтёрская слава» III степени, удостоен звания «Ударник коммунистического труда», награждён медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро». Лауреат звания «Человек года – 2003» города Прокопьевска.

Член «Союза журналистов России» с октября 1986 года.

# Пятиактавное пианино

усиливать свои скрытые резервы?

Вроде бы на жизнь свою Петру Макаровичу было грех жаловаться, на хлеб-соль всегда зарабатывал достаточно благодаря своему неустанному труду. Не обходили его вниманием на художественных городских выставках: его работы неизменно вызвали восхищение посетителей.

Но всё же думается, каким же напряжением физических и духовных сил приходилось добиваться относительного благополучия инвалиду войны?

Мне очень жаль, что не довелось увидеть то пианино, которое делал этот умелец целых шесть лет, играл на нём в течение пятнадцати лет, а потом... сломал. Вынужден был сломать из-за стеснённых жилищных условий – не помещалось в квартире, а в неотапливаемой пристройке от мороза механизм расстраивался и портился.

Придёт же когда-нибудь такое время, когда для одарённых людей будут создаваться условия, чтобы ничто не мешало их творчеству...

– Не знаю, чем и объяснить, а трудовая сноровка появилась у меня ещё в детстве, – начал свое долгое повествование Петр Макарович. – Начал помогать я своей семье в пропитании с двенадцати лет. Жизнь заставила или у меня такой талант на изобретательскую деятельность природой дан...

Отец умер от тифа, тифом болели мать и две сестрочки. А мы с дедом не болели. Семян не было – продрозверстка из амбаров всё выгребла. И как уж я сообразил – иголки для шитья делать? Попробовал как-то, нашёл подходящую проволоку и заточил кирпичом как наждаком. Показал деду, тот одобрительно погладил по голове. Ну, я и начал трудиться. Наделал их полный спичечный коробок и пошёл по домам меняться.

Жили мы в деревне Буланиха Алтайского края. Большое село, около двух тысяч домов. Ушёл я в дальний конец деревни, где меня почти не знают. Подошёл к одной ограде, стучусь. Выходит тётка:

– Нечего подавать! Много вас ходит!

– Да я не милостыню пришёл просить, я иголки продаю.

Она как всплеснёт руками:

– Иголки!

Сами понимаете, в деревне рукодельницам-бабам без иголок просто беда. Кликнула соседок. Обступили меня, хвалят товар. Насыпали мне зерна за

иголки. Еле ташу. И вот этой кашей в ту голодную зиму прокормился.

В 22-м году мода пошла на чёрные рубахи с большими перламутровыми пуговицами. Так я эти самые пуговицы наловчился из ракушек делать. До того освоил это производство – до сотни пуговиц в день!

А вскорости мы перебрались в село Кыргай. Стали осваиваться на новом месте. Старший-то брат с соседом в поле трудятся, по весне пашут землю. А я с дедом, мне ещё только 15 лет исполнилось, дома сидим. Дед ворчит на меня:

– Чего зря дома сидеть, шёл бы в работники!

А я не хотел в работники идти, потому что, как это глупо ни выглядит, очень грозно боялся. Этот детский страх старательно скрывал от родителей. Мне всё казалось, только выйду на улицу, начнётся гроза и молния попадёт именно в меня!

Однажды, пересилив глупый страх, зашёл к своему приятелю в гости. А его отец, инвалид гражданской войны, предлагает:

– Иди ко мне в работники, за весну два мешка ржи заработаешь!

Я над его предложением размышляю, а у самого мысли в другую сторону идут! Дело в том, что этот мужик сокрушается о том, что нет у него пестерков. Дрожки есть, а пестерков нет. Чтоб вам понятнее было, поясню: пестерки, это вроде кузова, сплетённого из прутьев, который ставится на телегу – дрожки.

И вижу я, у этого хозяина в амбаре дыра, через которую видны обломки старых пестерков. И смекнул про себя: вот чем мне надобно заниматься! Делать пестерки!

Надо признать, да этого и не скроешь, человек я неграмотный. Хотя и отчислили меня из школы за грамотность. Вот ведь как получается, кого-то отчисляют за неграмотность, а меня вот, так уж получилось, за «шибкую» грамотность!

Вот как это получилось. Прислали к нам в деревню Кыргай в 1922 году ликвидатора неграмотности. А никто из молодежи не идёт на занятия, потому что у нас свои заботы. Девки каждый вечер берут свои кудельки и идут на посиделки: сегодня к одной девчонке, завтра к другой, по очереди.

До пятнадцати девчат собиралось в одну хату. А мы, ребята, стоим за порогом, сказки потихоньку рассказываем.

И нам нисколько не скучно, ни о каком образовании мысли не появляются.

Но вот в одно время сидим мы на вечерке, как заходят и председатель колхоза, и милиционер:

– Ну что, дорогие товарищи! Ребята и девчата, – обращается к нам, – соберите свои кудельки и пошли в школу!

Вот так, под арестом, мы и пришли в школу! Давалась мне, двадцатилетнему парню, грамота довольно быстро. Сам не знаю, откуда, а я уже все буквы знал. И вскорости почувствовал, что ликвидатор знает немногим больше меня. А то, что он нам показывал: как буквы складывать, решать примеры, я всё это с первого раза усваиваю. Пока он пример пишет, я уже решение знаю.

Через семнадцать дней признаёт он меня грамотным и говорит: «Ты больше в школу не ходи! Ты свою безграмотность ликвидировал!».

И меня исключили с занятий. Что делать? Девки все и ровесники в школе, один я не при деле!

И надумал жениться. Уговорил свою Романовну, и так с тех пор, с 1929 года, и живём вместе!

Жили мы с братом одной большой семьей. Восемь человек и дед с нами. Хозяйство приличное, своим трудом завели корову, четыре рабочих коня и два подростка, жеребёночка, значит, и другую живность. Приобрели свою молотилку, веялку, имели свой посев до восьми гектаров.

Весной, после гражданской войны, уехали в тайгу. Там лесничий отвёл нам делянку, и стали мы с братом лес на дом заготавливать. Старый-то становился для нашей семьи тесноват. За лето заготовили 130 хлыстов, а осенью свозили в штабеля. Заготовили лес на хороший крестовый дом. Крестовым домом называется хата из четырех комнат. Только строить не довелось.

Весной 1930-го началась коллективизация, и наш лес свезли в колхоз. Сдали мы лошадей и коров. И весь инвентарь забрали. Оставили нам только десять из двадцати овец.

Брат вступил в колхоз, а я не захотел. Устроился работать ветеринарным санитаром. Вдвоём с ветеринарным врачом обслуживали несколько сельсоветов: Красулино, Котино, Соколово, Большую Талду, Карат, Терентьевск, Кыргай. В каждом сельсовете множество деревень-колхозов. Работали, как на себя, с утра и до позднего вечера. Ох, и работы было! Не то, что



сейчас наступили времена: нормированный день, в каждом колхозе свои ветеринарные врачи.

Дважды в контролируемом нами районе эпизоотия (эпидемия, значит) приключалась.

В первый раз до падежа не допустили. Когда выявили сибирскую язву, то управились своевременно, сделали прививки.

А в другой раз случилась «повалка», это когда скотина стала в массовом порядке гибнуть от воспаления лёгких. Очень заразная болезнь, быстро передаётся. А причиной послужило то, что при организации товарно-молочных ферм сгоняли скот из разных хозяйств, и из Монголии пригнали. Среди них попадались и заражённые.

Мы при первых же случаях падежа сделали анализ, установили: сибирская язва. Что мы могли сделать? В нашем распоряжении сыворотки было всего на сто голов, а требовалось как минимум на 700 голов. Падеж продолжался. Единственное, что могли сделать, так это для предупреждения распространения болезни уничтожить всех заражённых.

В тот раз пало около сотни голов. нас арестовали: меня с ветеринарным врачом, председателя колхоза и ещё несколько человек. За подрывную деятельность.

Продержав десять дней в тюрьме, выпустили меня под подписку. Следователь пожалел, всего 23 года мне было, и отпустил! А остальных увезли в городскую тюрьму, и о дальнейшей судьбе их я больше ничего не знаю.

В Прокопьевск с семьёй перебрался в конце лета 1939-го. Расслаживаться не приходилось, на руках двое ребят-шек, пошёл искать работу. Зашёл на конный двор шахты «Чёрная гора». Смотрю, два старика копаются, сбрую чинят. Разговорились, выпытываю, чем занимаются, да каков заработок.

— Работа самая разная, — отвечают. — Где ограду починить, когда с хлебозавода привезти отруби и овёс для шахтовых лошадей. И вот, сбрую надо чинить... Выводят нам зарплату по 85-90 рублей...

И тут же сообщают, что был у них мастер-каретник, и что сейчас это место свободное.

Пришёл я к заму по хозяйству, представился. Повёл он меня на конный двор попытать, к чему я склонен. А я огляделся вокруг, увидел сломанные кошёвки и говорю:

— Ну вот, буду вам кошёвки делать!

И запросил за свою работу 250 рублей в месяц, жалование, значит, такое себе затребовал. Согласился!

Работаю я, значит, день, другой, мастерю кошёвку. Прибегают вдруг за мной:

— Тебя направляют на хлебозавод за овсом, поедешь сейчас.

— Никуда я не поеду, — отвечаю.

Вызывают меня к заместителю зав. шахтой:

— Как не поедешь! Да ты знаешь, что за это бывает! Уволю!

— Увольняйте, — отвечаю. — Только я устраивался к вам кошёвки делать,

потому что я мастер своего дела. И на посторонние работы не пойду!

Покипятился, покипятился заместитель, потом остыл:

— Давай покурим, да всё спокойно обсудим. Давай-ка, твою работу посмотрим.

Пришли в мастерскую, он осмотрел начатую мной работу — я уже начал плести кошёвку. Покачал головой:

— Да, тут надо голову иметь, — сказал он и ушёл. Прошло дня четыре, прибегает рассыльный:

— Тебя зовут в контору!

— Всё! — думаю. — Увольнять будут!

А оказалось, что меня разыскивают из леспромпхоза, что расположен за деревней Смышляево. Их начальник знал меня ещё по Терентьевску, где я мастерил пестерки.

— Знаешь ли, — объясняет он мне, — мы организовали артель, в которой будут производиться очень много поделок. А вот делать пестерки и кошёвки некому. Мы тебе дадим людей, а ты будешь только их учить. И зарплату тебе дадим 600 рублей. И дом готовый.

И вижу я, что зам заволновался, что переманивают работника, говорит:

— Но ведь и мы с нового года повысим зарплату! А как только появится возможность, то и квартиру дадим.

Не стал я менять работу по одной причине: в леспромпхозе не было школы, в которой мои ребята могли бы учиться.

За небольшое время сделал я на шахте две кошёвки. Моя работа понравилась начальству. Заведующий по углю Хренов как-то спрашивает:

— Можешь ли сделать такую пролётку, чтобы подобной во всем городе не было?

— Сделаю! — отвечаю. — Не то что в Прокопьевске, а и в области не найдёте! Только дайте распоряжение кузнецам, чтобы они по моим чертежам все мои заказы выполняли! И по этим чертежам чтобы изготовили всякие витые фигурки и железные полозья.

А за прутьями поехал в Зенково (посёлок небольшой, сразу за городом Прокопьевском, сейчас там располагается зона отдыха), разыскал я там лесничего, чтоб испросить разрешение на заготовку прутьев, нужных для моего дела.

Подобрал в лесу материал, какой хотел. Лесничий взглянул на мой «лес» и рассмеялся:

— Да это же даже и на дрова никто не возьмёт! Какие-то загогулины!

— Для кого-то это и просто загогулины, — отвечаю ему — А для меня самый первосортный материал, мне ж его ни гнуть, ни ломать — он уже самой природой загнут так, как мне надобно. Остаётся только распилить в определённых местах.

Смастерил я кошёвку для пары лошадей. Красота! Люди всегда вокруг неё толпятся, разглядывают.

Какие вещи делал! Сходу, не имея на то способностей, не сделаешь. Делать, так делать! Со временем я уже не считался и сам себя не подгонял. Известное дело, поспешишь — людей насмешишь.

Проработал я на шахте «Чёрная гора» всего-навсего пять месяцев. Даже не успел четвёртую кошёвку закончить, призвали меня на войну с Финляндией. Было это в январе 1940 года.

Полтора месяца вместе с другими новобранцами тренировали в стрельбе из винтовки, обучали ведению ручного боя. А непосредственно в боевых действиях довелось участвовать всего двадцать дней.

В тот же день, когда прибыла наша рота, уже вечером попали под обстрел. Был конец февраля. Кругом леса и болотистые места, вдобавок к этому сильные морозы стояли.

Мы — в наступлении. Продвинулись на Петрозаводском направлении где-то больше сотни километров. Какие постройки были, финны при отступлении сожгли. Мы, как правило, идём в наступление по глубокому снегу, гуськом. Противник пропускает мимо себя, а затем со всех сторон начинает поливать огнём из автоматов и пулемётов.

Очень сильно стреляли финны. Во всём взводе осталось пять человек. Кто убит, кто ранен. Утром поступило пополнение, а к вечеру следующего дня снова взвод поредел.

Финны бьют нас прицельным огнём, а мы их даже не видим. Командир роты кричит: «Вперёд!». А сам находится где-то сзади. И показалось мне, что он крепко выпивши.

Сейчас-то понимаю, что зазря людей губили, бездарно велись боевые действия...

Вот так и воевали... Я — солдат, сегодня делаю одно, завтра другое, что прикажут. Беспрекословно. В тот роковой день назначили меня в санитарную команду. Это, значит, оказывать помощь раненым, выносить их с поля боя.

И вот под вечер кое-кого из солдат постреляли. Подполз я одному из подбитых ребят, лежащему в перелеске. Добрался, спрашиваю:

— Куда ранило?

— В ногу! — кричит он. — В ногу!

Осмотрел его рану и успокаиваю:

— Ну, ничего! Сейчас всё сделаем, как надо: перевяжу рану, а потом уложу на нарты. А там, глядишь, кто-нибудь из наших и поможет.

Сделал перевязку и стал на нарты укладывать. Только приподнялся, как меня из пулемёта очередью шибануло. Ногу, как мясорубкой, перемололо.

Лежу, боли не чувствую, потому что в шоковом состоянии. Ясно сознаю, что через час помру от потери крови. Надо бороться за жизнь, словно со стороны думаю: «Надо что-то делать!». Рассчитывать приходится только на себя. Достал перочинный ножик, срезал ремень от противогаса, обмотал им ногу выше раны и черенком сапёрной лопатки закрутил туго, словно жгутом. Ничего не чувствую — ни раны, ни ноги.

Закопался в снежном окопе и так пробыл до утра. Наступил вечер, пришла и ночь. Пролежал я до одиннадцати часов утра, когда наконец-то помощь подошла. И остался я жив. Вот только сильно обморозился. Пришлось врачам отнять пальцы на левой руке и на оставшейся левой ноге.

Подобрали меня еле живого и на этих же нартах вывезли. Ну а тот раненый, которому мне не довелось помочь, умер из-за большой потери крови.

Написал я из лазарета своей Романовне примерно так же, как поётся в песне: «Дорогая жена, я калека, у меня нету правой ноги...». И говорил ей, что она вправе решать, жить ли ей с таким инвалидом.

А Ксения Романовна и не колебалась, ей сама мысль об отказе от раненого мужа казалась кошунственной. Только одна забота её терзала: где жить? Ведь на квартире, где она снимала комнату, конечно же, с двумя детьми и с беспомощным мужем жить было невозможно.

Хорошо, научила подруга:

— А ты пойдешь в военкомат, поплачь там, да ударь кулаком по столу! Никуда не денутся, дадут квартиру, ведь не за себя же пострадал, за всех нас.

Сделала, как учили, пришла к военкому. В ответ на свою просьбу услышала: «Нет у нас квартир и ничем помочь не можем...»

Но когда Ксения Романовна применила свои «аргументы», стал её успокаивать: «Погоди, погоди, не расстраивайся, может, что и придумаем!»

И стал военком Короблёв выпрашивать, откуда муж призывался, где работал. Потом позвонил на шахту «Чёрная гора»:

— У вас работал такой-то? Так вот, он покалеченный на фронте, скоро вернётся домой. Дать ему квартиру!

А ему отвечают, что, дескать, пусть жена придёт на шахту. Пришла, и ей выделили комнату в общежитии. Ох, и обрадовалась она. После тесного угла в частной квартире и эта комната показалась хоромами.

Итак, значит, ранило меня десятого марта, — продолжал Петр Макарович свой рассказ. — Война же с финнами закончилась двенадцатого. Однополчане потом рассказывали, что одиннадцатого марта уже боёв не было. Получается, что пострадал я в самый последний день боевых действий!

И сколько бы лет ни прошло со дня ранения, а не утихает в душе боль, досада, недоумение: зачем люди воюют? Зачем убивают, калечат себя? Ведь я бы за свою жизнь мог бы столько совершить прекрасного для людей! Если бы мог только работать в полную силу!

О госпитальной жизни вспоминать особо не хочется — интересного мало. Два раза ампутировали ногу, в первый раз что-то не получилось.

Девятого октября недоленным прибыл с сопровождающим домой. Вскорости навесил меня хирург Белой больницы М. И. Никифоров. Тот самый, который впервые в медицинской практике оперировал под землёй на шахте № 3-3-бис «Центральная», за что был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Посмотрел он меня, говорит:

— Отдохни немного, а потом мы начнём тебя лечить.

Он ещё немного подрезал мою культю, и нога зажила. Вплёлся я в косты-



ли. Приспособил протез поудобнее и пошёл. Вздохнула моя Ксюша, до этого она меня на руках от постели до стола носила, почти два года...

Молодость своё брала — никак не хотел я с увечьем мириться. Весной 1941 года с помощью костылей уже по всему городу ходил. Искал работу. Верил, найду что-нибудь себе по силам.

Однако нигде не берут. Как посмотрят на мои руки и ноги, так и разговаривать перестают. Я уж в сапожной мастерской как просил:

— Возьмите меня без оплаты, учеником! Я рядом только буду сидеть, шпору переищу.

Отказали! Что делать? Сначала-то, пока я в городе, считай, один инвалид войны был, то кое-какие привилегии ещё были. А вот с началом войны с фашистской Германией нас таких стало много. Ну что делать? Ведь в доме ничего нет, один хлеб дают овсяный наполовину с перловкой.

Стал я примеряться шить дамскую обувь. Стало получаться, чем дальше, тем лучше. Сам колодки научился делать. Всё через множество ошибок, удач и неудач. И признали меня в народе, уже в 43-м очередь у меня была на три-четыре месяца вперед.

Из всякого материала приходилось шить — из кожи портфелей, дамских ридикюлей. Что принесут заказчики, из того и шью. Не хвастаясь, скажу: шил прочно, красиво и надёжно! Фальши допустить не мог, не в моей натуре.

Однажды предложили мне купить американское кожаное пальто за одиннадцать тысяч рублей. Таких денег у меня, конечно же, не скапливалось. Но у меня были люди. Как раз накануне четыре девушки с шахты им. Сталина прихорючили и просили:

— Как только будет материал, так сразу сшейте, в первую очередь. А то на танцы не в чём ходить!

Позвонил я им, и приносят они кучу денег. Доверяли!

Выкупаю пальто и сразу распарываю. На четыре пары туфель для этих девушек ушли рукав и воротник. А остальное, как говорится, в пользу бедных! И таким образом я вышел из положения.

Да! Из всего шили, не привередничали!

В одном только женщина во все времена капризна: вот увидит на ком туфли, которые понравились, приходит и просит:

— Вот и мне бы такие!

— Что ж, — отвечаю, — сделаем! И даже получше!

Всё бы ничего, да финотдел зачистил ко мне, налог стал с меня добиваться взимать за мою индивидуальную деятельность.

— Вы что, хотите, чтобы я с протянутой рукой пошёл на тротуар? — спрашиваю их. — Там никаких налогов не собирают. Так не дождётесь, милостыню просить я не пойду!

Кое-как отбил, пришлось даже в горисполком несколько раз сходить, доказывать, что нет у меня баснословных доходов.

Занимался я сапожным делом всю войну. А как только война закончилась, надумал сменить занятие. Признаться, тяжело было всё же для меня заниматься сапожным делом.

Выполнил я все свои заказы, что ещё оставались, от новых отказался. Отдыхал дней десять — не могу без работы!

Сажу как-то на скамейке, аккуратно напротив ОРСа «Кировуголь». Выходят оттуда четыре «туза», остановились неподалеку от меня, разговаривают. Кемеровский начальник, слышу, критикует:

— У вас в столовых голые стены! Вы бы хоть картины нарисовали. Ведь есть же в городе художники!

А Яковлев, начальник ОРСа, ему отвечает:

— Художники, конечно же, есть. Но вот только беда — у них нет красок!

И тут я вклинился в разговор:

— Вы меня, конечно, извините, я не художник. Но у меня есть краски. Если разрешите, то я попробую...

Они сразу же ко мне подскочили, по рукам ударили. Сейчас мне даже удивительно, как это, человек не рисовал, а берётся!

Заказал я им, чтобы сделали мне три подрамника и натянули холст на них. С художественных открыток скопировал три вида — пейзажи. Пошёл в ОРС:

— Можете забирать!

Прислали людей за картинами. Скоро принесли и поставили в кабинет. Смотрят. Расхвалили! Все картины понравились.

— Будешь эти три вида нам рисовать! В городе столовых много. Так я и рисовал семь месяцев и заработал неплохо. Только пришло время, когда во всех столовых повесили мои картины. Стали предлагать остаться художником в ОРСе. Но я был вынужден отказаться. Ведь я могу работать только на одном месте, а художник — где вывеску должен повесить, где объявление...

Однако что же делать дальше? Зашёл случайно в контору «Прокопторга». Сидит бабка, переплетает конторские документы. Стучит молотком на весь «Прокопторг»!

— Что, — спрашиваю, — платят за такую работу?

Она без утайки мне отвечает:

— О! Хорошо платят, по пятнадцать рублей за папку. Я же делаю до шести папок в день!

«Во! — думаю, — заработок, и никаких расходов». Пришёл домой, сделал станок, коловорот. Всё самодельное. Стал пробовать шить бумаги. Получается, и никакого шума, стука.

Прихожу в трест «Сталинуголь», обращаюсь к главному бухгалтеру Борису Николаевичу Зауральскому:

— Вам надо такую работу делать?

— Что вы! У нас ещё с войны бумаги не переплетены!

Принесли мой станок, и начал я делать папки. Сначала по четыре штуки, потом до десяти дошло. Легко делал. До ста пятидесяти рублей в день.

Работал очень много. Зарабатывал неплохо. С 1946-го по 1980 годы переплетал. Весь город обслуживал, дальние шахты привозили бумаги ко мне домой.

И назвал я переплетное дело «золотым дном». Заработка хватало на всё.

В 1960 году дали мне путёвку в Зенковский дом отдыха. Увидел там впервые в своей жизни пианино. И до того запал мне в душу этот инструмент, что места не находил себе! Попробовал было приобрести в магазине. Не получается, большая редкость. Решил сделать сам. Все свободное время, иной раз всю ночь напролёт, мастерил детали. Сколько секретов, сколько головоломок пришлось решать! Ведь всё делалось впервые.

Делал я своё пианино ровно шесть лет. Получилось пятиоктавное, в отличие от заводского — шестиоктавного, потому что пришлось учесть габариты квартиры: пятиоктавное у меня помещается, а шестиоктавное — нет!

Долго бился над настройкой своего инструмента. Прихожу в музыкальную школу, а оттуда меня выставляют вон, не хотят на эту тему разговаривать. Потому что настройка музыкальных инструментов — это же кусок хлеба для мастера-настройщика, как говорится, дружба дружбой, а работа — врозь!

— Что такое? — спрашиваю. — Почему пыль до потолка!

— Да вот, — жалуется он с досадой. — Не даёт на чекушку опохмелиться! Я вытаскиваю деньги из кармана:

— Бери, опохмелись!

А сам с нетерпением жду, чтобы он ушёл поскорее, потому что приметил — на столе лежит книжонка. Та самая, что о настройке рассказывает.

Кузьма Васильевич моментом побегал в магазин, а я быстрехонько перелистал книжонку. Вот она, нужная мне страничка! Там всего-то двенадцать нот! Перерисовал их в тетрадку и на место положил.

Вернулся хозяин и первым делом тетрадку в стол спрятал!

...И заиграло пианино! Полюбил я это занятие, много играл, нотную грамоту освоил. А чтобы покалеченная левая рука помогала играть, смастерил для нее механический палец.

Так и играл целых пятнадцать лет, украшал свою и моей Романовны жизнь.

Правда, очень много хлопот было с этим пианино. Дело в том, что оно в комнате занимает много места, квартирка-то наша не барская, всего апартаментов-то — одна комнатёнка да пристройка — мастерская. Самим негде развернуться, а тут эта вещь большого габарита.

Если пианино поставить в пристройке, то за зиму так расстроится, что долго привожу в порядок. А тут ещё оглох на правое ухо, так и вовсе не могу настраивать. И решил я — сам сделал, сам и сломаю.

Выбросил я пианино, а вот без музыки места не нахожу. Тем более, что с возрастом стала сильно болеть спина, и по городу уже ходить самостоя-

тельно не мог.

Однако и здесь выход нашёлся. Подарили мне списанный аккордеон а затем и баян. Привёл я их немного в порядок, сделал кое-какие приспособления и теперь играю для души.

Правду надо сказать, моя Романовна мои музыкальные способности не высоко ценит, критически настроена.

А вот когда на пианино играл, любила слушать...

...Чтобы записать эту историю, заходил в гости к Антоновым несколько раз. И каждый раз заставлял его и Ксению Романовну за работой. Такое впечатление, что нет у них свободного времени.

Ясным погожим днём Ксения Романовна в своём крохотном огороде выбирает картофель, которого уродилось богато. Хозяйка сама поражена:

— Раньше я здесь ничего не садил: складывала весь мусор с огорода, ботву разную, сорняки. И надо же, такая картошка уродилась! Пятнадцать ведер накопили!

На верёвке сушится бельё, а Романовна по половинке ведра носит картофель в погреб:

— Сил-то мало стало! — откровенно призналась тогда хозяйка.

А хозяин, конечно же, на своём рабочем месте — в своей пристройке-мастерской, за мольбертом. На мольберте картина «Заброшенная мельница» в завершающей стадии, воплощение в краску воспоминаний о крестьянской жизни в деревне Кыргай.

— Эта картина у меня уже была на выставках. Но я считаю её незаконченной — какое-то чувство неудовлетворения остаётся. Поэтому продолжаю работу над ней.

Всматриваюсь в картину. Широкая, раздольная река, на берегу стоит мельница, рядом брошены жернова. И неизъяснимая грусть за неустраиваемость крестьянской жизни...

Но что это? На резном шкафу, сделанном также П. М. Антоновым, лежат небольшие дощечки-заготовки для резных ларцов,

— Петр Макарович, вы же в прошлый раз сказали, что резьбой больше не будете заниматься! Тяжело стало...

Ксения Романовна опережает мужа:

— Да разве ж он уймётся? Утерпит! Ведь в себе это не удержишь. А так-то, думается, зачем это надо? Куда столько шкатулок?

Петр Макарович не без гордости пояснил тогда:

— Во-первых, мне приятно делать красивые вещи, а, во-вторых, это мои подарки. Ведь люди, так или иначе, помогают нам. А чем я ещё их могу отблагодарить? Вот и дарю свои шкатулки! Вся Россия мои шкатулки знает. И за рубежом: в Германии, Франции, Венгрии, Чехословакии...

...Память на земле оставил добрую Петр Макарович Антонов, народный умелец, творческой жилки человек. Память, которая хранится в его картинах, многочисленных сувенирах. И, возможно, благодаря ещё и вот этому повествованию.



# Третий раз «в горящем танке»

Фёдор Антипович Тищенко после возвращения с фронта поступил работать на шахту № 3-3-бис машинистом подземного электровоза. Возможно, выбор профессии сделан был и потому, что шахтный электровоз чем-то напоминал вчерашнему танкисту его боевую машину.

Он даже с танкошлемом, правильнее — шлемофоном, который спасал на фронте от контузий, не расставался до тех пор, пока горнотехнический инспектор Фадеев не пригрозил вывести его из шахты за нарушение правил безопасности. Положено быть в фибровой каске, так будь любезен выполнять общепринятое правило. Хотя, по убеждению Фёдора, шлемофон спасает от удара под землей намного лучше шахтёрской каски.

Но тогда, в пятидесятых, он ещё беспрепятственно носил свой шлемофон, потому что касок на шахте не хватало.

Долгое время на пару с ним работала кондуктором девушка Катя Гирш.

Здесь надо бы напомнить о том, что профессия «кондуктор» на шахтах существовала длительное время. С кондуктором, а фактически с помощником машиниста электровоза, понятное дело, намного сподручнее работать.

Он во время постановки порожняка под погрузочный пункт стрелку переводит и вагоны, чтобы не забурились, плечом подтолкнёт. Так что кондуктор для машиниста электровоза — это «глаза и уши».

Со временем приказано было отказаться от этой профессии из соображений правил безопасности: работа кондуктора постоянно сопряжена с опасностью, так как рабочего места для него не предусмотрено. Он находился или в кабине электровоза, где и машинисту-то места не так уж много, или же на буфере заднего вагона.

Зато из кондукторов впоследствии получались отличные машинисты электровозов.

Красивая, расторопная была Катя, но неразговорчива. И не потому, что стеснительная, а по причине сильного заикания.

Впрочем, от кондуктора в шахте слово и не требуется особо, лишь бы исправно исполнял команды машиниста и чётко представлял порядок выполняемой работы. Но главное — быстрая реакция и осторожность: чтобы не споткнулся, переводя стрелку перед движущимся электровозом, и не попал под колёса.

В ту смену, как обычно, получили наряд забрать груз с дальнего участка, а взамен поставить очередной состав порожних вагонеток для дальнейшей отгрузки добытого угля.

Только почему-то горный мастер Донец приказал поставить порожняк по обводной ветке. Приказ не обсуждают-

ся: по обводной, так по обводной.

Свернул Фёдор с главного квершлага на основной штрэк участка. Обратил внимание, что параллельно с рельсовыми путями установлены стойки — дополнительное крепление огнив. Мера предосторожности, вызванная активизацией горного давления.

Совсем близко поставлены стойки к путям, даже рама электровоза задевает. На малый ход переключил машину Фёдор. Всегда по опыту работы имел в виду, что в составе могут быть вагонетки с раздувшимися боками, которые могут выдавить стойку крепления.

Тянет электровоз осторожно состав, очень осторожно, почти миновал проблемный отрезок пути, как выработка рухнула. Очевидно, вагонетки всё-таки выдавили пару-другую стоек. Обвал, если и случается, то по времени это одно мгновение. Бах — и вместо креплёной выработки непролазный завал угля и породы с кучей пыли.

Повезло, что центр обрушения пришёлся на вагонетки, электровоз же почти миновал опасное место.

Что должна была испытать Катя, находившаяся на буфере последнего вагона, когда на её глазах в одно мгновение исчезли передние вагоны вместе с электровозом, а с ними и машинист электровоза Фёдор Тищенко?

Обычная женская реакция — закричала в ужасе. Но потом взяла себя в руки, понимая, что в данный момент надо думать о помощи. Побежала на выход штрака, к телефону.

...В шахте был самый разгар первой смены. Обычно в это время начальство идёт в шахту, чтобы лично осмотреть рабочие места. Вот и начальник транспорта Дмитрий Трофимович Абрамов вместе с десятником по креплению Савиновым и десятником по ремонту путей Кротовым, спустившись в шахту, заглянули в подземную диспетчерскую. Как раз в то время, когда диспетчер Пётр Глебов старался разобрать по телефону сбивчивую речь Кати.

Он растерянно доложил Абрамову: — На пятом участке засыпало Фёдора Тищенко...

Буквально через полчаса после обрушения начальник транспорта был на месте обвала.

Что же Фёдор? Выскочив из кабины электровоза, отбежал в тупик выработки и здесь стал размышлять, что делать дальше? Ждать, пока восстановят выработку? Это, пожалуй, слишком долго будет.

А что, если рискнуть и пробраться на свободу прямо через завал? Потому что, трезво размышляя, всё, чему положено вывалилось, и вероятность нового обрушения мала.

Полез по горе угля и породы вверх, в самый купол обвала. На мгновение направил луч своего светильника в раз-

верзшуюся бездну над головой. Неприятно стало от картины угрожающе нависших массивных породин готовых, кажется, вот сейчас, в сей момент рухнуть на него.

Втянув невольно голову в плечи, спотыкаясь о валуны, как можно скорее рванул через завал.

И выкатился прямо под ноги прибившему к месту аварии Абрамову.

— Фёдор! Так ты жив и в полном порядке?

Не веря глазам, хлопали по плечам, обнимали:

— По твоему виду не скажешь, что только что был в опасности!

Тищенко в ответ коротко бросил:

— Два раза на фронте в танке горел. Будем считать, что в третий раз из горящего танка выбрался...

...Удивительным образом этот случай повлиял на Катю Гирш — она перестала заикаться.

Через пару месяцев она сдала в учебном пункте экстерном экзамены на право вождения подземного электровоза и долгое время работала вместе с Фёдором Антиповичем в одной смене.

P.S. Давно это было, в конце 60-х годов сдружила меня с Фёдором Антиповичем работа: когда совпадали рабочие смены, и я, как слесарь электровозного депо, выдавал ему электровоз в полном «боевом» порядке, заряженный и исправный. Он расписывался в получении и на полном форсаже стремительно исчезал из депо. После смены сдавал под роспись, сообщая о техническом состоянии машины.

И стал он знакомить меня со своими стихами.

Когда я впервые стал читать его стихи, то до меня с трудом доходил смысл: переплетение русского языка с украинским. Но как только он сам начал читать, то удивительным образом поэзия стиха стала доходить до меня! Да, у него, несомненно, были творческие задатки.

Он написал стихотворение (которое я привожу здесь) и показал другу, подающему надежды поэту Ребескову Александру Викторовичу.

Через пару дней был готов обработанный вариант.

*Что припомнить? Было всяко.  
Тот, кто в танке воевал,  
Знает, коль пошёл в атаку,  
Бей врага, чтоб не вставал!*

*Чтоб забыл сюда дорогу  
Из своих фашистских стран,  
Чтобы знал — танкист не дрогнет.  
Нет снарядов — на таран!*

*Гром брони и рёв моторов,  
Башня — задом наперёд.  
Полный газ! Без разговоров  
На таран! Враг не пройдёт!*

*Смотришь — «тигры» лезут строем,  
Прут, как будто на парад...  
Их «Катюши» принакроют,  
Мы ударим, и — горят!*

*А однажды, было дело,  
(в том теперь секрета нет).  
Экипаж наш, чуть стемнело,  
Вышел в танковый «секрет».*

*Добрались мы малым газом  
Незаметно до села,  
Где фашистская зараза  
Нас ждала, но проспала.*

*Капонир — на всю машину  
И траншеи по бокам:  
Всё открыли быстро, чинно,  
Чтоб надёжней было нам.*

*Утром видим: немцы рядом.  
Сели завтракать гурьбой...  
Эх, пальнуть бы в этих гадов  
Из машины боевой!*

*Но нельзя — стоим в секрете,  
Тут не балуют стрельбой!  
Ждем сигнала и ракеты —  
Скоро должен грянуть бой!*

*Тишина такая, братцы,  
Словно бы перед грозой.  
Закурил бы я, признаться,  
Да табак уж больно злой.*

*Враз его учуют гады —  
Тут беды не миновать:  
Не положено — не надо!  
Ждать положено — так ждать!*

*Только вдруг на фоне сером  
Видим, как из края в край,  
Ходит по полю «пантера»...  
Тут смотри, да не зевай!*

*Толь узнала про засаду?...  
Взад-вперёд, к кустам, домам  
Та «пантера» (вот досада!)  
Что ни ход, то ближе к нам.*

*Точно. К нам. Достигли цели  
И с буксирной стороны  
«Хендехох!» — кричат нам в щели.  
...Мы молчим: мол, потяни!*

*Зацепили нас неплохо,  
Мы ж, как будто, полегли....  
Только им пришлось же охать,  
Как к своим поволокли.*

*Командир: «Ребята, к бою!».  
Эй, водитель, поднажать!»...  
...Не привру, брат, и не скрою —  
Той «пантере» — хоть визжать!*

*Та и рада б отцепиться,  
Да куда там — тянем мы!  
Заершились было фрицы,  
Мы по ним — гранатами!*

*Тянем их, как лов рыбацкий  
На позиции свои!  
...Так-то дело было, братцы  
И товарищи мои!*

**Ф. ТИЩЕНКО,  
машинист электровоза  
шахты №3-3бис,  
бывший механик-водитель Т-34.  
(в обработке Ребескова А.В.)**

г. Прокопьевск.



## Ирина ЖУК

Жук Ирина Георгиевна родилась 8 октября 1950 года в Новосибирске. Школа. Техникум. Академия «Фронтальных проблем». Работа. Семья. Два взрослых сына. Внуки. Стихи начала писать в 45 лет, после интересных и познавательных встреч с замечательными и творческими людьми. Дорога жизни привела её в литературный клуб «Слово» города Кемерово в 2010 году.

Соавтор коллективных сборников «Слово женщины» (2012г.), «Поэтическая шкатулка» (2014г.), «Родники Сибири» (2015г.), «Только женщина знает» (2016г.), «Это НАША Победа!» (2020г.), «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.), «Созвездие «Кузбасс» (2023г.).

Авторские книги: «Жизнь – волшебное виденье» (2014г.), «Мамины слова» (2015г.), «Избранное» (2020г.).

Участница конкурсов поэзии и фестивалей авторской песни. На одном из фестивалей стала лауреатом в номинации «Поэтическая страница» (2006г.), участница ежегодных творческих встреч «Поэзия Кузбасса, Живые голоса». Номинант Национальной литературной премии «Поэт года-2020». Член Российского союза писателей. За вклад в развитие русской литературы награждена медалью «Иван Бунин. 150 лет».



# Жаль того, что не любилось

### Благодарю

За всё, за всё судьбу благодарю!  
И много раз ещё «Спасибо» повторю:  
За первую звезду и негу лета,  
За красоту, в которую Земля одета,  
За птиц, парящих в небе высоко,  
За сумрак туч, плывущих далеко,  
За солнца на воде алмазный блеск  
И синих волн неугомонный плеск.  
За то, что губы ты мои целуешь, руки,  
За то, что далеко нам до разлуки,  
Вино желанья ещё мы будем пить —  
И этим я могу дышать и жить.

\*\*\*

Каждый день прекрасен, право, что ни говори.  
Жизнь — волшебное виденье, я скажу: «Замри!».  
Остановится всё в мире, только я одна  
Этот мир постичь сумею — сверху и до дна.  
Вот стоит малыш лукаво, руки протянул.  
Вот сидит старик на лавке, широко зевнул.  
Паренёк косится взглядом: девушки идут!  
А они все отвернулись, будто нет их тут.  
Светофор зажжёт зелёный — только все стоят.  
Замер папа, подзывая озорных ребят.  
Облака, и те застыли: ветер задремал.  
Птица в воздухе повисла — кто её поймал?  
Рыбы в море, солнце в небе замерло, всё ждёт:  
Что ещё случится может, что произойдёт?  
Моё слово власть имеет — Боже, посмотри:  
Всё могу, скажу лишь тихо Миру: «Отомри!»

\*\*\*

В моей душе — шалунья-недотрога.  
Глядит на мир то весело, то строго.  
Песчаный замок у воды. И королева бала.  
Так много хочет удержать, так мало.  
Букет черёмухи и цвет рябины,  
Слова любви, что так неповторимы...  
Из снега кружева, вуаль надежды,  
Багряной осени туманные одежды.  
Друзей улыбки и мечты глаза,  
И сосен строй, и майская гроза.  
Прощаний, встреч счастливые мгновенья,  
Твоих любимых рук прикосновенья...

В моей душе — шалунья-недотрога,  
Так мало хочет удержать, так много....

### Весне

Я надену к празднику новое лицо!  
Яркие одежды, с камешком кольцо.  
Выкину наряды, те, что шли вчера,  
Память лет усталых унесут ветра.

Спрячу думы тайные, чтобы не найти,  
Пусть легко и весело будет мне в пути.  
В прошлое отброшу боль, тоску, печаль.  
Не сбылось желанное, ну а мне не жаль.

Я примерю счастье, радость и успех,  
Удивлю знакомых, очарую всех.  
Милая улыбка, свет в моих глазах  
Отразятся в новых, радужных мечтах.

Аромат черёмухи — я твоя, Весна!  
Только в новом облике ты узнай меня!

\*\*\*

Лето в зрелость вошло,  
как красивая женщина в воду.  
Небо зноет полно, но несут уж ветра непогоду.  
Были жаркие дни, ночи жаркие были,  
Мы друг друга желали, мы друг друга любил.

Жизнь наполнена светом и полна темнотой,  
Выпью весь, до конца, этот кубок хмельной,  
И у тёмной черты пожелаю опять  
Ещё раз отлюбить, ещё раз отжелать!

\*\*\*

Раным-рано на заре босиком,  
По траве, по росе напрямиком.  
Через поле, через рожицу к реке  
Побегу, весела, налегке.  
Блеском манит она. О, да!  
Глубока, холодна та вода!  
Окунусь я в неё нагишом,  
«О-го-го!» — крик души ни о чём.  
Солнце будет дорожку стелить,  
Я по ней буду плыть и плыть,  
Сколько хватит сил — и назад,  
В город, в пекло, в привычный уклад.  
Но спасёт меня мысль о том,  
Что я вновь на заре босиком  
Через поле, через рожицу к реке  
Побегу, весела, налегке.

\*\*\*

Снова осень, снова осень — бабье лето.  
Ветер листья рвёт с деревьев, ну, а где-то  
Небо синее и море — плеск волны...  
О зиме суровой мысли там смешны.  
Дивный сад, трава усыпана плодами —  
Южных стран богатыми дарами.  
Можно в руки брать и любоваться  
Плеску волн и ветерку отдаться.  
Заблудиться и остаться жить у моря где-то...  
Только мне всего дороже бабье лето!

### Гроздь рябины

Я за окном рябины гроздь повесила,  
Чтоб стало мне светло, чтоб стало весело.  
Чтобы в доме у меня счастье поселилось,  
И знакомым, и друзьям радостно гостилось.  
За окном заснеженным ягода алела,  
Но пришла весна... Свиристель запела,  
И слетелись птицы, дружно цировали,  
Гроздь мою заветную по ягодке склевали.  
Полетели дальше песни распевать,  
Счастье и удачу людям раздавать.  
Мне же осталось осени дожидаться  
И в багряные леса собираться,  
Лету бабьему дань отдать —  
Вновь заветную гроздь выбирать.

### Густо посажены

Густо посажены, тянутся ввысь —  
Стройных берёзок ряды поднялись.

Тонкие, милые, дружно живут,  
Свой охраняя покой и уют.  
В озеро смотрят, лукаво любуются,  
С ветром обнимутся и поцелуются.  
Вместе меняют уборы, наряды,  
В гости заходят русалки-наяды.  
Вольно и сытно лесному зверью,  
Рады и птицы такому жилью.

А на пригорке сосны растут:  
Так же красиво, привольно им тут.  
Рыжие, стройные, ветром посажены,  
В тёмно-зелёное все принаряжены.  
Белки игривые ветки качают,  
Вместе играют, орешки щелкают.

Вот бы и мне возле них поселиться,  
В зори, в закаты навеки влюбиться.  
В гости ходить то к берёзам, то к соснам,  
Клету и осени, к зимам и вёснам.  
С вечностью слиться, не зная конца,  
Тихой молитвою славить Творца.

\*\*\*

Сосновый и берёзовый заснеженный лесок.  
Заметены дорожки, сугробистый пенёк.  
Льш птичий след на белом. Узоры — кружева.  
А на снегу пестреет опаившая листва.  
Река ещё воюет с морозом. Погоди!  
Дай наплескаться вволю. Я помню те дожди,  
Что наполняли свежестью крутые берега.  
Зима такая длинная, суровая — долга...  
Зато морозец хрусткий, лыжня в лесу зовёт,  
И снегопад с метелью... И счастья кто-то ждёт!

\*\*\*

Петелька к петельке — носочки вяжу.  
Мне кошка мурлычет, в окошко гляжу.  
Морозы, морозы — берёзы в снегу.  
В Сибири живу: и хочу, и могу.  
Бывает и лето. Его так немного,  
Но ждёт меня к морю шальная дорога:  
С друзьями и с песней, надеждой на встречи,  
На мудрые речи, на белые свечи...  
Всё будет потом. А пока я гляжу  
На быстрые спицы — носочки вяжу  
Моим сыновьям, чтоб любви моей круг  
Связал всех нас вместе теплом моих рук.

### Свет в окне

Свет в окне — кому отрада, а кому печаль.  
Боль-тоска и боль-награда, и былого жаль...  
Промелькнула жизнь — мгновенье.  
Было? Не было?  
Всё смятенье, всё забвенье, всё почти ушло...

Жаль того, что не любилось — весело, взахлёб.  
Во дворце счастливой жизни я взяла вино б  
И в бокалы, и в стаканы доверху лила,  
Испила сама хмельного, другу налила...

Сшила платье золотое — и в поля гулять,  
Там букет цветов и радуга стала собирать.  
С милым рядом жизни сказка. Весело б жила.  
Сделать всё, о чём мечтала, я б тогда смогла.

Боль-тоска и боль-награда, и былого жаль.  
Свет в окне кому отрада, а кому печаль.

### Лес-лесок и просека

Лес-лесок и просека. Виден чей-то дом.  
Может, в доме этом мы с тобой живём?  
Домик называем терем-теремок,  
За пределы дальние выброшен замок.  
Выросли у домика дивные цветы,  
Любят отдыхать в них надежды и мечты.  
Заходите в гости все, кто верит мне,  
Кто летает в воздухе, плещется на дне.  
Те, кто в сказках издревле весело живёт,  
Добрый и находчивый, озорной народ.  
Соберёмся вместе, спляшем и споём,  
Чарку красного вина до краёв нальём,  
Сверим наши мысли — добрые вполне...  
Жаль, что этот домик лишь приснился мне.

### Мимо окон облака

Мимо окон облака — улететь бы с ними.  
Вновь тоска, моя тоска, зачастую ныне.  
Голубого неба даль дочиста отмыта,  
Зелень сочная травы. Ну, а что же мы-то?  
Из окошка поглядеть, новости послушать,  
За других переживая, сядем мы покушать...  
А ведь в двух шагах всего дальняя дорога,  
И ведёт она отсчёт с твоего порога.  
Вдоль неё цветы растут и грибов поляны,  
И туманов хоромов, колдовских, обманных.  
Грозы, молний череда, радуга сияет.  
Ветер листьев жёлтых дань под ноги бросает.  
Песни ночью у костра, следом звездопад  
И непонятый тобой чей-то долгий взгляд.  
Городская суэта красоту затмила,  
Потому моя тоска ныне зачастила.  
На дорожку посидим — рюмочку налей.  
На плечо бери рюкзак, и пойдём скорей.

\*\*\*

Небо — голубое! Птицы — облака!  
Пёрышки теряют, было так века...  
Даже если б жили люди тысячу лет,  
Не устали бы смотреть облакам в след.  
Что-то колдовское в небе надо мной:  
Вон плывёт русалка, зайчик...

Нет, постой:  
Вот он превращается в грозного быка,  
А потом в лошадку...

Ты скачи! Пока!  
Хулиганил ветер — всё перемешал,  
Птиц, зверей и крылья в небе разметал.

### Звездопад

Притаюсь под звездопадами!  
Небо рядом, земля рядом.  
Темь что-то шелестит...  
Вон — опять звезда летит.  
Загадаю много лет,  
Мудрых мыслей ясный свет,  
Для родных — судьбы благой  
И веселье, и покой.  
Счастье, радость и успех...  
Всё! И в меру! И для всех!  
А может, просто полежу,  
На звёздный танец погляжу.

## Надежда КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА

Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна (творческий псевдоним – Надежда Козулина) родилась 16 декабря 1951 года на станции «Артышта-1» Беловского района Кемеровской области. Руководитель литературного клуба «Слово», лауреат премии Кузбасса, член Союза журналистов России, член Российского союза писателей, кандидат технических наук, ветеран труда.

Автор многих книг: «Жизнь вторая» (1995г.); «Прикосновение», «Осенняя песня» (1996г.); «МОЙ – женский взгляд, МОЙ – женский голос...» (2021г.) и другие. Ответственный редактор, автор-составитель книг «Это НАША Победа!» (2020г.), «Антологии самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.) и других коллективных сборников.

Финалистка Национальной литературной премии «Поэт года-2018, 2021» и «Писатель года-2021»; номинант литературных конкурсов «Русь моя», «Георгиевская лента», «Московская ярмарка» разных лет. Награждена общественными «За вклад в развитие русской литературы» – медалями Анны Ахматовой, Ивана Бунина, Фёдора Достоевского, Святая Русь, Пророки Кирилл и Мефодий. Её стихи опубликованы в Антологии русской поэзии за 2019 год (город Москва).



### К 100-летию Карагайлинской сельской библиотеки

16 декабря 2023 года исполнилось бы 105 лет первому директору Карагайлинской сельской библиотеки (деревня Карагайла, Прокопьевский район, Кемеровская область) – заведующей избой-читальней Козулиной (Агеевой) Александре Семёновне (1918-1992 гг.).

Директор сельской Карагайлинской библиотеки Наталья Николаевна Торопова попросила меня: «Напишите о вашей маме, она была первым директором нашей библиотеки. Я вначале немного растерялась, потом ответила: «Нет, моя мама, Козулина (Агеева) Александра Семёновна, никогда не была директором библиотеки. Точно знаю, что в Карагайле она была заведующей избой-читальней». На что Торопова сказала: «Та избя-читальня и есть теперь наша библиотека».

Моей мамы нет в этом мире уже 27 лет! Кто расскажет сейчас о том времени и избя-читальне в деревне Карагайла? Знаю, что деревня вначале называлась Карагайлинская, потом стала называться Карагайла. В 2019 году Карагайле исполнилось 300 лет!

Оказывается, в сельской местности многие избя-читальни переросли в библиотеки. Избя-читальни... Когда они появились в Кемеровской области? Спросила об этом одного доктора исторических наук, профессора. Он ответил, что об избя-читальнях ничего не знает.

Я обратилась в государственный архив Кемеровской области на проспект Ленина, 3а. Заказала в читальном зале документы по культуре (Киселёвский район). Мне принесли материалы Киселёвского государственного архива. Из этого документа я узнала, что когда был образован Киселёвский район, «... секретарь городского комитета ВКП (б) Кузнецов Борис Фёдорович, зачитав Указ Верховного Совета РСФСР от 10 февраля 1940 года об образовании Киселёвского района в Новосибирской области (теперь это Кемеровская область), с центром в городе Киселёвске за счёт сельской местности, сказал: «...я остановлюсь на тех огромных достижениях нашего Советского Союза и нашего района, мы сейчас имеем в районе две МТС (машинно-тракторные станции), 47 колхозов, большое животноводство... при царском правительстве была только одна школа, а теперь мы имеем по району сельской местности 34 школы».

«Карагайлинское селцо обслуживает совхозы «Победа», «Наш путь», «Пугачёва», «Зерно», «Сталина», «Красный пахарь», «Заря», «Новая жизнь», «Труд», «Красная нива», «Красина», «Прогресс», «Труд-дружба», «Чапаева», «Ст. Разина», «Красноармеец», «Кирова».

В протоколе № 15 от 10 июня 1940 года есть «вопросы: «О работе районной библиотеки (докладчик зав. библиотекой Сукачёва и содокладчик зав. РайОНО т. Новиков) и «Об организации 8 изб-читальней. В плане работы исполнительного комитета Киселёвского районного Совета депутатов трудящихся на 4-й квартал 1940 года от 22.11.1940 года есть пункты: «О ходе ликвидации неграмотности и малограмотности. О работе изб-чи-

тален и красных уголков в колхозах» (отв. Карцев, Детинин, РайОНО, т. Новиков)».

Избь-читальни относились в то время к политпросветучреждениям. Приведён «список комиссий по приёму готовности к зиме политпросветучреждений», где перечислены избя-читальни Киселёвского района. Указан состав комиссий по приёму, так, по Карагайлинской избя-читальне это: Тараканов, зам. председателя сельского Совета; Шевченко, зав. избя-читальней; Игоренко, член совета избя-читальни; Скударнов, председатель колхоза «Победа»; Ляликов, директор НСШ. В обязанности районной библиотеки входило обеспечение передвижками восьми изб-читален и восьми колхозов. Получали новые книги, меняли передвижки. Решение гласило: «Пополнить передвижной фонд районной библиотеки общественно-политической, агротехнической, антирелигиозной и художественной литературой, используя все методы продвижения таковых к читателю».

Обязать РайФО полностью профинансировать районную библиотеку на пополнение книжного фонда к 10 июля 1940 года».

За возврат книг отвечали председатели сельских исполкомов, председатели колхозов (не давали расчёта избячам и передвижкам без справок о сдаче книг в районную библиотеку). При выезде инспекторов РайОНО на село вменили им в обязанность проводить проверку работы сельских изб-читален и передвижных библиотек при колхозах.

Киселёвская партийная организация рекомендует «улучшить массово-воспитательную работу среди всей массы рабочих». Далее читаем: «...в плохих условиях содержатся избя-читальни в сёлах. Инструктора не помогают избя-читальням... Лекций нет. Лекторское бюро не работает. Кочуков не работает: «Сидит, как курица на яйцах».

В плане подготовки Октябрьских торжеств сказано: «Клубы и красные уголки, избя-читальни художественно оформляют торжественные заседания, детские утренники, колонны Октябрьской демонстрации (готовят спектакли, карнавные шествия, выступления хоровых, музыкальных и др. кружков художественной самодеятельности), физкультурники вместе с осовиахимовцами готовят свои выступления в клубах и красных уголках».

Парткабинет и библиотеки организуют выставку литературы к 19-й годовщине Октября, читки художественной литературы: А. Варбюса – «Сталин», Н. Островского – «Как закалялась сталь», Серафимовича – «Железный поток», Горького – «Мать».

В плане проведения столетия со дня смерти великого русского писателя Александра Сергеевича Пушкина сказано: «По сельской местности организовать чтение лекций, где есть НСШ, на тему: «Жизнь и художественная деятельность Пушкина...»

Организовать коллективное чтение художественных произведений А. С. Пушкина по коллективам города и района, во всех красных уголках, во всех колхозах и избя-читальнях... Подобрать чтенцев для чтения по коллективам».

Дано задание и газете: «Редакции газеты

«В бой за уголь» организовать литературную страничку, освещать ход подготовки и напечатать отдельно произведения Пушкина». Есть команда: «Написать лозунги, дать выдержки из лирических произведений Пушкина в центральном клубе, красных уголках и во всех библиотеках. Нарисовать несколько портретов Пушкина».

Библиотекам вывесить рекомендательные списки произведений Пушкина. Выставить литературный монтаж в клубе угольщиков с главнейшими датами жизни и творчества Пушкина и основных произведений».

В планах работы Киселёвского горкома упоминается «О работе клубов, красных уголков и изб-читален в районе». Есть пункт: «Оборудовать избя-читальни и красные уголки. Вставить и завалить завалинки, побелить, обеспечить мебелью, иметь не менее трёх ламп, отопить. Надо добиться того, чтобы в любое время избя-читальня и красный уголок были чистыми, тёплыми и уютными. Организовать кружок по чтке и проработке художественной литературы (1-2 раза в неделю)».

Об этом сказано в плане работы первичной парторганизации при горкоме ВКП (б) на сентябрь».

Есть информация, что в 1937 году «Киселёвск имеет население в 40 тыс. человек, 7 шахт, кирпичный завод, 47 колхозов, МТС, 4 железнодорожных станции, машиностроительный завод и ФИП». Основной газетой в Киселёвском районе была газета «В бой за уголь» (редактор Амстиславский). В документах архива сказано: «Установленный тираж нашей газеты «В бой за уголь» в количестве 4000 экз. не удовлетворяет запросам трудящихся. Просим обком ВКП (б) увеличить тираж газеты до 6000 экземпляров и периодичность до 25 номеров в месяц».

В Киселёвском районе в 1937 году был организован Союз воинствующих безбожников (Союз В.Б.) «В целях вовлечения всех трудящихся в организованную борьбу с религией, полного освобождения верующих трудящихся от религиозного мировоззрения бюро горкома постановляет: с 20 декабря по 10 января (1937г.) провести агитационно-массовую работу по вовлечению трудящихся города и деревни в члены Союза В.Б.; с 20 декабря по 20 января 1937 г. провести антирелигиозную кампанию... Культпропу ГК ВПБ(б) подобрать лекторов-докладчиков, проинструктировать их, а также провести консультации чтенцев, беседчиков по художественной антирелигиозной литературе. В клубах, красных уголках, избя-читальнях обеспечить постановку антирелигиозных уголков с выставками книг, журналов, вывешивание лозунгов и плакатов... Тов. Талета организовать антирелигиозную лекцию «Был ли Христос?»».

Таким образом, можно сказать, что избя-читальня в селе была не только местом общения к культуре. Это были и театр, и филармония, и библиотека...

Мама моя рассказывала, что у них был народный театр, они ставили спектакли, пьесы, высмеивали верующих людей. Теперь я понимаю, почему мама, имея 9 детей, писала дневники и писала стихи. Побывав в этой «буче – боевой и кипучей», она не мог-

ла уже не писать. Единственное, во что жизнь внесла свои коррективы, это то, что с приходом войны в 1941-1945 годах люди забыли о воинствующих безбожниках, многие стали людьми верующими. Только Бог мог спасти на войне, в битве с фашистами и другими врагами жизни.

Об Александре Семёновне, первом директоре сельской Карагайлинской библиотеки, надо бы написать книгу. Но я постараюсь рассказать о ней кратко.

Козулина (Агеева) Александра Семёновна родилась 16 декабря 1918 года в деревне Карагайла Киселёвского района Новосибирской области (сейчас это Прокопьевский район КО). В Карагайле она закончила 7 классов, потом училась в городе Новокузнецке (Сталинске) в ФЗО (фабрично-заводское обучение при КМК (Кузнецком металлургическом комбинате)).

Александра Семёновна жила со своей мамой-белорусской Агеевой (Алешенко) Марфой Игнатьевной. Бабушка пришла в Карагайлу с сёстрами Верой Кухаревой, Репиной Плетнёвой и Прасковьей Хроменок, у которых уже были семьи. У мамы жила ещё дальняя родственница Мария.

На момент работы в избя-читальне мама уже была женой Козулина Якова Яковлевича, но не знаю, были ли они зарегистрированы. Знаю, что мама работала зав. избя-читальней, потом налоговым агентом, потом заведующей почтой... Первая дочь родилась у них в 1939 году, а в 1940 году папа был призван в Красную Армию на Финскую войну. Мой брат Пётр родился уже в 1941 году, когда папа был на Великой Отечественной войне. На войне папа был с 1940-го по 1946 годы (есть справка военного архива, город Подольск). Мама ждала отца в Карагайле. Потом они переехали на станцию «Артышта-1», где родилась я и мои братья и сёстры: Валерий, Николай, Вера, Любовь, Сергей, Елена. Девять детей воспитали мои родители. Моя мама – героическая женщина. Что такое девять детей? Накормить, напоить, одеть, согреть, напитать любовью... Моя мама смогла! Какой ценой? Но мы есть. Есть мои братья и сёстры, которых я очень люблю, я написала и издала книгу о моей семье, она называется «Солдаты и наследники Великой Победы». Мужчины моего Рода – защитники Отечества.

«Разумное, доброе, вечное» в нас мама не только посеяла, но и взрастила с любовью и благословением. Читая мамины дневники, я выписывала её стихи. Они очень красноречивы, полны материнской любви, нежности, надежды...

В дневниках моей мамы много ссылок на Библию. Дома мама читала её только вслух. Например, есть запись: «От Матф., 15:4 Иисус говорит: Бог заповедал: «Почитай отца твоего и мать и: злословящий отца или мать смертью да умрёт». Знаю, что мама нас всех благословила. Я чувствую это её благословение. Кого благословляют матери, того благословляет Бог. Моя мама... Она дала мне пример достойной жизни. Недаром моя 13-я книга называется «Жизнь-молитва». И мамин Дар, её талант передан мне и приумножился».

## Любовь Середкина



**Середкина Любовь Фёдоровна**  
Родилась 14 января 1954 года в селе Берёзово Новокузнецкого района Кемеровской области.  
Окончила техникум, затем институт. С 1993-го по 2013 год работала в управлении федерального казначейства по Кемеровской области в должности старшего казначея-бухгалтера. Ей присвоен классный чин «Советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса». Награждена Почётной грамотой Федерального казначейства (Москва) в 2012 году, ветеран труда.  
Посещает литературный клуб «Слово» города Кемерово, участница ежегодных творческих встреч «Поэзия Кузбасса. Живые голоса». Её стихи есть в коллективных сборниках «Это НАША Победа!» (2020г.), «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.), «Созвездие «Кузбасс» (2023г.). «За творческий труд и большой личный вклад в подготовку и издание книги «Это НАША Победа!», посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне», награждена Почётной грамотой Министерства культуры и национальной политики Кузбасса в 2020 году.

\*\*\*  
Донбасс! Как много в слове воли,  
Об этом знаем я и ты.  
Донбасс! Как много в слове боли —  
В нём крик несбывшейся мечты.

Фашисты голову подняли,  
Страну отправили в расход,  
Народ майданами подмяли,  
В Европу указали ход.  
Россия вновь являет силу,  
Но продолжается война...  
Бои идут за Украину.  
Крепись, крепись, моя страна!

**Сегодня празднуем Победу**

75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов посвящается

Сегодня празднуем Победу,  
Парад пройдёт у стен Кремля.  
Отцу те почести и деду,  
А также русским матерям.

Стояли матери в молитве,  
Отцы сражались на полях.  
Союз стоял в Великой битве —  
Одна страна, одна семья.

В тылу герои были дети,  
Они трудились у станков.  
Вот так, мгновенно, повзрослели,  
Не зная отдыха и сна.

Земля стонала от ударов,  
Полита кровью и слезой,  
Пять лет вздымалась от снарядов,  
Закрылось солнце пленой.

Погибло двадцать миллионов,  
Стирались в битвах города.  
Об этом нам, потомкам, помнить,  
Чтоб не вернулась вновь беда.

И неродившиеся дети,  
И семьи, порванные вконец.  
Кто нам за это всё ответит?  
Нельзя исправить и помочь.

Не знало мужество преграды,  
Мы гнали «нелюдь», как всегда.  
И над Рейхстагом флаг Победы  
Берлин запомнит на века...

Лежат цветы у Обелиска,  
Смешались чувства, в горле ком.  
Пусть никогда не повторится  
Войны смертельный марафон!

**Ушли ребята в бой**

Войнам Великой Отечественной войны 1941-1945 годов посвящается

Как передать мне эти чувства  
Красивых молодых парней,  
Что в бой ушли — ещё безусые  
И неродившие детей.

Им жить хотелось, видеть небо,  
Растить детей, пахать поля,  
Но в бой вела Святая Вера,  
Святая ярость, Мать-Земля.

И поднимались во весь рост  
Навстречу грохоту и танкам,  
Встречая пуль свинцовый свист,  
Путь преграждали оккупантам.  
Их хоронили где-то спешно,  
Порой не знаем Имена.  
Рыдали мамы безутешно... —  
Какая страшная война!  
Ушли ребята, не вернулись,  
Им был последним смертный бой...  
Чтоб мы счастливые проснулись  
И жили вольною семьёй.

**Нам жизнь — награда**

Златоглавая, любимая Россия —  
Родина моя.  
В ней веками росла Сила —  
Несгибаемая.

За нами Вечность, с нами Бог —  
Об этом знаем.  
Свою Отчизну, как любовь,  
Мы защищаем.

Не отдадим своей Земли,  
Чужой — не надо.  
Мы в битвах выстоять смогли,  
Нам Жизнь — награда.

**Русские сыны**

Что такое Родина? Великая страна.  
В сердце нашем Родина у каждого одна.  
Есть у нашей Родины Святые рубежи,  
Разные годины Род наш пережил.  
Политая кровью, как Святой росой,  
Защитили воины каждый колосок. \*  
Поклонюсь я низко — до родной Земли,  
Застывшим обелискам и скорби Матери.  
Впредь стоят на страже русские Сыны,  
В этом честь и слава, в этом мы — сильны!

\* Колосья в поле и «колосья» души  
человеческой. Прим. авт.

**Ах, Душа моя родная!**

Ах, Душа моя родная,  
Что ты мечешься у края?  
Успокойся — и живи,  
И от страха не дрожи.  
Чаще Бога вспоминай,  
Страх отступит — будет Рай.

**Памяти мамы**

Моей Маме, Беловой Вере Степановне,  
воспитавшей девятых детей, посвящается  
Моя Мама милая — давно уже ушла,  
Разошлись навеки наши берега.  
Мама, моя Мама, где твоя Душа?  
Подарила жизнь мне, любила, берегла.  
Помню своё детство, хоть оно прошло,  
Но хранится в сердце Мамино тепло.  
Утром просыпалась — тёплой рукой  
Треплет Мама волосы, будит мой покой.  
Нежно улыбается, голосом зовёт,  
Поцелует в щёчку и к себе прижмёт:  
«Просыпайся, деточка, скучно без тебя,  
В окно стучит веточка, листья шелестят.  
Солнышко проснулось, птицы вновь поют,

Новый день встречают и алую зарю».  
Самые красивые Мамины глаза —  
Как озера синие, чистая леза.  
Будто солнца лучик в глубине играет,  
Искорками счастья душу мне ласкает.  
Я заботу Мамы чувствую не раз —  
Ранки все залечит, в сердце даст наказ:  
«Жизнь люби, родная, природу, красоту,  
Воплощай делами Светлую мечту».  
Если станет трудно, помощь вновь спешит —  
Нежный образ Мамы предо мной стоит.  
Памятью из Детства — рядом посидит,  
Душу мне согреет, тихо помолчит:  
«Не печалься, деточка, и это всё пройдёт,  
Только будь собою, Удача вновь придёт».  
Я улыбку Мамы в сердце берегу —  
Мой заветный Лучик — с ним я всё могу!

**Любовью надо дорожить**

Порою сложно друга встретить —  
Оби красивое убранство.  
Непросто чуткое заметить,  
Соткать счастливое пространство.  
Любовью надо дорожить,  
Хранить, как малого младенца,  
Чтобы те чувства не убить,  
И жить велениями сердца.  
Любовь не секс, а это — То,  
Что Тайной изымают люди,  
Творит Святое волшебство —  
Для продолженья Рода любят.  
Сумеют двое лишь сберечь  
Сосуд хрустальный лучшей доли:  
Ласкает слух сердечна речь,  
А крылья Радости — на воле!

**Чуткий камертон**

Душа у любящих — жива,  
Она как чуткий камертон.  
И эта правда не нова,  
Живые чувства — светлый тон.  
Грязнить не надо чистоту,  
Топтаться грубым «сапожищем»,  
Не предавать свою мечту,  
А принести на праздник жизни.  
Душе не надо бранной речи,  
Над словом — это святотатство.  
Ложится тяжесть всем на плечи  
И рвёт души твоей пространство.  
Живи, твори Любовь, душа,  
И будет праздник жизни ярким.  
Судьба счастливых хороша —  
Жизнь дарит щедрые подарки!

**Была другая эпоха**

Была ведь другая эпоха...  
Входила к нам техника в жизнь,  
Не ждали тогда мы подвоха,  
Что станем рабами машин.  
У души была связь живая —  
Друг к другу ходили в гости.  
Смартфонов тогда не зная,  
Мы ведали главные новости.  
Программу «Время» любили,  
Гордились своею страной,  
Хорошие фильмы ценили,  
Которые были с душой.  
Всего у нас было мало,  
Наш дом был просторен и чист,

Вещей и убранства хватало,  
На праздник играл гармонист.  
Красиво, на равных все жили,  
Державу построить смогли.  
Влюблялись, детей мы растили,  
И землю свою берегли.

**Притяженье любви**

Снова зимняя сказка,  
Ах ты, снежная ласка:  
Как пушинки ложатся,  
Все по вихрю кружатся,  
И на землю стремятся —  
Притяженье Земли.

Я возьму снег в ладони,  
Ощушу лёгкий холод.  
Снег водой обратился,  
По ладоням спустился,  
До земли вновь стремится —  
Притяженье Земли.

Так и мы в этом мире  
Все подаластные Лире.  
Слово душу ласкает,  
Негой нас обнимает,  
От себя не пускает —  
Притяженье Любви.  
Светлый лучик жизни

**Поэтессе Кузбасса**

Поэзия нужна для Мира,  
Как воздух нам она нужна.  
Ты — Голос женщины,  
ты — Лира,  
В твоих устах она нежна.

Но если Правду стих вещает,  
Он нам как «колокол» звонит,  
Собой пространство очищает,  
И голос сердца говорит.

Твои стихи — неповторимы,  
Поскольку ясен сердца Взор,  
И многогранно, полно, зримо  
Несут души твоей Узор.

Твой отшлифованный талант  
Творит естественно и просто.  
Тебе он Жизнью щедро дан  
За добрый труд и благородство.

Твой кругозор не оскудеет —  
Он поднялся над суетой,  
За жизнь Достойную радеешь,  
Где Совесть — главный рулевой.

Так неустанно — в Слове Бога —  
Ты возвышаешь Свет любви.  
Творишь свободно, ярко, звонко,  
Прошу я жизнь — благослови!

**Всегда на страже**

Всегда на страже Русская Душа.  
Поставить на колени нас враги спешат.  
Но Русский Дух сильнее всякой нечисти,  
Ведь с нами Бог

— мы дети Вечности.

## Константин Лапицкий

Лапицкий Константин Анатольевич родился 9 января 1969 года в городе Кемерово. Окончил Кузбасский политехнический институт в 1993 году. Получил специализацию «горный инженер, шахтостроитель». Работал бригадиром, прорабом, главным инженером, техническим директором в различных строительных компаниях, проректором Кемеровского государственного университета, в главном управлении капитального строительства Кемеровской области и в Министерстве культуры и национальной политики Кузбасса.

Соавтор коллективных сборников «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.), «Созвездие «Кузбасс» (2023г.). Авторские книги «Зёрна» (2003г.) (книга получила благословление Митрополита Софрония); «Глоток земли и неба» (2012г.).

Константин Анатольевич считает: «Каждый человек достоин, чтобы его запомнили».



# Без укора светилась, любя

### Непоислен нам вечный укор

Непоислен нам вечный укор,  
Вот и мне ныне ночью приснилось —  
Бессловесный вела разговор  
Бесконечная Божия Милость.  
Без укора светилась, любя,  
Омывая сердечные раны,  
И Душа ощущала себя  
Возрождённым, сияющим Храмом.  
Ослепительный ветер любви,  
Проникая сквозь кости и тело,  
Сквозь закрытые очи мои,  
Озарял упоительно Белым.  
А за Светом стоял и смотрел  
Сам Источник насыщающего Света.  
Но оставил, чтоб я не сгорел  
От Любви, как свеча до рассвета.

### Несовершенство мира

Несовершенство мира — не от Бога:  
Творим мы сами Вечность каждый миг  
И радуемся, что легка дорога  
Без тяжести заслуженных вериг.  
Безумство наше — в накопленье долга:  
Ну, разве мы своей Земле нужны,  
Ведь так долги накапливаем долго,  
Ещё с рожденья будучи должны.  
Но как для платы срока не настало —  
Всё веселимся, умножая долг,  
И что от нас Земля давно устала,  
Мы не возьмём себе, безумным, в толк.  
Угар страстей и злых, коварных мыслей  
Как чёрный саван над Землей повис,  
Гордыне, похоти, бесчестью и корысти  
Воздвигнут нами мрачный обелиск.  
И создан трон для страшного глумленья  
Бездонной бездны, павшей от Небес,  
Поскольку не приемлем вразумленья,  
И Дух стремленья к Истине исчез.  
Ведь даже тот, кто Бога принимает,  
В душе не устремляется к Нему,  
И сердце, обольщённое, не знает,  
Доверив рассудительность уму.  
Мы, словно сказку, приняли Писанье,  
Не ведая средь нас Его труда,  
И наше замутнённое сознание  
Ему не открывали никогда.  
А Бог творит сегодня, как и прежде,  
Среди людей, всё так же их любя,  
В своей неугасаемой надежде  
Нам предлагая Истину — Себя.

### План божественный творится

План Божественный творится,  
Видят очи, слышат уши,  
Как небесный Свет струится  
С каждым словом в наши души.  
Слово жажды, слово правды,  
Слово истинной надежды,  
Слово, что приносит радость,  
Окрывает, как и прежде.  
Всюду светлы, всюду знаки,  
Помогают чьи-то руки,  
Тонкой нитью шьются стяги,  
Крепкой нитью гнутся луки.  
Всё оставили. В просторы  
Вышли. Вот она, Россия!  
Нас Твои леса и горы,

И поля Твои растили.  
Мы, сыны Твои и внуки,  
Зов родимый слышим снова.  
Взять Тебя, как Мать, на руки,  
Всю до пригоршни готовы.  
Не пугайся, гром окрестный  
Не коснется свята места,  
Златоглавая Россия,  
Белоснежная Невеста!

### Что же там за порогом?

Не спешу... Что же там за порогом?  
До чего же загадочна ночь...  
Я иду разговаривать с Богом...  
Я иду... Не остаётся... Невмочь...  
Пусть стою на краю, чуть качаясь...  
Я уже и не здесь... И не там...  
Дай мне силы... Пусть я не отчаюсь,  
Уходя к неким новым местам...  
Как ребенок... До смерти испуган,  
Пусть не ринусь заплаканным прочь...  
Смерть страшна и не станет мне другом...  
Дай мне силы пройти эту ночь...  
Нас порою пугает дорога...  
Неизвестна когда и темна...  
Ухожу разговаривать с Богом...  
А дорога до Бога одна...

### Родители, родные, не старейте!

Родители, родные, не старейте!  
Вы, разрезая времени волну,  
Встречаете дубящий кожу ветер  
И холод, уходящий в седину.  
Мы все стоим за вашими плечами,  
Уставшими, опавшими, но в них  
Защитою, невидимой очами,  
Молитвы нежной пламенеет стих,  
Благословляя в дальнюю дорогу,  
Крылами покрывая со спины,  
Чтоб в колыбели, пусть ещё немного,  
Побыли ваши взрослые сыны.

### Сыновьям

Я на вас, моих любимых,  
Каждый день смотрю из сердца.  
Что поделает, если в сердце  
Незапахнутая дверца?  
Я смотрю на вас украдкой —  
Всё ли ладно, что да как.  
И когда у вас нормально,  
Улыбаюсь, как чудак,  
А когда у вас не очень,  
Плачу я внутри себя,  
Безусловно, днём и ночью,  
Всех молитвенно любя.  
Никуда от вас не деться...  
И до самого конца  
Вы в моих глазах и сердце...  
Вы с молитвою отца...

Храни Россию, Господи —  
Невинную красу,  
Рождённую ли во поле  
Или в глухом лесу,

Героями воспетую,  
Распятую в кресте,  
Распутную, презренную  
В её святом посте,

Гулящую, шумящую,  
Господь, её храни,  
Границами стоящую  
На собственной крови.

Усопшую, воскресную,  
Прекрасную в любви,  
Солидную и грешную,  
Но только не гнева.

Иначе в Духе Божиим  
Воставшею рукой  
Она отринет брошенный,  
Как кость, дурной покой.

Дурманом опоенная  
Прозреет вновь она —  
Обманутая скверною  
Неверная жена.

Востав, поднимет голову,  
И до земли коса,  
И в волосах среди цветов  
Брильянтами роса.

И будет чудо дивное —  
Невинная краса  
Душою непорочною  
Взвьётся в небеса.

Я верю, всё исполнится  
До самого конца —  
В душе её прекрасной  
И наши есть сердца.

Мир лемех пламенный  
Межой  
Разделит огненной  
на части,  
И никому в земле чужой  
Не будет более причастья!  
День будет ограждён от тьмы  
И ночь лишится доли Света,  
И разделится в мире мы —  
Заката дети и рассвета.  
И пусть немного светляков  
Отделит жизнь из общей массы,  
Но это — будущих веков  
Основа зарождённой расы,  
Надежда плачущей земли  
И всех святых людей молитвы,  
Что нас живыми принесли  
К полям Великой этой битвы.  
И пусть ещё последний бой  
Не грянул разом над Мирами,  
Я рад, что мы стоим с тобой  
И что Господь стоит над нами.

Мы встали кругом,  
И хоть мал наш круг,  
Плечо прижав к плечу,

Спина к спине,  
Я знаю —  
Что друзья мои вокруг,  
И оттого —  
Стоять не страшно мне.

Для тёмных не судьба по одному  
Пойти войной на Дух, несущий Свет,  
Но сворою готовы ко всему,  
Чтобы свести горение на нет,

Впивая в тело злобные клыки:  
Борьба без правил — все на одного,  
Текут потоком грязевой реки,  
Не зная суть движенья своего.

И прячутся за грохот ярких фраз,  
За речь обличительной своей,  
Бушует море чёрное средь нас  
Для утушенья внутренних огней,

И слабые сознания бередают,  
В себя вливая серость тёмных масс,  
И, что уж они там ни говорят,  
Но цель одна — чтоб Светлый дух угас.

И Тот, Кто шёл Спасению служить,  
Кто шёл светить всей жизнью для людей,  
Не может без нападок жизнь прожить  
Злодеями затравлен, как злодей.

Но от ударов ярых по лицу,  
Кровавых ран пресветлых рук и ног  
Лишь ближе оттесняемы к Отцу,  
Лишь крепче духа пламенный клинок,

И ярче Свет Любви горит в груди,  
Чтоб тьме не дать сокровище пограть,  
Лишь только нужно до конца идти:  
В конце концов — не в тьму же отступать.

Слова молитв всё те же и донны,  
А мир сильнее опутывает лезть,  
Сегодня богомальцы не в пустыне,  
А в гуще жизни явленные есть.

Собрать пришли народы воедино  
К явлению Справедливого Царя,  
Всем помогая избежать пучины,  
Сиянье сердца, как маяк, дая.

Настало время не бежать от мира,  
А в мир нести молитвы чистый свет —  
Святых людей божественная лира  
Вопросам нашим новый даст ответ.

Нам новый мир для новой жизни нужен,  
Нам свыше эта миссия дана,  
Вставайте рядом все, кто Богу дружен,  
За нами — необычная страна.

Не западным путём и не восточным  
Нам претвориться в мире суждено,  
Ведь в сердце каждый понимает точно —  
России быть самой собой дано.



## Анна Стрик

**Стрик Анна Николаевна**  
Родилась в городе Кемерово, закончила школу №77 с золотой медалью, магистратуру Кемеровского государственного университета в 2020 году – с красным дипломом.  
Участвовала в конкурсах «Юных литераторов», в областном конкурсе «Золотые люди Кузбасса» (заняла 2-е место), в конкурсе «Народный музей» и других. Награждена медалью «Надежда Кузбасса». Публиковала свои стихотворения в литературном журнале «Союз писателей» (Новокузнецк, 2016-2017гг.). Соавтор коллективных сборников «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.), «Созвездие «Кузбасс» (2023г.).

# Тот, кто ждёт своё счастье, однажды его дожждётся

Кто дорожит, тот бережёт.  
Кто любит, ценит, что имеет.  
Сегодня солнце еле греет,  
А завтра пламенем сожжёт.

### Целовать нелюбимых

Целовать нелюбимых вошло  
у людей в привычку.  
К сердцу ищут уже не ключ,  
а давно отмычку.  
С нелюбимыми спят, в рестораны  
ходят на ужин,  
А домашний покой и уют никому не нужен.

Закрывая глаза, не хотят  
по утрам просыпаться.  
Люди очень во многом боятся  
себе признаться.  
Одиночества страх угнетает  
людские души.  
Неизвестно ещё, что из этого всё же хуже.

Провести всю жизнь рука об руку  
с нелюбимым,  
Умирать изнутри, но казаться  
для всех счастливым.  
Отказавшись от поисков счастья,  
принять как данность,  
То, что есть, то, что просто  
тебе досталось.

Или жить... Нет, существовать  
одинокой тенью,  
Бить раз в месяц себя, да  
по солнечному сплетенью,  
Чтобы знать, окончания нервные  
всё же живы,  
И гадать, отчего на душе так  
отчаянно и паршиво.

Выбор делать тебе, только  
стоит ли торопиться?  
Время есть, не спеши взростеть,  
можешь ошибиться.  
И в столетнюю засуху  
капля дождя прольётся,  
Тот, кто ждёт свое счастье,  
однажды его дожждётся.

### О силе и слабости

Я сильная. И в этом есть повод  
собой гордиться.  
Иногда, словно сталь,  
из которой отливают японский меч.  
Но бывают моменты, где я уязвима.  
Как львица,  
Что боролась с огнём и себя  
не смогла сберечь.

Но не вечно ничто, и железо  
ржавеет когда-то,  
Я пыталась себя защитить и надела броню.  
И её не пробила бы очередь из автомата,  
Но легко пробивают те люди,  
которых люблю.  
Потому что броня защищает,  
но только снаружи.  
Неприятель останется возле входной двери.  
Не сломают мой кров ветра,  
не затопят лужи,  
Его могут разрушить лишь те,  
кто живёт внутри.

### 16 шагов

Если б нас разделили 16 шагов,  
Расскажи, ты прошёл бы свою половину?  
Если бы синяки от тяжёлых оков  
Ныли болью и солнце светило не в спину?  
Расскажи, если б ветер дул прямо в лицо,  
Заставляя скучать по родному камину,  
Если б ноги твои наполнялись свинцом  
С каждым шагом, ты шёл бы свою половину?  
Если б град больно бил по щекам и плечам,  
Оставляя следы, ты нашёл бы причину  
Вопреки всем помехам и всем палачам  
Идти дальше навстречу свою половину?  
\*  
Был бы мир на земле или злая война,  
И какую бы жизнь ни писала картину,  
Если б знала, что я тебе тоже нужна,  
Я бы шла, нет... бежала свою половину.

Научиться играть на гитаре  
вполне возможно...  
... А гармонию в мире найти так сложно.  
Научиться играть на струнах души и мысли,  
Чтоб стать дирижёром своей  
собственной жизни.  
Овладеть в совершенстве игрой  
на фортепиано...  
Человека любить, как есть,  
не искать изъяна.  
Добровольно быть честным с собой  
и с другими тоже,  
Это трудно, не спорю, но всё же  
вполне возможно.  
Оживлять от прикосновения  
немую скрипку...  
Твёрдым быть, как алмаз, и,  
как будто резина, гибким.  
Находить красоту в мелочах,  
наслаждаться ею,  
Я так многого в этой жизни ещё не умею.  
Научиться играть на «басу»  
и на виолончели...  
Повзростеть, и спокойно  
пройти мимо детской качели.

Наконец-то найти своё  
место на этом свете,  
Жить лишь здесь и сейчас,  
не мечтать каждый день о лете.  
Повстречаться случайно и  
с первого взгляда влюбиться,  
Верить в то, что мечта в скором  
времени осуществится.  
Отпускать, не цепляясь, людей,  
от тебя уходящих,  
И уметь отличать лже-друзей  
от друзей настоящих.

### Авторский перевод песни "Paint It black"

Я вижу красную, как кровь, входную дверь,  
Но краски для меня в одну слились теперь.  
Я вижу девушек в их летних платьях, но  
Мир для меня теперь лишь чёрное пятно.

Я вижу улицы, машины и дома,  
Любовь ушла, и мою жизнь накрыла тьма,  
И только люди провожают взглядом вслед,  
Как было глупо мотыльком лететь на свет...

Я внутрь в гости загляну к своей душе,  
Я вижу дверь, но она чёрная уже.  
Хочу исчезнуть с головой в обмане сна,  
Забыв реальность будней, что как ночь черна...

Не станет море наше больше голубым,  
Ведь это всё произойти могло с любимым...  
Всмотревшись пристально в пылающий закат,  
Я слышу твой чудесный смех и вижу взгляд.

Я видел красную, как кровь, входную дверь,  
Но, словно уголь, она чёрная теперь.  
Я видел девушек в их летних платьях, но  
Они слились в одно чернильное пятно.

И я хочу раскрасить чёрным целый свет,  
Стереть из памяти твой мысленный портрет,  
Стереть с небес немое солнце, и тогда  
Я о тебе забуду, может, навсегда.

### В память о любимом псе Чавдаре

Светит солнышко за окошком,  
Только пасмурно на душе.  
Ходят люди по снежным дорожкам,  
А мой пёс не пойдёт уже.  
Он ушёл из своей «берлоги»,  
Только в миске стоит вода,  
Мой любимый четвероногий  
Не разбудит меня никогда.  
На пороге не встретит, лая,  
Улыбаясь, виляя хвостом.  
Далеко, за воротами Рая,  
Он нашёл себе новый дом.

Ну а я, возвращаясь с работы,  
Так нескоро смогу принять,  
Что в морозы и непогоду  
С ним не нужно идти гулять.  
Без него тишина в квартире.  
Есть ли смысл включать в ней свет?  
Одиноко и больно в мире,  
Где его с нами больше нет.  
Он ушёл из своей «берлоги».  
Только в сердце моём – печаль.  
Мой любимый четвероногий,  
Ты ушёл в невозвратную даль.  
Но мы люди, и мы не вечны.  
Когда время придёт умирать,  
Я сойду на своей «конечной»  
И ты будешь меня там ждать.

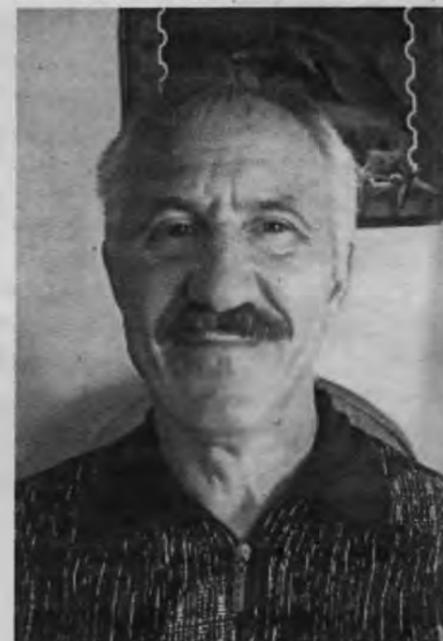
### Памяти погибших 25 марта 2018 года в Кемерово в ТЦ «Зимняя вишня»

Мы надолго запоем этот горящий ад.  
Эти дети могли ещё целую жизнь прожить.  
А теперь мы льём слёзы и ищем, кто виноват,  
Называя минутой молчания крик души.

Кончина? Нет, не для меня.  
Мне суждено скитаться вечно  
По городам и по краям,  
Где нету станции конечной.  
Я не могу сойти с пути  
И не могу менять маршруты.  
Я знаю то, что впереди:  
Мосты, конверты и минуты.  
Я разбиваю вам сердца,  
Но и дарю взамен улыбки.  
Кому – удача без конца,  
Кому – то жизнь – не жизнь, а пытки.  
Меня кланёте вы в тот час,  
Когда ручьями льёте слёзы  
О тех, чьи души я не спас,  
Не видел вовремя угрозы.  
Но умоляете о том,  
Чтобы секунды длились вечно,  
Когда, гуляя под дождём,  
Вы счастливы и так беспечны.  
И каждый миг, день ото дня,  
В столь глупой жизни быстротечной  
Во всём всегда винят меня  
И называют бессердечным.  
Я жертва жизни, я палач,  
Я истязатель и мучитель.  
Но для кого-то лучший врач  
И самый опытный учитель.  
Мне так непросто одному  
Носить повсюду это бремя.  
И жизнь похожа на тюрьму.  
Таков мой век. Мне имя – Время.



## Александр Формулевич



Формулевич Александр Иосифович родился 3 декабря 1955 года в городе Кемерово. Майор МВД в отставке. Участник литературного клуба «Слово», член Союза кузбасских писателей. В 2014 году был издан его авторский сборник «О чём болит душа». Его стихи – в коллективных сборниках «Здесь жизни позывные» (2003г.); «Здесь запах трав струится тонко» (2013г.); «Пою тебя, жемчужина Кузбасса» (2014г.); «Когда в моих руках бали» (сборник стихов Пазухи Николая, 2016г.); «Это НАША Победа!» (2020г.); «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (2022г.); «Созвездие «Кузбасс» (2023г.). А. И. Формулевич – участник ежегодных творческих встреч «Поэзия Кузбасса. Живые голоса».

# За землю Русскую и Отчий дом

### Молись и жди!

#### Мадоннам СВО

Полыхает, как прежде, над Русью гроза,  
Разлился горя океан бездонный.  
Из глаз невольно катится слеза –  
Младенец, спящий на руках Мадонны.

И много пронеслось лихих годин  
Над Родиной, врагом испепелённой,  
Но вновь и вновь вставала из руин  
Святая Русь, так Богом наречённой!

С Победою своих богатырей  
Всегда ждала и верила с надеждой,  
Что возвратятся с ратных битв поля  
Её сыны – и станет жизнь, как прежде.

Молись и жди. И вопреки судьбе,  
Всем трудностям,

сомненьям и тревогам,

Пошлёт Всевышний милость и тебе –  
Обнимет муж любимый у порога.

Спи, дитячко, пусть сладки будут сны –  
Твой папа обязательно вернётся.

А эхо гулкое сегодняшней войны  
Пусть вечным миром

Завтра отзовется!

### Я желаю тебе, Россия...

С Новым годом тебя, Россия!  
Карусель кружа прожитых лет,  
Я желаю – найди в себе силы  
Для грядущих Великих Побед.

Я желаю тебе мирной жизни,  
Лучшей доли, добра и тепла  
И хочу, чтоб родная Отчизна  
Только краше, милее была.

Устремлённой будь, мудрой и сильной,  
Как бы шторм санкционный ни был,  
Чтоб наш Отче Небесный, Всесильный  
Свято верил в тебя и Хранил!

### Рассеюшка моя

1. На границе твоей полыхает война,  
Клубы дыма, снарядов разрывы.  
И натянуты нервы, как стальная струна.  
Слава Богу, что верим и живы!

Припев:

Рассеюшка, моя ты Мать любимая,  
Слетелись снова стаи воронья.  
Их манит ширь твоя необозримая,  
Страшит Душа пречистая твоя.

2. Снова верных сынов пополняешь  
ты строй.

Снова молишь Святых до рассвета,  
Чтоб с Победой они возвратились домой,  
И в бою были Верой согреты.  
Припев.

3. В нескончаемых битвах суровых годин  
Ты врагу никогда не сдавалась.  
И, хранимая Богом, из пепла руин  
Ты, как Феникс, всегда возрождаешься!  
Припев.

4. Верю в силу твою, дорогая моя,  
Знаю, тьму победишь, как и прежде.  
И, народы сплотив, возродится Земля,  
Оправдаешь ты Бога надежды.  
Припев.

### Мои деды

Мои деды... Как мало о вас знаю,  
Но знаю точно – каждый был Герой,  
Один погиб в Маньчжурии, в Китае, –  
Другой израненным пришёл домой.

В том страшном и далёком 41-м,  
Когда горели Небо и Земля,  
Когда фашист матерый, озверелый  
Топтал наши селенья и поля,

Не пали духом вы, не испугались,  
И с вероломным, бешеным врагом  
С отвагою и мужеством сражались  
За землю Русскую и Отчий дом.

Вы всё снесли: и кровь, и зной, и слякоть,  
Теряли в битвах преданных друзей,  
Но разве мог солдат наш переплакать  
Всех слёз сирот и вдов, и матерей?

В ту страшную годину испытаний –  
Об этом кое-кто уже забыл –  
Жил в сердце каждого товарищ Сталин,  
И каждый свято Родину любил!

Мои деды, вы – Корни, вы – Истоки!  
Пусть помнит Мир спасённый,  
с тем живёт:

Один встречает солнце на Востоке,  
Другой на Западе – его заход.

Пусть миром правят серебро и золото,  
Бездушные с улыбкой на устах,  
Не меркнет Слава русского солдата  
В огнём пылающих людских сердцах!

### Ты возлюбил

Мир погружён во тьму – и вдруг  
Звезда взошла над Вифлеемом,  
Чтоб возвестить во всей Вселенной:  
Спаситель здесь Благословенный!  
Волхвы над Ним склонились вкруг.  
Святая Дева трепетала –  
И это было неспроста –  
Дитя, лаская, всё шептала:  
«Спасибо, Отче, за Христа!»  
Погрязли люди в пьянстве, блуде,  
«Око за око, зуб за зуб» –  
Так жили многие вокруг  
И повторяли: «Будь что будет.  
Мы на земле живём и будем,  
На Небесах – лишь Бог один».  
И вот с Небес спустился к людям  
Христос Иисус, Божий Сын.  
«Ты возлюбил! – учил Спаситель, –  
Он, как и ты, он – ближний твой,  
Тогда в Небесную обитель,  
Ты в Рай последуешь за Мною.  
Как же ты, глупый, не поймёшь:  
Что сам посеешь, то пожнёшь,  
Все твои беды и страдания –  
Суть, плод твоих же злых деяний.  
Пусть погибает плоть, ты Душу  
Храни для Бога в чистоте...»  
Не стал Израиль больше слушать –  
Христа распяли на кресте.  
Летят в страданиях года,  
А мы всё разуму не внемлем:  
Не верим, что над Миром бранным,  
Как и тогда, над Вифлеемом,  
Вновь вспыхнет яркая Звезда!

### О, Земля

О, Земля, о, страдальца!  
Женский твой лик  
Изменили снаряды, лопаты.  
Где цветущий был рай,  
ад крошечный возник –  
Ты права,  
в этом мы виноваты.  
На зелёных холмах возвели города  
И построили шахты, заводы.  
Где прозрачной была,  
стала грязной вода –  
В неё валим дерьмо и отходы.  
Недра рушим и черпаем ради рубля,  
Остальное нас мало «колышет»,  
Забывая о том, что живая Земля –  
Она в Космосе движется, дышит!  
На защиту Земли встал  
Великий Творец,

Что прекрасным всё создал когда-то.  
Справедлив, но и строг наш

Небесный Отец –

Наступил час жестокой расплаты.  
Чтобы в Выси Небесной души,  
усопших давно,

Нам однажды число не пополнить.  
Что хотели, творили –  
то время прошло, –

Это нужно усвоить и помнить.  
Где траншеи и ямы чернеют теперь,  
Зашумят вновь сады, расцветая.

Ты прости нас, Земля,  
если сможешь, – поверь,  
Так и будет! И скоро, Родная!

### Молитва о детях

О, Боже Праведный!  
Нам ничего на свете  
Дороже нет, милее, чем они –  
Создания светлые, родные наши дети,  
Кои Тебе на радость рождены.

О, Боже Справедливый!  
Укажи им  
Путь к Истине, и к ним в сердца войди,  
За ослушанье тут же накажи их,  
Но слишком строго, Боже, не суди.

О, Боже Милосердный!  
Из дали Небесной  
На чад своих возлюбленных взгляни.  
От бед лихих, страданий, мук телесных  
Ты их спаси. Спаси и Сохрани!

### Единственной...

Ты улыбкой-сияньем огня,  
Красотою распущенных кос,  
Вдохновение каждого дня  
Наполняешь дыханьем берёз.

Как акация гибок твой стан,  
А твой говор – живой ручей,  
В залхватскую пляску цыган  
Нас с тобой буйный ветер увлёт.

После долгих, терзающих мук  
Пребываю как будто в Раю,  
О, творенье Божественных рук,  
Как тебя я безумно люблю!

Если вдруг, растворившись во сне,  
Улетишь по Вселенной блуждать,  
Я тебя, бесконечно любя,  
Из пылинок начну собирать!



## Станислав ПОНОМАРЁВ

Станислав Александрович Пономарёв (20.06.1938-26.12.1998 гг.) — член Союза российских писателей, автор широко известных исторических романов. Родился в городе Чистополе. Профессиональным писателем стал в зрелом возрасте, а до этого прошёл сложный и интересный путь исканий и обретений. Вот как об этом рассказал он сам в одном из интервью газете «Городские ведомости» (г. Тольятти): «Детство, как и у многих моих сверстников, было у меня трудное, босоногое и голодное. Отец погиб на фронте, у матери осталось пятеро детей. Естественно, прокормить всех нас она не могла, и трое старших — я и две мои сёстры-погодки — были определены в детский дом. Там я пошёл в школу, когда мне исполнилось девять лет. А всё потому, что до этого я жил у деда с бабушкой на кордоне в лесу. Так что когда я окончил семилетку, мне было уже шестнадцать лет. Тогда мы все вернулись под крыло матери. Надо было зарабатывать на жизнь, ведь я был самый старший из детей.

Писать начал, обидевшись на Семёна Скляренко за его книгу «Святослав». Роман написан блестяще, но великого князя Киевского Святослава Игоревича я там, сколько ни искал, так и не нашёл. Мельтешит на страницах какая-то аморфная историческая единица, совершенно не похожая на неистового воителя Древней Руси, который слал врагам рыцарский вызов «Иду на вы!». От этой обиды написал исторический роман «Гроза над Русью» (1982г.). Через четыре года жесточайшей борьбы, преодолев шесть отрицательных рецензий, книга увидела свет.

Дальше было проще. В 1989 году сразу в Куйбышеве и в Москве выходят две мои книги: «Стрелы Перуна» и «Под стягом Святослава». А ещё через два года Москва издаёт новый роман — «Быль о полях бранных».

...К сожалению, осталась незаконченной новая его работа — последняя книга трилогии «Русь богатырская», роман «На острие копья». Станислав Александрович, помимо писательского труда, много времени уделял общественной работе: он являлся заместителем председателя Тольяттинского отделения Союза российских писателей и заместителем председателя Литературного фонда России, много внимания уделял работе с молодыми, начинающими писателями. В памяти товарищей по перу он остался обаятельным человеком и своеобразным писателем.

## Гроза над Русью

### Киевская Русь и её окружение в X веке

#### Несколько предварительных замечаний к роману С. Пономарёва

Конец первого тысячелетия нашей эры. На огромных пространствах Восточной Европы происходит процесс формирования крупного социально-политического объединения — государства славян под властью Киева.

Уже в IX веке Киевская Русь, активно участвуя во многих исторических событиях, оказывает заметное влияние на политику не только в Восточной Европе, но и даёт о себе знать могущественной Византии: «...В 860 году Русь оказалась способной организовать такой поход на Константинополь, который поставил столицу империи в очень опасное положение... Летопись приписывает организацию похода киевским князьям Аскольду и Диру...» (М. Артамонов, «История хазар», Л., 1962г.).

В X веке «...Русь уже держава, варварская «готическая» держава...» (В. Мавроди, «Древняя Русь», М., 1946г.).

Ярким примером могущества этой «готической» державы может служить поход Олега на Константинополь в 907 году. Флот из двух тысяч ладей доставил к стенам византийской столицы 80-тысячное войско руссов. Царьград сдался без боя и уплатил победителям огромную, даже по нашим представлениям, дань. Автор «Книги будущих командиров» А. Митяев (М., 1974г.) подсчитал, что эта дань составила свыше пятидесяти тонн серебра. Нанести грекам подобное поражение могла только сокрушающая всё сила. Не следует забывать: в X веке Визан-

тия достигла зенита своего могущества, она имела самую сильную армию, возглавляемую полководцами, искусство которых выковывалось в течение многих столетий ещё стратегами Древнего Рима.

X век связывается в нашей памяти также с событиями борьбы русского народа с Хазарским каганатом — могущественным полукочевым, полуседлым государством, занимавшим территорию Среднего и Нижнего Поволжья, почти весь Северный Кавказ; на западе граница каганата простиралась до берегов Дона.

Достаточно сказать, что Хазария, единственная на Востоке, держала всегда готовую к действию регулярную наёмную армию. Это диктовалось жёсткой необходимостью, ибо на протяжении почти трёх столетий Хазарский каганат запирали Великие ворота народов — территорию от южных отрогов Урала до северного побережья Каспийского моря.

В эти «ворота» яростно стучались торки, баяндеры, саксины, половцы и другие кочевники. В начале X века прорваться через этот заслон удалось только части печенегов: восемь их племён заняли степи Северного Причерноморья, на долгие годы став грозой для Дунайской Болгарии, Венгрии, Руси и владений Византии.

Как же складывались в X веке отношения Киевской Руси и Хазарии? Некоторые дореволюционные историки рисовали Хазарский каганат в идиллическом плане, называя его чуть ли не благодетелем народов Восточной Европы.

«Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окружённый племенами дикими и кочующими, он имел преимущества стран образованных: устроенное правление,

обширную цветущую торговлю и постоянное войско.

Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в неё отовсюду.

Как светлый метеор ярко блестела она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования».

Так писал в 19 веке В. Григорьев.

Аналогичных взглядов придерживаются и многие нынешние историки.

Несколько по-иному смотрят на этот «светлый метеор» учёные, имеющие в своём распоряжении исключительно богатый, принципиально новый археологический материал.

В своей работе «История хазар» М. Артамонов пишет: «Наряду с патриархально-феодалной зависимостью у болгар и хазар существовала неприкрытая эксплуатация в виде различных форм рабства. В рабов превращались при этом не только иноплеменники. Истахри говорит о продаже хазарами в рабство своих детей... Веротерпимость хазар представляет собой один из мифов, созданных недостаточно осведомлёнными историками, склонными к идеализации Хазарского каганата».

Аналогично свидетельство С. Плетневой в её работе «Кочевники Средневековья» (М. 1983г.): «Постоянная и деятельная борьба за объединение государства под властью хазар и в то же время разросшееся до уродливых форм «двоевластие» объясняется в первую очередь тем, что в каганат входило несколько сильных этнических общностей, отличавшихся друг от друга по языку и даже антропологически... Исходя из преобладания в письменных

источниках сведений о постоянных войнах между земледельческими государствами и кочевниками, считается вполне доказанным, что отношения эти были резко враждебными, и кочевники несли этим государствам разруху, бедствие, разорение, гибель».

Не следует забывать, что деятельность Хазарского каганата проходит мимо русских летописей, так как он существовал ещё в долетописное время (распад каганата произошёл за много лет до появления первого русского христианского летописца).

Зато из армянских и грузинских исторических источников мы хорошо знаем, какие поистине чудовищные, запомнившиеся на многие века опустошения приносили в высококультурные государства Закавказья многократные нашествия хазар в течение VIII-X веков.

Исходя из данных советской историографии, взаимоотношения Киевской Руси и Хазарского каганата можно отчасти уподобить отношениям Золотой Орды и Руси в XIII-XV веках.

Но Хазарскому каганату не удалось ни разгромить, ни расчленить могучее, объединённое под властью Киева государство, как это сделали татаро-монголы два с половиной века спустя с разрозненными, ослабленными междоусобицей русскими княжествами.

Русь, как государство оседлых земледельцев, никогда не стремилась к войнам. И даже князь Святослав Игоревич, известный в истории как «неистовый воитель», по свидетельству В. Татищева, отсылая посольства к соседям, говорил: «Если хотят мира, то бы прислали послов в Киев и примирились; а если мира не хотят, то сам во пределы их приду!».

Ещё в конце IX века многие славянские племена, в том числе и поляне,



платили дань хазарам. А вятичи, сидевшие по берегам Оки, продолжали платить каганату «по монете от сохи» вплоть до 964 года.

В памяти русского народа кочевые орды степняков отождествлялись с огнедышащим Змеем Горынычем.

Вот этому Змею и наступил на горло русич. Наступил не босой ногой разобшённых славянских племён, а тяжёлым сапогом объединённого государства. Одним могучим ударом Киевская Русь обеспечила себе выход на торговые пути Чёрного и Каспийского морей, к странам многоязычного и богатого Востока.

Пали все хазарские крепости, запиравшие выход к рынкам Константинополя и Дунайской Болгарии.

Предчувствуя гибель, Хазарский каганат вёл отчаянную борьбу с Русью. Но крах паразитарного государства был предreshён. В конце концов это и произошло в 965-968 годах.

В предлагаемой книге Киевская Русь предстаёт перед читателем в трудную годину вражеского нашествия.

Именно в такие моменты проявляются глубинные черты народного характера: самопожертвование во имя Родины, бесстрашие и одновременно — источники всего сущего на земле — истинная доброта и милосердие.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие!» — сказал Александр Сергеевич Пушкин. Эти крылатые слова могли бы стать эпиграфом к роману С. Пономарёва «Гроза над Русью».

**С. А. Арутюнов,**  
доктор исторических наук,  
профессор.

### Предлагаем отрывок из книги Станислава Пономарёва «Гроза над Русью»

«Наш мирный норв за слабость и опаску считают. А доселе не поймут, пошто с битой рожей утекают в свои пределы...».

«Не бойсь, народ боль родной земли не хуже тебя и меня чуёт. Костями чёрных смердов да простых ратников усеяны все поля бранные. Богатый в полон попадёт — казной откупится. А оратаю и откупиться нечем — либо победы ворога, либо смерть прими, либо неволю жестокою. Так что не бойсь, — повторил Святослав. — Народная грудь, она покрепче любой брони. Не пробьёт её ни копьё печенежское, ни меч козарский не осилит!»

#### Глава вторая

#### Грозная твердь Переяслав

Переяслав упорно защищался. Его трёхсаженный ров во многих местах был завален трупами до самых краёв. Но и защитников города, способных держать оружие, становилось всё меньше и меньше: подмога всё не приходила. Раненые не хотели оставаться дома и, обмотанные тряпицами, ковьяля, поднимались на стены.

Хазары дивились упорству руссов. Харук-тархан пять раз посылал послов с предложением сдаться на милость кагана-беки Урака.

Словом Непобедимого обещал отпустить всех, куда пожелают, и воинам оставить оружие и стяги. Изнурённые боями, охрипшие, с чёрными от усталости лицами руссы только смеялись в ответ на лестные предложения хазарского тумен-тархана.

Ни одного посла не допустили к воеводе Слуду. Всякий раз для переговоров в поле выходил захудалый с виду ратник в ржавой кольчужке и лаптях.

Он придурковато смотрел на разряженного хазарского гонца и, откусывая от ситного пирога, лениво отвечал:

— Не-э, повременим малость. Нам и за стенами неплохо. А вы уходили бы подобру-поздорову, а то неровен час князь Святослав нагрянет. Куда бежать будете? От него, чать, не убежишь...

Взбешённый хазарский посол однажды чуть было не зарубил лапотника. Однако мужичонка оказался на диво проворным: хан не успел и до половины обнажить саблю, как ощутил у своего горла острие русского клинка...

— Ну, што на сей раз сказывал тебе посол козарский? — спрашивал Тимку Грача воевода Слуд.

— Дак, ста, злато да серебро давал за Переяслав-град. Грозился страшно и ругался. По-русски кроет почище нашенского. Во гневе сказывал доспешник, што сегодня или завтра лодии ихние со многими вон приплывут сюда от порогов Непры-реки. Похвалялся, што хакан Урак пожёт стольный град Киев, а нашего князя-заступника Святослава в колодки забил. Обещался завтра показать.

— Вон оно как, — усмехнулся воевода. — Чего ж они: кругом верх взяли и Киев-град пожгли, а нас купить норвят. Киев-град, чать, посильнее Переяслава будет и воев там не в пример более нашего! Да и князь Святослав никогда хакану козарскому или кому другому живым не дастся... Ежели везде их верх такой же, как тут, то дела у козар и печенегов ой как плохи.

В дверь постучали. В грядницу вошёл отрок из дружины воеводы и, протягивая Слуду листок бересты, сказал:

— Болярин-князь, горлица из Киевграда весточку принесла.

Воевода пробежал глазами текст, его лицо осветилось улыбкой:

— Стоит, ако утёс каменный, славный Киев-град! Весел и здравствует князь наш Святослав свет Игоревич и измышляет ворогу похмелье смертное!

— Слава Перуну! — воскликнул Тимка Грач.

— Истинно, слава! — отозвался воевода и в радости стукнул кулаком по столу: в послании из Киева было ещё что-то, о чём Слуд не счёл нужным рассказывать до поры.

— Снесите весть отрадную богатырям переяславским! — приказал он отрокам, потом обернулся к Тимке. —

Иди, сымай свои лапти да поменяй броню. Лицедейство кончилось, пора на сечу собираться...

Ежедневно при штурмах в город летели зажигательные стрелы. Переяславцы не успевали тушить пожары. Многие постройки выгорели дотла. Сохранились лишь полуземлянки, которых, к слову сказать, в городе было больше всего.

Пострадал и терем воеводы, но его берегли и сгореть не дали.

Следы огня виднелись на башнях и стенах крепости. Защитники тушили пламя, заливая его водой, недостатка в которой переяславцы не испытывали — твердь стояла на откосном песчаном мысу между реками Трубежем, Альгой и Воинкой. Подпочвенные воды находились всего в сажени-двух от поверхности, поэтому ров вокруг города всегда был заполнен до краёв. Внутри крепости, вдоль её стен, горожане загодя выкопали множество колодцев.

Городник Будила, смерды Кудим Пужала и Тимка Грач с самого начала битвы за город держались вместе. Будила был ранен — три дня назад хазарское копьё пропороло ему мякоть левой ноги.

Он ходил, опираясь на клюку, но стену тем не менее не покинул. Рядом с ним постоянно находился старший сын — пятнадцатилетний Ломка. Он метко стрелял из лука и ловко владел лёгкой хазарской саблей, которую подобрал здесь же, на стене. Будила не прогонял сына даже во время сечи, тем более, что Ломку послала мать, дабы присматривал за отцом.

Сама Прокуда была ранена стрелой в грудь. Ухаживали за ней младшенькие — десятилетняя дочка Милена и девятилетний Лазутка. Ему не сиделось дома: соседи не раз видели его то на стене возле камнеметов, то с охапкой стрел, то с бадейкой воды у котла, то возле горна кузнеца. Он старался не попадаться на глаза отцу и Ломке тоже — встретив брата, тот тумачами прогонял его домой.

Такие же непоседливые друзья Лазутки повырывали хвосты у всех сохранившихся в городе кур и гусей — не хватало перьев для стрел. Сбивали они для этой надобности и ворон, благо, в Переяславе их было великое множество. Собирали и хазарские стрелы, залетавшие в город, сносили их на стены.

Однажды на рассвете Лазутка сбил стрелой низко пролетавшего орла, за что удостоился похвалы самого Кудима Пужалы. Дед Лагун наделал несколько дюжин стрел для богатырского лука, с которым Кудим теперь не расставался.

Мальчишки были вездесущи, и даже в битве слабая детская рука иногда поражала зазевавшегося степняка меткой стрелой.

Вот и сейчас возбуждённый Лазутка влетел в горницу, схватил сосновую скамейку и ринулся с ней на улицу.

— Куда, пострел? — крикнула стро-

гая мать и застонала от боли: рана была глубокой, и Прокуда лежала на лавке.

— Маманька, стрелы делать надобно, а сухой сосны почитай што нету. Из скамейки-то сколько стрел сделать можно?

— Ладно, возьми, — разрешила мать. — Вон и стол заберите, да пускай беретьяницу сломают...

Лазутка появился через пять минут с ватагой мальчишек. Они, как муравьи, облепили тяжёлый стол со всех сторон и с сопением выволокли его вон. А за дверью уже стучали молотки, дусераздирающе скрипели доски — мальчуганы споро разбирали пристройку. Когда Лазутка появился снова, мать сказала:

— Собери што ни есть железного в истбе и снеси ковалю. Пушай оружие мастерит, — и добавила со вздохом, — потом сызнава наживём. Как там батянька наш? Ранетый ведь.

— Батянька наш теперича воевода.

— Измышляешь ты всё.

— Разрази гром, правда! — вытер сопли Лазутка и устремился к порогу.

— Погодь! — крикнула мать.

Но того уж и след простыл...

Слуд назначил Будилу порокным воеводой вместо погибшего тысяцкого Шолоха. Городник умело руководил мастерами, а иногда, в минуты затишья, сам брал в руки топор и исправлял повреждения в метательных машинах.

Сегодня воевода Слуд приказал вынести из оружейной избы тяжёлые свёртки и котлы необычного вида. С десяток их установили на стенах, а рядом поставили трёхведёрные бадьи с уксусом. Возле встали молчаливые гриди из охранной сотни воеводы. Они копьями отгоняли любопытных...

Кудим Пужала давно уже стал героем обороны города. А после того как он рассёк тумен-тархана Хаврата, разметав при этом полтора десятка могучих тургутов, за ним толпами бегали мальчишки.

Гриди при встрече с Кудимом почтительно кланялись.

Но и его не миновала хазарская сабля — оставила на лице кровавый след. Тимка врачевал рану жёваным подорожником.

Кудим пристрастился охотиться за неосторожными хазарскими наездниками, метко разил их из Ерусланова — лука с большого расстояния. Окружающие дивились:

— Под десницей Перуновой рождён муж сей. Какую же длань иметь надобно, штоб так попадать стрелой?

Хазары тоже хорошо знали рыжего смерда-богатыря: немного желающих среди них находилось лезть на тот участок стены, где стоял Кудим. Страшный урусский «иблис-богатур» со своей огромной секирой наводил на них панический ужас.

Сейчас Кудим, опёршись о заборало на стене, разговаривал с городником Будилой:

— Пересохнет земляца, давно сеять пора. И што надобно поганым от нас?



Степь без конца и краю. Всем места хватит — живи не хочу!

— Пошто им земля твоя? — отозвался городник. — Трава коню есть, степняку и лад. Это ханы ихние без крови жить не могут и жадные зело: своих пастухов до нитки обобрали, норовят теперича и с нас шкуру содрать. Как будто у нас своих содиральщиков мало...

— Глянь, Кудим! — прервал Будилу Тимка Грач, указывая рукой в поле. — Вишь, какой-то шалый козарин скачет. А одетый! И-е-эх, ако жароптица. По всему видать, хан. Должно непуганый, из тех, кто вчера пожаловали.

Кудим обернулся: в ста саженях от стены по полю во весь опор летел всадник на белом коне. Красиво летел! Богатырь поднял лук, прицелился. Огромная стрела сорвалась с его пятерни... и всадник, взмахнув руками, слетел наземь. Испуганный конь галопом мчался в сторону хазарского стана.

— Ишшо один... — мрачно буркнул великан.

Товарищи его уже не дивились — дело обычное. Только Тимка вынул из-за пояса нож и сделал на кибити лука очередную отметину.

— Двенадцатый, — сказал он вслух.

Как раз в это время хазары двинулись на город. Тимка с натугой обеими руками поднял громадный, весь в ссадинах щит и подал другу.

— Отстань, назола! — отмахнулся Кудим. — Несподручен он мне!

— Не отстану! Яз обещался матушке твоей и жонке беречь тебя, дурня. Держи, говорю!

— Ну ладно, потом, как с козарами грудь в грудь сойдёмся. А теперича не мешайся!..

Защитники крепости взяли за луки. Порокные мастера с натугой вращали ворота метательных машин, заводя боевые чаши на храповики. Пращники наматывали ремни на правую руку.

Поднял своё грозное оружие и Кудим. Все ещё были в ожидании, а он уже открыл стрельбу. Целился, не торопясь. Многие ярко одетые наездники сошли с коней по своей воле, чтобы затеряться в толпе простых воинов. Те же, кто погордился, пали наземь поневоле — стрелы Кудима Пужалы разили без промаха.

### Глава третья

#### Бой на горах Киевских

— Вот сейчас наступила и наша очередь, — нахмурился, сказал Урак.

— Слушаем и повинемся, о Непобедимый! — ответили военачальники и, вскочив на коней, умчались в сторону Звенигорода.

Вскоре огромная орда пришла в движение: по склону обрыва вверх устремились фигурки людей. Поза-

ди пешей толпы сновали всадники с бичами в руках. Они не скупались на хлёткие удары.

С большого расстояния ничего не было слышно, но в свите кагана некоторые ханы поёживались, словно на собственных телах ощутили жгучее прикосновение кнутов из воловьей кожи.

Первые ватаги кочевников забрались под самые стены крепости и тащили за собой штурмовые лестницы. Звенигород молчал: ни одна стрела не прорезала воздух. Защитников на стене тоже не было. Они или попрятались за забором, или...

— Почему не стреляют урусы? — насторожился каган-беки.

Сотни арканов захлестнули зубцы на стене. И тут на головы штурмующих обрушился град камней, брёвна, утыканные шипами, опрокинулись котлы с кипящей смолой. Даже здесь, за три тысячи шагов от крепости, душераздирающий вой сотен покалеченных и обожжённых людей резал слух.

— Вот теперь понятно, — сразу успокоился Урак.

Волна наступавших спешно скатилась с обрыва. Слестниц продолжали падать люди — живые или убитые, не понять.

Многие из них оставались неподвижными, другие с трудом отползали. Кочевники замечались, но ал-арсии бичами скоро навели порядок и погнало воинов назад.

— Сегесан-хан! — позвал Урак. — Пошли гонца на левый берег Юзуга. Пусть передаст моё повеление Гадран-хану: как только мы займём крепость, его тумен должен сразу же переправиться и занять улицу Богатуров под обрывом Верхнего города.

И добавил мрачно:

— Печенег не должны сделать это раньше нас... Да, ещё вот что: Санджар-тархан со своими воинами пусть на левом берегу остаётся и охраняет нас от всех неожиданностей.

Тем временем степняки вновь достигли подножия стен. Крепость молчала. Камни и кипящая смола не обрушились сверху на головы наступающих.

Подгоняемые ал-арсиями, прикрывшись щитами, с саблями и кинжалами в зубах, хазары осторожно ступили на перекладины лестниц. Вот первые оказались на стене. Остановились, озираясь, и вдруг стали спешно скатываться назад.

Ал-арсии пытались остановить их остриями копий, но воины не слушались. Паника передалась дальше, и хазары опять отошли, побросав лестницы.

— В чём дело? — тихо спросил каган: голос его пресекался от ярости.

К кургану уже мчались три всадника. Внизу они скатились с коней и побежали к вершине. Каган-беки дал знак тургудам, чтобы гонцов не задер-

живали. В десяти шагах они остановились, и один из них на четвереньках подполз к стопам Урака, уткнулся в землю, не смея поднять глаз.

— Разрешаем говорить, — помедлив, сказал Урак.

— О Непобедимый! Урусская крепость пуста. Там нет ни одного богатура.

Каган молча смотрел на гонца. Тот продолжал:

— Воины говорят: «Если крепость пуста, то дело тут нечисто. Здесь, наверное, прибежище джиннов, которые погубят нас всех. Урусы не станут так просто оставлять твердую, стоящую в ста шагах от Верхнего города!». Многие видели какие-то мохнатые тени на пустых улицах Звенигорода. Джинны страшно смеялись и манили к себе богатуров. Я привел очевидцев!

Каган повел ладонью: тургуды приволокли двух валявшихся в пыли воинов. Урак уставился на них пронизывающими круглыми глазами и кивнул головой.

— Говорите! — резко приказал Сегесан-хан. — Надежда правоверных, Непобедимый и Разящий каган-беки Урак слушает вас!

— О Надежда правоверных, Осле... — Короче! — оборвал их Урак.

— Мы первыми взобрались на стену урусской крепости и взяли мечи в руки...

— Это достойно награды, — заметил каган.

— О Несравненный, и...

— Короче!

— Забор на стене был подпилен, и мы сами обрушили на себя и камни, и горячую смолу...

— Мы это видели. Но почему же вы отступили во второй раз?

— Потому что, о Великий, крепость была пуста... А из-за жилищ выглядели страшные мохнатые джинны и махали руками.

— Поистине так, брат Чагры! — поддакнул его товарищ.

— А на руках у джиннов были медные когти!

— Воистину так, брат Чагры!

Урак вдруг сказал:

— Отвечайте по одному! Вот ты говори, — каган ткнул пальцем в рябего Чагры. — А ты отойди пока на двадцать шагов.

Когда седого морщинистого воина в дырявой кольчуге, надетой поверх рваного полушубка, оттащили в сторону, каган-беки Урак задал первый вопрос:

— Сколько было джиннов?

— Больше трёх десятков, о Ослепительный! — с готовностью ответил воин.

— А каков их рост?

— Десять локтей, о Светоч Мира!

— Какого же цвета мех на их телах?

— Красного, как цвет крови, о Повелитель Вселенной!

— Большие ли были у джиннов глаза?

— О да, Опора всех богатуров, — вдохновенно продолжал Чагры. — Величиной с пиалу и голубые, как небо весной!

— Хорошо. Ты иди пока... — распорядился Урак. — Эй, приведите другого!

Тургуды приволокли старика. Каган задал ему те же вопросы и в том же порядке и получил такие ответы:

«Джиннов было больше сотни. Рост их — двадцать пять локтей. Цвет шерсти — черный, как мрак ночи. Глаза величиной со щит ал-арсия, цвета дымящейся крови!»

— Хорошо... — Урак оглянулся на свиту. — Приведите теперь и того... Чагры.

Когда оба воина оказались у его ног, он спросил:

— Вы оба мусульмане, не так ли?

— О да, Меч Ислама!

— Что ж вы сделали, когда увидели этих джиннов?

— Мы не боимся урусских богатуров и даже самого кагана Святослаба не очень страшимся! Но с джиннами мы никогда не сражались. Страх отнял у нас мужество, и мы отступили.

— Ишан Хаджи-Мамед, чем мусульманин побеждает самых могущественных джиннов?

— Святой молитвой, о Надежда правоверных и Опора Ислама! Самые свирепые джинны рассыпаются в прах при упоминании Аллаха Всемогущего и Всепобеждающего.

— Слышали? — спросил Урак воинов. — Значит, вы плохие богатуры и мусульмане. И трусы к тому же, увлекшие к побегу остальных воинов... За это вы заслуживаете самого сурового наказания! Эй, тургуды!

— Исполните волю Аллаха всевидящего и карающего!

— Бисмоллох! — провёл ладонями по лицу ишан Хаджи-Мамед и устремил руки и взгляд к востоку.

— Пошади-и! О Великий и Милосердный! — завопили приговорённые, но тургуды уже волокли их к подножию кургана.

Стражники прихватили было и гонца, но каган буркнул:

— Этого оставьте.

Отчаянные вопли внезапно прекратились. Гонца с ужасом смотрел на Урака — лицо его было серым и неподвижным.

— Иди и расскажи богатурам всё, что видели твои глаза и слышали уши, — бросил Урак.

Гонец скатился с откоса, где кувыром, где боком, и всё оборачивался, хотя стремительный жеребец уносил его во весь дух подальше от «милосердного» кагана.

Через полчаса хазары заняли Звенигород. А ещё через час Урак, сопровождаемый свитой, въехал в крепость через пролом в стене, специально для него проделанный.

В нескольких местах за жилищами



действительно стояли громадные чучела из хвороста, одетые в вывернутые наизнанку старые овчины.

«Напрасно я казнил своих богатых...» — подумал каган, но вслух ничего не сказал.

Дома оказались пустыми. Продовольствие руссы вывезли всё до зёрнышка или закопали в землю. Искать его было некогда.

— О Непобедимый! — обратился к Ураку Фаруз-Капад-эльтебер. — Очень странно, что крепость рядом с Верхним городом оказалась пустой. Не устроил ли нам коварный Святослаб западню?

— Нет, славный Фаруз-Капад. Урусы малочисленны, и Святослаб вынужден снять отсюда воинов, чтобы защитить Верхний город. Он хорошо понимает, что мы сразу же пойдём на штурм его стен.

Урак поднялся на башню, обращённую в сторону Днепра, и удовлетворённо улыбнулся: весь страж реки был занят широкой колышущейся полосой.

Это воины Гадран-хана, кто на бурдюках, кто, держась за гривы коней, переплывали водный поток и спешно занимали откосную полосу перед Пасынчей Беседой, или, как её называли хазары, улицей Богатуров. Руссы с красными большими щитами мелькали на стенах Вышнеграда и, видимо, сильно волновались.

— Наконец-то мой меч у твоего горла, проклятый Святослаб! — злобно прошептал старый каган и втянул в себя воздух сквозь стиснутые зубы.

Что-то внезапно треснуло рядом. Стена башни, обращённая к Вышнеграду, схватилась огнём.

Прежде чем Урак и окружающая его свита сообразили, в чём дело, у ног их разлетелся пылающий горшок. Брызги полетели в разные стороны, зажигая всё вокруг.

Однако каган и ханы не пострадали. Только на одном из них вспыхнул архалук, который миглом сорвали тургуды. Каган посмотрел в сторону Верхнего города: оттуда по пологой кривой вниз, в Звенигород, летели, кувыркаясь, охваченные огнём круглые шары.

Крепость занялась пламенем сразу в нескольких местах.

— О Непобедимый! — закричал Сегесан-хан, стараясь закрыть собой властелина. — Пора уходить. Иначе мы все сторим здесь!

Урак и сам понял это. Он поспешно спустился с башни, вскочил на коня и полетел вон из крепости. Свита едва поспевала за ним...

Бек-хан Илдей свирепо подгонял коня. Его тревога передалась другим, и вот уже более пяти тысяч всадников спешит к реке Глубочице. Когда они сквозь пламя Подола вырвались на плёс, то все как один завывали от ярости

и страха — весь страж Глубочицы был занят двумя рядами русских боевых ладей. Из-за червлёных щитов посверкивали наконечники копий и островерхие стальные шлемы. Миг — и с ладей выпорхнула густая туча стрел.

Вокруг бек-хана завопили раненые. Печенеги отхлынули, отвечая на стрельбу. И тут на них ринулись невесты откуда взявшиеся русские комонники. Они наступали сомкнутым строем. Степняки повернули коней навстречу.

Масса людей и коней заплесала в смертельной круговерти.

Илдей с сотней охраны рванулся в горящий Подол, чтобы отыскать Курю и бросить соплеменников на обратный прорыв...

Святослав в броне простого русского воина стоял на площадке ротной башни, обращённой в сторону хазарского боевого стана на Воиновом поле. Уже два часа прошло с тех пор, как были заняты Звенигород и Пасынча Беседа. Теперь Вышнеград был окружён врагами со всех сторон.

Звенигород пылал, выбрасывая клубы сизого дыма. Святослав, прищурясь, смотрел на горящую крепость. Обернувшись, сказал Улебу:

— Лихо сработали машины Спирькины. Враз занялся пламенем Звенигород. Видал, как козары из него утекали? Огонь теперь не даст соединиться ордам на Пасынче Беседе с дружинами козар на Воиновом поле.

К великому князю со всех сторон спешили гонцы.

— Печенеги теснят дружину могутов на Подоле. Рогволод уводит степняков к Почайне и Непре-реке, а немумытые, не слушая ханов своих, татьбу вершат!

— Много ли воев потерял Рогволод? — спросил Святослав.

— Нет покамест.

— Добро!

— Смотри, княже, — указал рукой в поле Улеб. — Хакан изготовился к приступу. Сейчас козары полезут на нас.

О том, что Урак собирается нанести с двух сторон одновременный удар по Вышнеграду, Святослав догадался тотчас.

Да только не получилось это у кагана. Горящий Звенигород не давал врагу приблизиться к стенам Киева со стороны Днепра по Зборичеву взвозу.

Сами того не ведая, степняки плясали под дудку Святослава, и пока все их действия подчинялись его незримой воле.

Князь скрывал свои мысли даже от собственных воевод. Слушал советы, соглашался или не соглашался с мнением других, но в основном всё делал по-своему.

Свенельд вчера прислал горлицу с посланием, предлагая разгромить хазарскую орду за Днепром, не дав ей переправиться к Киеву. Князь не согласился, не без основания полагая,

что этим только насторожит кагана-беки Урака, и тот ускользнет от возмездия.

Отправляя утром гонца к Добрыне, Святослав строго наказал ему не открываться врагу до поры.

И лишь по особому сигналу с башни Вышнеграда скоро идти через Днепр в реку Глубочицу, а частью ладей запереть степняков в Пасынче Беседе.

Орда на Воиновом поле была велика — не менее тридцати тысяч сабель. Наездники из самых бесшабашных крутились у стен, задирались, пускали в защитников стрелы. Руссы отвечали им, просились у воевод в поле на поединок. Но те строго осаживали богатырей.

— Устоим ли? — с тревогой произнёс Улеб, оглядывая бесщётное число хазар.

Тень промелькнула на лице Святослава, холодные голубые глаза неотрывно наблюдали за суетой в хазарском стане.

— Не только устоим, но и побьём хакана! — не оборачиваясь, ответил князь. — Урак, ако конь ретивый, закусил удила и мчится, не разбирая дороги. И не ведаёт он покамест, что чембур от узды его в моей деснице... — Обернулся к Улебу, засмеялся отрывисто и сухо: — Так-то, брат мой!

— Печенеги теснят нашу дружину на Подоле, — не сдавался Улеб. — Што им стоит поворотить коней да подогнуть козарам?

Святослав помолчал, загадочно улыбаясь.

— А што станется, брат, с печенегами, — спросил он, — ежели мы на Глубочице лодии оружье поставим?

Улеб не ответил: теперь план Святослава раскрылся перед ним полностью во всей своей простоте. Он только усомнился, хватит ли сил для быстрого разгрома врага.

— Воев хватит! — отрезал великий князь. — Хватит! Ибо теперь под стягом моим многие тысячи ратников, из них половина тяжелооружные. И все они в миг сей ако персты десницы в кулак сжимаются. Поглядим, удержится ли хакан на копытах от удара того кулака.

Улеб изумлённо воззрился на брата.

— Што, не ведал о сём? — рассмеялся Святослав. — Ну, коли ты не ведал, так хакану хазарскому и печенегам сие тем паче не ведомо. Ты сейчас узнал правду, им тоже недолго ждать остальное!.. Скажи лучше, изготовил ли ты машины свои к битве?

— Да. Большие каменёты на стенах оставил, а Спирькины машины вниз спустил, к воротам. Они легки и сподручны для наступа.

— Похвалил Спирьку?

— По слову твоему гривну на шею надел и казной твоей купил ему волю у Ядрея. Воевода казны не взял, поклон шлёт.

— И то ладно... — усмехнулся Святослав.

Пока великий князь разговаривал с братом, свита его стояла поодаль. Теперь же по знаку Святослава воеводы подошли.

— Зрите, — показал князь в поле. — Хакан изготовил орду свою на нас. Стойте крепко! Окружные тверди мы отдали ему почти што без боя, а Вышнеград не отдадим! Но... надобно хакана тут подольше подержать, не прогонять сразу. — Святослав засмеялся, погрозив пальцем воеводам. — Смотрите мне, в град степняка не пускать! А сейчас — к трудам ратным, братие! Перун да поможет нам!

Воеводы разошлись по своим местам...

Наступление хазар на Вышнеград было мощным и напористым. Они остервенело лезли на стены. Но свежие киевские дружины, отлично вооружённые и искусные в ратном деле, отбили натиск без особого напряжения.

Святослав ждал, что раздосадованный Урак бросит к стенам если не все свои силы, то хотя бы большую их часть.

Ему надо было, чтобы все хазарские тумены вышли из-за Лыбеди-реки и поднялись на Воиново поле.

Князь приказал дразнить степняков, и русичи делали это с превеликим удовольствием.

Они размахивали соломенными чучелами, весьма похожими на кагана-беки Урака, поджигали их, кололи мечами и копьями.

Другие трясли захваченными в бою хвостатыми хазарскими бунчуками, переламывали их древки, бросали боевые и родовые символы хазар в мутную воду рва. А самый искусный насмешник, гридень первой сотни могутов Тука, выкрикивал оскорбления самому кагану.

Усиленный громадным медным рупором голос его гремел над горами Киевскими:

— Зачем ты пришел к нам, хвост вонючей свиньи?! — катился со стены мощный бас Туки. — Пока ты скалишь свой беззубый рот на Киевград, в твоём гареме...

— Га-га-га-гы!..

— Ох-хо-ха-ха-ха!..

Тука выкрикивал по-хазарски одну непристойность за другой. Такого поношения даже камень не стерпел бы, а каган-беки Урак был человеком горячим, свирепым и мстительным.

— Стереть Куяву с подноса Вселенной! — скрипнул он зубами.

Разъярённая толпа хазар устремилась к Вышнеграду.

И только тумен ал-арсиев остался на месте. Урак собрался было и его двинуть на приступ, но ишан Хаджи-Мамед, Асмид-эльтебер, Сегесан-хан и другие приближенные почтительно отговорили его...

## Николай МИРОНОВ

Родился 1 января 1962 года в пос. Сарбала Кемеровской области. Вместе с родителями переехал в посёлок Малиновку. Там Николай окончил школу. Заочно учился на историческом факультете Томского университета.

С 1980 по 1982 гг. – служба в Вооружённых Силах СССР, затем учёба в горно-строительном техникуме Межауреченска. Работал на разрезе «Осинниковский». Затем перешёл на шахту «Алардинская» электрослесарем подземным, где работает по сей день. Литературным творчеством занимается с 2009 года. Регулярно печатается в городской газете и в коллективных сборниках, выпускаемых клубом «Кедр».

Николай Александрович Миронов – член Союза кузбасских писателей, является руководителем поэтического клуба «Кедр» г. Осинники. Участник поэтических, бардовских фестивалей.

Выпустил две книги стихов, прозы, песен: «Рассвет» и «Здесь, под звёздной россыпью».



## Затянула синева

1. Затянула, затянула синева,  
дымным порохом окутала война,  
Здесь славянские скрестились вновь пути,  
Настоящей дружбы крепче не найти...  
Я в бинокль, на удачу, присмотрел,  
Где в «нейтралке» снайпер поутру засел,  
И его сейчас накроет миномет,  
Наша рота хоть немного отдохнёт.

Припев:

А вокруг уже хозяином весна,  
Свежих пашен не касается война,  
Но в логах под утро лежбище зима –  
Уходящий взгляд морозной синевы.

2. Новобранцами пополнилась война,  
И страна дала команду: «В строю!»  
И понес их боевой горячий «конь»,  
По противнику впервой ведут огонь.  
Беспилотник «дал» картинку с высоты:  
Колобками мы всей ротой в пути:  
Броник, каска, за спиной автомат,  
На «ремнях» запас патронов и гранат.

Припев:

А на памяти всегда бумажный змей,  
Даль зелёная распахнутых полей,  
И летим мы с босоногою мечтой,  
Очарованы небесной синевой.  
3. Килограммов пятьдесят сейчас на мне,  
Эта ноша не переменна на войне,  
По приказу мы штурмуем высоту,  
Бой закончится и вспомним про мечту.  
Вот опять встаёт кровавая заря,  
Дроны вышли на охоту, на поля,  
Разминуться надо с ними на пути,  
В них глаза чужие могут нас найти.

Припев:

А в минуты тишины опять: «Сынок...»  
Это мама приглашает на пирог...  
Расстиляется по дому синева,  
Только в ней улыбка мамина видна.  
Когда.

Затянула, затянула синева... / 2 раза.

## Донбасс – из стали

1. Мы дней не помним, кругом руины,  
Нацист стреляет фугасом в спины,  
Нас артобстрелы совсем достали,  
Но наш характер из прочной стали.  
Мы не отступим и драться сможем,  
Вся сила в правде, Господь поможет.  
Нужна победа, чтоб не скитаться,  
С Россией будем объединяться.

Припев:

Сейчас мы здесь,  
А там они...  
В разрывах тонут  
Все наши дни.

Воюем так, чтоб все узнали:

Донбасс стоит, Донбасс – из стали.

2. В войне с фашизмом жестокости нравы,  
Мы всё пройдем, в бою мы правы,  
Фашистов сломим, как в Сталинграде,  
Не привыкать им сидеть в осаде.  
Сейчас нас мало, в боях сурово,  
Ты, брат, запомни простое слово,  
Дороже нет нам своей Отчизны,  
Потомки скажут без укоризны.

Припев:

Мы в ополченцы не спим ночами,  
А дроны кружат весь день над нами,  
Не утихает здесь кононада,  
Но с верой твёрдо держаться надо.

Припев.

## Звездой сиявший на Земле

Торбокову Степану  
посвящается

Он жил средь нас, вставал с зарёю  
И за судьбу свою радел,  
Писал по-шорски, и порою  
Казалось, он один прозрел.  
Повествовал, что горы – люди,  
И век их тоже измерим,  
Дыханье их идёт повсюду,  
И мы живём в согласье с ним.  
Взмывал с маралом в поднебесье,  
Скользил по кромке ледяной,  
И предков зов услышав песней,  
Кай-комусом взрывал покой.  
Писал он просто, всем на диво,  
Тажёжный восхваляя быт,  
И глас его звучал красиво,  
И до сих пор он не забыт...  
Закончились, увя, творения  
И жизненный прервался путь...  
Но все его стихотворения  
В душе у нас нашли приют.

## Судьбинушка

1. Я по полной выпил чашу горя,  
Я затравлен, как бездомный пёс,  
По сугробам брёл, с судьбою споря,  
По полям бродил один в мороз.  
Рвал одежду, уходя лесами,  
И порой не знал куда идти,  
Изъяснялся матерно словами,  
Кто встречался на моём пути.

Припев:

Вот она, судьбинушка моя,  
Лезет лихо с горем за края,  
Ветер перемен рубаху реёт –  
Значит, в этой жизни повезёт.  
2. Я теперь подранок – это ясно,  
Промелькнул в глазах прошедший путь,  
У кого-то в жизни всё прекрасно,  
У меня прекрасного чуть-чуть.  
Горечь поднялась до пьедестала,  
Кто-то стал мне волю диктовать:  
Сделай меч из мирного орала –  
Выбор сделан – будем воевать.

Проигрыш:

Быть может, так было  
В каком-то рассказе...  
И счастье пропало  
В дешёвом экстазе.  
Вся жизнь лишь мгновеньем,  
Как вспышка во мраке...  
А зло повсеместно  
Стремится к атаке.

Припев.

## Малиновские зори

1. Сияют нежно зори над горами  
Алмазной пылью, вспыхнув над ручьём.  
Растаяло в них детство вместе с нами,  
Ушёл куда-то в дымку отчий дом.  
Малиновские зори вспоминая,  
Я босиком шагаю по траве...  
Малиновские зори – ширь без края  
И поступи проживших на земле.

Припев:

Мы здесь с тобой родились,  
Мы здесь с тобой живём,  
Мы здесь душою слились  
С Малиновкой вдвоём...  
Она от бед хранила,  
В чужбину не звала

И каждого любила,  
И каждого ждала.

2. Малиновкою с детства мы согреты,  
Малиновки тепло всегда храним...  
По всей стране Малиновки есть где-то,  
Но лишь одной мы в жизни дорожим.  
Она учила понимать свободу,  
Пронизанная верностью в любви...  
Встречала нас в любую непогоду,  
Грустила, когда кто-то был вдали.  
Припев.  
Малиновские зори над горами,  
Малиновские зори над ручьём...  
Малиновские зори – детство с нами,  
Малиновские зори – отчий дом.

## Молитва

1. Пыль дорожная клубится,  
Вспоминается станица.  
Укрыльца – отец и мать,  
Вышли сына провожать.  
На войну ушёл сынок.  
Лезет лихо на порог.  
Но молитву шепчет мать,  
Веру в Бога не сломать.

Припев:

А ты лети, мой конь лихой,  
По дороге фронтовой.  
Не сломать казачью стать,  
Да вот коня бы не загнать.  
2. Казаки стоят рядами,  
Скоро бой начнут с врагами,  
А в глазах – старушка-мать,  
И волнения не унять.  
Вот взметнулись шашки овсы,  
Насмерть в том бою сошлись,  
Но молитва сберегла...  
Мать сыночка обняла.  
Припев:  
А ты лети, мой конь лихой,  
Ждёт вдали наш дом родной.  
Ждёт отец, старушка-мать,  
Мы за них шли воевать

## Небольшой городок

1. Городок наш небольшой, небольшой,  
Подпоясанный спокойной рекой,  
Утопает весь в вишнёвых садах,  
В них поёт о чём-то весело птах.

Припев:

А вокруг таёжный край,  
Хоть Вселенную теряй,  
Кедрачи стоят в тиши,  
Рвутся в небо из глуши.  
Где-то рядом, не вдали,  
В недрах светят фонари,  
Угаль чёрною рекой  
Выдаёт шахтёр простой.

2. Чередой идут года, целый век,  
В них песчинкою творит человек,  
И его творенья всюду видны,  
Повсеместно нам дома созданы.

Припев.

3. Я люблю наш небольшой городок,  
Он расцвёл будто майский цветок,  
Мне хотелось бы его украшать,  
Чтоб в Кузбассе бриллиантом сиять.

Припев.

## О малой Родине

1. Расцвела черёмуха,  
Выбелив кругом.  
В этом свежем облаке

Вижу отчий дом.  
Деревица-невестушки  
Сквозь фату глядят,  
Но хочу я отыскать  
Только мамин взгляд.  
2. Кинолентой крутится  
Быль далёких лет,  
Как просил родителей  
Взять велосипед.  
До педалей чуть достав,  
Ехал как-нибудь...  
Пыль дорожную глотал,  
Ветер бился в грудь.  
3. Год за годом стая птиц  
Унесла рассвет,  
Развернуть бы всё назад,  
В бурю юных лет.  
Напролом с волнением,  
Чтобы биться в кровь...  
И благословение –  
Возродить любовь.  
4. Голос детства слышится  
Где-то там, вдали,  
Из тумана прошлого,  
С маленькой земли...  
Вот и снова встретились –  
Не в последний раз!  
И росинки нежные  
В уголочках глаз.

## Отчего так

Отчего так грустно и печально,  
Нет восторга от былых утех...  
И как будто прошлогодний, дальний  
Принимаю женщин свежий смех.  
Для меня он колокол набата  
И куда-то, как всегда, зовёт...  
Только вот тоска грызёт, ребята,  
И заснуть ночами не даёт.  
Что же так мою тревожит душу?  
Почему разламывает грусть?  
Я ответа до сих пор не слышу:  
И не надо... И не надо... Пусть.  
Видно, я чего-то не добился  
И не сделал то, что я умел...  
Но я перед злобой не сломился,  
И покорность – нет, не мой удел.  
Значит так: лукавить не умею  
И помпезность вовсе не люблю...  
То, что эмигрантом в жизни плею,  
Яственно уже осознаю.  
Будет лучше? Этого не знаю,  
Лишь тошнит от всех пустых речей...  
Я в обнимку с Родиной страдаю  
И слезинки нет с сухих очей.

## Тёплому Ключу

Нас встретил Ключ, признав собрата,  
И обнял тёплой волной.  
Мы подружались с ним когда-то,  
Он стал с годами нам родной.  
Рассвет, закат и днём, и ночью,  
Он всем из недр тепло несёт  
И торопливою походкой  
Целебность вод нам отдаёт.  
Я от него восторг питаю,  
Он... самый скромный друг родной.  
И если надо, точно знаю,  
За нас он – каменной стеной.  
Что ж, друг, назавтра расставанье,  
Ты не грусти, придёт пора...  
Пусть окропит нас на прощанье  
Твоя волшебная вода.



## Владимир НЕУНЫВАХИН

Владимир Максимович Неунывахин – член Союза писателей России, заслуженный сотрудник уголовно-исполнительной системы РФ, новокузнецкий писатель и журналист. Родился 20 августа 1938 года в городе Иркутске в крестьянской семье. В 1939 году семья переехала в город Сталинск, в посёлок Абагур-Лесной.

В. М. Неунывахин – автор 3 сборников рассказов.

«Желание объединить, собрать в одну книгу все юмористические рассказы, зарисовки и эпизодики из жизни, разбросанные по ранее изданным сборникам, а также наброски в черновиках, жадавшие своего часа, возникло давно. Но всё как-то не доходило руки, а желание росло, пока не переросло в творческий зуд. Всё отложил и принялся за реализацию задумки.

Так родилась эта книжка с названием «Смелость, право, не грешно». Ещё в далёкой туманной юности это крылатое выражение я впервые прочитал у Николая Михайловича Карамзина, и оно мне так залало в душу, что стало постоянным моим спутником в жизни, а когда возник вопрос о выборе названия нового сборника, я тут же вспомнил крылатый афоризм Карамзина. А соответствует ли содержание книги её названию – судить тебе, мой дорогой читатель».

Владимир Неунывахин.

## Цена верности

Я давно мечтал посетить места моего раннего детства, где жили бабушка с мамой, где несчастлива сложилась замужняя жизнь матери и где я, делая первые шаги, познавал окружающий мир.

Сегодня нет в живых моих предков и уже не существуют в природе таёжные деревушки Силинск, Бурановск, Первомайск, Антроп, Байгазентол и другие, что во множестве были разбросаны по берегам ручьёв и речушек кузбасской тайги, граничащей со степями Алтайского края.

Дворов в этих поселениях было не так уж много, но из-за многолетних семей жителей насчитывалось порядочно.

Подкосила деревушки война с фашистской Германией. Практически каждая семья потеряла кого-то из мужчин, а то и всю мужскую опору – кормильца и старших сыновей. Почти на треть обезлюдели деревушки.

Это и стало началом исхода таёжного люда из родного гнезда, началом упадка и гибели поселений. Молодёжь всеми правдами и неправдами стремилась покинуть маленькие колхозики и зацепиться в ближайших городах.

Парни, уходя в армию, в отчий дом, как правило, не возвращались, вербовались после службы на стройки или оставались на сверхсрочную. Девки под всевозможными предлогами уезжали в город или район на учёбу и изо всех сил старались выскочить там замуж.

Родительский дом пустел. А старики, дряхлея и завершая свой жизненный путь, в лучшем случае находили приют в семьях своих городских чад, но, в основном, обретали вечный покой на деревенском погосте под сенью вековых деревьев.

И вот нет больше моих милых деревушек Бурановска и Силинска. Сегодня на их месте, вероятнее всего, поднялся молодой пихтач и березняк, и наверняка не найти быв-

ших околиц, где любила собираться молодёжь на вечерках, азартно отплясывала под трёхрядку и балалайку «Подгорную» и подначивала друг друга задиристыми частушками.

Казалось бы, ну что особенного в том, что прекратили своё существование какие-то деревушки?

Ну исчезли и исчезли – мало ли их по России стёрто историей за последние десятилетия?

Много. Сотни... А вот Бурановск почему-то жалко особенно, ведь это моя родина, где прошла начальная стадия моей жизни, отчасти печальная. Там я учился произносить первые слова и делать первые шаги, там я стал безотцовщиной при живом отце.

Очень запомнилось тогдашнее сосущее чувство голода: мы с двухлетним братишкой постоянно хотели есть и непрерывно просили чего-нибудь поесть у зарёванной матери. Но об этом я уже рассказывал в предыдущих произведениях.

Как сейчас вижу крутой подъём в гору сразу же за дедовым огородом. Тропка от перелаза карабкалась вверх, виляя из стороны в сторону к вершине, где упиралась в стену начинающейся тайги.

Эта полоса леса снизу казалась непроницаемо чёрной и почему-то жутковатой: за ней мне представлялся край света, а край всегда вызывал опасение. От перелаза на задах убежала ещё одна тропка. Она шла низом вдоль подошвы горы и, попетляв среди кустов, вскоре взбегала на соседний, более пологий склон, где начинался смешанный лес, постепенно переходящий в замшелую тайгу.

А там, где-то на полпути к Силинску, были дедовы покосы – небольшие луговины, на которых иной год вымахивала травица чуть ли не по грудь мужику нехилого телосложения.

Когда я подросток и жил с матерью в пригороде Сталинска, почти каждое лето приезжал к дедам по-

гостить на каникулы и частенько бегал по этой тропке, но в дебри урмана забираться побаивался, помнил наказания старших о том, что тайга не любит безалаберных людей и жестоко наказывает за малейшую оплошность, особенно маленьких детей, не умеющих ориентироваться в лесу.

И все же, несмотря на страхи перед угрюмой чащобой, я облазил все окрестности вокруг Бурановска.

Любовь к природе и жажда постигнуть все её секреты как магнитом тянули меня под сень деревьев на берег Кондомы, что протекала в трёх километрах от околицы.

Ни на шаг не отступая от тропки и запоминая все приметки пройденного пути, я забирался довольно далеко (по детским меркам) в тайгу, и так, шаг за шагом, научился ориентироваться на местности.

Конечно, в постижении природных тайн большую помощь оказывал дедуля, но и сам я своим умишком постигал многое, закрепляя увиденное сведениями из книжек писателей-натуралистов, в первую очередь, Виталия Бианки, местного автора-шорца Сафрона Тотыша и многих других, открывших мне глаза на окружающий мир.

Изучая окрестности, даже вблизи деревенской околицы я постоянно спугивал во множестве выводки рябчиков, которые далеко не разлетались и, едва я удалялся, вновь собирались семейками вместе. Многочисленность рябчиков и другой дичи вокруг деревни – результат того, что на них почти никто не охотился.

Никогда не забуду, как будучи пацанёнком впервые в жизни попытался поохотиться на рябчиков и при подготовке к охоте так иззубрил дедов плотницкий топор, что того чуть кондратий не хватил.

Изобилие дичи, красота окружающих мест так запали мне в душу, что до сих пор тоскую по тем тропкам, по которым с опаской делал первые вылазки в тайгу.

За последние сорок лет я предпринимал неоднократные попытки побывать в тех местах, и все они были неудачными: находились какие-то причины, препятствующие претворению задуманного в жизнь.

Одна из них мне запомнилась особенно.

Братишка Анатолий в отличие от меня, страстного поклонника охоты, предпочитал рыбалку и этим был весь в отца – моего отчима, который свой отдых посвящал только ужению рыбы. Ему доставляло огромное удовольствие посидеть с удочками на берегу озера или речки, созерцая подрагивающие поплавки на водной глади.

Случалось, братишка ещё по малолетству хаживал со мной потропить зайчишек или посидеть в скрадке, подманивая перелётных уток к чучелам, однако охотой так и не заразился.

И вот, рассказывая о своей родине детства, я однажды предложил Толяну составить компанию и пройтись пешочком по таёжным деревушкам, где когда-то жили наши предки по линии матери, полюбоваться красотой тамошних мест и погонять непуганые выводки рябчиков.

Братишка охотно согласился, благо, до начала занятий в школе оставалась ещё неделя, а у меня накопилось несколько отгулов. И мы начали спешно собираться в дорогу, планируя вернуться домой из тайги через два-три дня.

Узнав о наших сборах, «на хвост упал» племянш жены – Иван Бедарев, только что вернувшийся со службы в Морфлоте, где отдубасил четыре года в подводниках. Перед трудоустройством на гражданке отдыхал, разъезжая по гостям, опух от пьянок и, устав от них, попросился в компаньоны:

– Братушки-ребятушки, спасайте. Охренел от закидона, в крови уже один алкоголь. Возьмите с собой.



Может, таежный воздух поможет оклематься. Понимаете, отказаться не могу, то одни в гости зовут, то другие, а мотор уже через раз стучит...

А мы с Толяном даже рады: втроем-то всё веселее, да и груз, раскидав по трём рюкзакам, не особо плечи натрёт. В общем, компания сформировалась.

Поезд «Новокузнецк – Таштагол» на девятый разъезд прибывал в очень неудобное время, на рассвете: самый сон, а тут вскакивай и, похватав вещички, бегом в тамбур, на выход.

Из-за отсутствия платформы сгнать с подножки вагона на землю приходилось с порядочной высоты: мужикам-то ладно, не впервой, а вот женщинам жутковато, причем раздумывать некогда – стоянка всего минута.

Таким образом мы и выгружались. Спрыгнули, и поезд уполз за поворот, в таежный сумрак.

Утренняя свежесть прогнала остатки сна, и мы, поживаясь, провели беглую ревизию рюкзаков, ощупали кармашки – не забыли ли чего впопыхах в вагоне. Вроде, всё на месте.

Небо, сменив ночное покрывало из чёрного бархата в блёстках, налилось голубизной и бездонностью. Редкие перистые облачка, ползущие над горизонтом, окрасились в розовый цвет.

Солнце ещё не выкарабкалось из-за щетинистой гряды сопок, но уже чувствовалось – его лучи вот-вот брызнут во все стороны, устремятся в расщелины и распадки, к подошвам гор, вытесняя отовсюду остатки рассветной синевы и провозглашая тем самым начало очередного дня на земле.

Я помог спутникам вскинуть рюкзаки за спину, поправил лямки и разгладил складки на плечах – не дай бог, случится натёртость в дороге.

– Ну, веди нас, Сусанин, – попытался схохмить Иван, – мы готовы заблудиться и сгинуть в таежных дебрях.

– Ну и шуточки у тебя, – скривился Толька, поворачиваясь ко мне, – братан, в какую сторону двинем и сколько до ближайшей деревни?

– Пройдём немного по ходу поезда вдоль полотна и свернём вправо на просёлочную дорогу. Когда-то по ней ездили на подводах. Думаю, она сохранилась. А до Байгазенгола верст десять-одиннадцать. По утреннему холодку дошагаем быстро. Там отдохнём и позавтракаем. А дальше будет Каз, от Байгазенгола километрах в восьми.

И мы тронулись в путь. Просёлочная дорога, когда-то хорошо накапанная, оказалась заброшенной и изрядно заросшей мелким кустарником. Настилы в заболоченных местах сгнили и стали труднопрохо-

димыми. К тому же прошедший накануне дождь залил бывшие выбоины и низины, и нам, обходя эти лужи и болотины, приходилось буквально продирается через чащобу, теряя силы и время на каждом отклонении в сторону.

Ещё большим препятствием оказались рухнувшие деревья, особенно когда поднялись на водораздел. Валёжника столько навало поперёк дороги, что мы, переползая через него, вспоминали недобрым словом всю нечистую силу и её родственников в аду вплоть до десятого колена.

В результате вымотались и ухлопали на переход вместо двух почти три часа. Уже спускаясь с горы к околице Байгазенгола, Иван пробурчал в никуда:

– Ни хрена себе... Десять кмэ... Знал бы, ни в жизнь не подписался бы...

– Чего, чего? – не понял я.

– Да я сам с собой, – отвернулся племян.

Первые же дома с провалившимися крышами и пустыми глазницами окон повергли в уныние. Деревня оказалась вымершей. Только ближе к дороге, что сбегала с крутого склона, заросшего густым пихтачом, три избы оказались более-менее в приличном состоянии. Обследовав их, пришли к выводу: в них в течение лета жили пастухи и доярки.

Видимо, ближайший колхоз (из Калар или Базанчи) организовал на байгазенгольских полях и сенокосных угодьях выпас своего дойного стада и молодняка животноводческой фермы.

Покинули стан пастухи, как мы поняли, совсем недавно, о чём свидетельствовали чуть подвядшая свежескошенная трава на лежанках и не успевшая зачерстветь краюшка хлеба, оставшаяся после их обеда на импровизированном столе у запялённого окна.

Не засохли ещё и телячьи лепехи в загоне из жердей на задах одного из домов, куда загонялся на ночь молодой.

Решаем отдохнуть на бывшем стане пастухов.

– Готовьте завтрак, а я пробегусь по деревне. Когда-то я здесь ночевал. Хорошая была деревушка, – роняю я и направляюсь к перелазу.

– Вовк, слышь, – окликнул Толян, – а что означает название «Байгазенгол»? На каком оно языке?

– По-моему, это шорское название. Что оно означает, точно не скажу, но кажется, что-то связано с берёзами: толи «много берёз», толи «берёзовый лес»... В общем, Берёзовка. Кстати, и речка, на берегу которой стоит деревня, тоже называется Байгазенгол, и впадает она в нашу Кондому.

– Здесь что, одни шорцы жили? – встрял Иван.

– Были и шорцы, но в основном – русские.

...Озираясь по сторонам, медленно бреду по бывшей и единственной улице деревушки.

Тоска и запустение.

Улицы как таковой уже нет: исчезли по сторонам заборы из жердей и плетни с перелазами, на их месте кое-где торчат покосившиеся колья и почерневшие от времени столбики.

Проезжая часть, тропки к бывшим дворам затоптаны копытами коров – не улица, а сплошная полоса исковерканной и загаженной коровьим помётом земли.

Здесь пастухи всё лето гоняли своё стадо к речке на водопой и к месту дойки.

Вместо изб – полусгнившие развалины, осевшие и покосившиеся срубы с остатками провалившихся крыш, заросшие кучи из почерневших досок, тесин и брёвен.

В некоторых дворах на месте домов – густая, выше человеческого роста, крапива, вперемежку с кустами шиповника и дикой малины.

По всей вероятности, эти дома хозяева разобрали и, промаркировав венцы, увезли в соседние деревни, где ещё теплилась жизнь, обосновались там, доживая свой век.

Мрачную картину покинутости дополняли заросли одичавшей растительности в бывших палисадниках, где когда-то, благоухая, цвели черёмуха и рябина. Их кусты утонули в высоченном чертополохе, расплозились и поникли до самой земли, коровы и телята по пути на водопой обжевали листву и обломали нижние ветки.

Взирая на запустение окружающего ландшафта, где когда-то трепетала и пульсировала жизнь, испытываю шемящее чувство, будто оказался на кладбище и неожиданно споткнулся, потрясённый, натолкнувшись на могилу давнего знакомого, которого хорошо знал, уважал, считал живым и здравствующим, и вдруг... его нет.

И что-то начинает давить на плечи, а в душе смятение, переходящее в шемящее чувство тоски и невосполнимой утраты.

Не заметил, как оказался на окраине Байгазенгола у развалин избы молодой разбитной женщины, у которой будучи в переходном возрасте однажды ночевал.

Мне было почти шестнадцать лет, и в то лето я вновь приехал в таежный Бурановск к деду с бабушкой, а от них на несколько дней перебрался в Силинск к отцу, в новой семье которого жил мой младший братишка, и, если бы не он, ни за что не согласился бы посещать их дом.

И вот однажды отец уехал в командировку в Таштагол на какой-то семинар председателей местных колхозов, коим он и являлся.

Через два дня позвонил и попросил пригнать осёдланную лошадь на станцию Калары к приходу поезда. И так получилось, что гнать лошадь пришлось мне.

Наездник я был никудышный, и пока добрался, солнце склонилось к закату, а главное, опоздал к приходу поезда минут на пятнадцать. Отец хмуро встретил у платформы и, сев в седло, буркнул:

– Ты... это... До темноты до Байгазенгола дойдёшь. Там заночуешь у кого-нибудь, а утром до Силинска добежишь, – и хлестнул жеребца плёткой по крупу, отчего тот рванулся и, несмотря на солидный вес седока, пошёл намётом.

Я ошарашенно смотрел ему вслед, чувствуя, как глаза наполняются слезами и в душе поднимается обида.

Было очень горько.

Как он мог бросить пацана на таёжном полустанке за сорок вёрст от дома на ночь глядя?

Он же мой отец. Почему не посадил на лошадь сзади или впереди себя? Лошади тяжело? Но до первой деревушки ничего бы не случилось. Устроил бы на постой к кому-нибудь из деревенских, его же все в округе хорошо знают...

И будто почувствовав спиной мой обжигающий взгляд, отец вдруг осадил коня, развернулся и подъехал. Достал бумажник, вынул трёшку и, нагнувшись, протянул мне мятую купюру:

– На, купишь в деревне чего-нибудь поесть, – и вскоре скрылся за деревьями, стиснувшими лесную дорогу с обеих сторон.

Уже в сумерках я спускался к Байгазенголу. Обошел несколько дворов. Хозяева и рады бы пустить на ночлег, да некуда – своей ребятни полон дом. Одна женщина посоветовала:

– Пройди, парень, в конец улицы. Там в небольшеньком домишке живет одинокая женщина. Зовут её Клавдией. Думаю, она не откажет в ночлеге.

Клавдия оказалась довольно молодой, с приятным лицом и доброй улыбкой. Оглядев меня, заинтересовалась, кто меня направил к ней, и, выслушав сбивчивое объяснение, вздохнула:

– Это моя бывшая свекруха. Сын её – мой бывший муженёк, в районе сейчас живёт, подженился. Сюда носа не кажет. Свекровка осуждает его, а мне-то что с того?.. – и резко сменила тему разговора. – Места не жалко. Ночуй. Только на полу спать придётся. Хотя летней душной ночью в самый раз спать на полу. Я сама спасаюсь там же.



Взяв трояк, Клавдия сходила к соседям, принесла банку сметаны, с десяток яиц и кусок сала.

Отварила в чугушке картошку в мундире, поджарила на сале глазунью и пригласила к столу. Нарезая хлеб и пронзительно глядя мне в глаза, спросила:

— Тебе сколько стукнуло?

Краснея от смущения до кончиков волос, соврал внаглую:

— Скоро восемнадцать...

Клавдия недоверчиво хмыкнула.

— Бражки налить?

Я кивнул, боясь встретиться взглядом с насмешливыми глазами хозяйки.

Стакан крепкой бражки, настоянной на табаке, как обухом долбанул по башке, затуманил сознание. Через несколько минут я почти ничего не соображал.

До сих пор смутно помню, о чём мы разговаривали с Клавдией, почему она смеялась, заглядывая мне в лицо. Потом она постелила постели, бросив матрасы на пол: себе в одном углу крохотной и единственной комнатёнки, мне — в другом.

Ткнувшись пьяной мордой в подушку, я тут же провалился в чёрную бездну.

Проснулся от жуткой головной боли (проклятая вытяжка из табака!) и сухости во рту, будто там ночью жгли костер, и от жара всё внутри ссохлось и потрескалось.

За окном было уже светло — проспал спяну.

Клавдии в избе не было, была убрана и её постель.

Постанывая, с трудом поднялся и, пошатываясь, добрался до ведра с водой в сенях, зачерпнул ковш и не оторвался, пока не выпил всё до капли. Чуть полегчало.

Вышел на крылечко. Навстречу Клавдия.

— Проснулся? Давай солью, умоешься, — и, щедро сливая воду из ковша на шею и гудящую голову, продолжила, — по комплекции ты вроде и ничего... крепенький парень, а на поверку хлипеньким оказался. Стакан браги выпил и скowyрнулся. А ещё пытался в любви объясняться... Подушки коснулся и отрубился...

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. И через десять минут, стыдливо пряча глаза, торопливо попрощался, побрёл прочь, проклиная себя в душе за ложь и выпендрёж перед молодой симпатичной женщиной.

Так впервые в жизни я по дурости попробовал спиртное в виде домашней браги и чуть не стал ловеласом в неполные шестнадцать лет... До сих пор на душе какое-то стыдливо-конфузное ощущение.

...Анатолий с Иваном встретили меня упреками:

— Ты чего так долго? Жрать до жути хочется.

— Воспоминания нахлынули...

Уминая скромную снедь, прихватившую с собой, я рассказал парникам, что видел, шастая по брошенной деревне, и вскользь упомянул о давнем ночлеге у молодой Клавдии, которая жила у околицы, и, заканчивая трапезу, предупредил парней:

— Рассиживаться, мужики, некогда. Через полчаса двинем. До Каза дойдём, там пообедаем. Что-нибудь купим из еды в магазине и — в Первомайск, от которого до Бурановска рукой подать.

— Слушай, Владимир, а, может, останемся здесь, поживём пару деньков, поохотимся? — завёл неожиданный разговор Иван. — Смотри, какой пихтач по этому склону и березняк на противоположной стороне от деревни. Кстати, неплохое жильё оставили пастухи. Думаю, и здесь рябчиков не меньше, чем в твоём Бурановске.

— Ты чего? — опешил я. — Мы же договорились, что идем до Бурановска. И дело совсем не в рябчиках, дело в деревне, с которой связаны многие воспоминания о детстве и близких. Что случилось?

— На ногу он жалуется, — подал голос брательник.

— Ты что, серьёзно? — воззрился я на Ивана. — Что с ногой?

— Да черт её знает. Чё-то заныла. Я ведь не в пехоте служил и не участвовал в марш-бросках, а тут такие препятствия...

— Ну и что, совсем идти не можешь?

— Отдохнул, и вроде прошло...

— Тогда зачем речь о прекращении похода?

— Думал, и вы устали...

Из Байгазенгола пошли верхней дорогой по водоразделу. По берегу одноимённой речки было дальше, да и бывшая тропа, куда, сунувшись, мы убедились, изрядно подзаросла, хотя и горой идти было не легче: поваленных деревьев оказалось дофига и больше. К тому же я надеялся погонять в пути в пихтаче выводки рябчиков.

Но, увы, они, видимо, разлетелись до нашего появления.

Поселок Каз, в прошлом самый многолюдный в округе, встретил нас, как и покинутая шорская деревушка, запустением и каким-то едва уловимым запахом кладбищенского тления.

Только в центре обнаружили несколько обитаемых дворов. Здесь же оказался и магазин, когда-то шикарное рубленое здание, сегодня осевшее и заметно покосившееся на одну сторону.

Крыльцо прогнило и могло оказаться хорошей ловушкой для неосторожных, особенно для их хруп-

ких ног. Дверь сельпо перечеркнула по диагонали металлическая щеколда, в петле которой висел огромный амбарный замок.

— Мужики, подождите меня здесь, — скидывая рюкзак на скамейку у крыльца сельпо, приказал я брательнику и племяншу, — вон, во дворе напротив кто-то копошится. Пойду узнаю, где живёт продавец и договорюсь о покупке продуктов.

Иван, охнув, плюхнулся на скамейку. На его лицо было жалко смотреть — сплошная гримаса боли.

— Здравствуйте, — окликнул я, останавливаясь у калитки, женщину в халате, развешивающую на веревке стиранное бельё, — можно вас на минутку?

Женщина, вытирая руки о полу халата, торопливо подошла. Было ей не более пятидесяти. Запоминались скуластое монголоидное лицо и узкий разрез черных глаз. Поздоровалась:

— И вам доброго здоровья.

— Извините, не подскажете, где найти заведующую магазином?

— Я заведующая.

— Отлично! Мы хотели бы купить кое-какие продукты и у кого-нибудь свежих овощей: огурчиков там, помидорчиков, лучку зеленого, ну и литра два молочка.

— Зелень и молоко я сама вам могу продать, а насчёт продуктов — подождите у магазина. Я сейчас переоденусь и подойду.

Складывая покупки в рюкзак, я вновь завёл разговор с женщиной-завмагом:

— Что случилось с вашей деревней? Лет пятнадцать назад я был здесь, а сегодня не узнал, будто выкосили посёлок.

— А чего удивляться? Заработки в колхозе всегда были мизерные. Молодёжь и разбежалась, а старики постепенно вымирают, редко кого дети к себе в город забирают. Оставшихся по пальцам пересчитаете на одной руке, вторая не потребуется. Чем люди живут? А тем, что на огороде вырастят. Вещи покупаем: кто мёд продаст, кто животину на мясо... А вы туристы, что ли?

Узнав, куда идём, удивилась:

— Слышала, слышала о ваших стариках, живших в Бурановске. Так и этой деревушки уже нет. Её постигла та же участь, что и все деревни в округе.

— Доходили слухи, — вздохнул я, — а теперь и своими глазами увидел. И всё равно хочется побывать в тех местах. Это же родина...

— Извините, — после некоторого молчания я вновь обращаюсь к женщине, — не подскажете, где можно остановиться, пообедать и, возможно, заночевать?

— Да в любом пустующем доме, мало-мальски пригодном для жилья. Ну хотя бы в домике деда Са-

велия. Это по улице влево от магазина, по-моему, двенадцатый двор по счету отсюда и тоже по левой стороне. Его жена, бабка Прасковья, умерла в прошлом году. Дед затосковал, зиму проболел, а весной его забрал к себе сын, живущий в Осинниках.

Домик деда Савелия и в самом деле оказался в приличном состоянии, даже стёкла в окнах не были выбиты.

О заброшенности усадьбы свидетельствовала заполонившая все вокруг густая, по пояс, трава. Она буйно разрослась в огороде и палисаднике, густо оплела штакетник, калитку и даже крылечко с простенькими перильцами.

Входная дверь была закрыта на щеколду, в скобе которой торчала щепка. Прежде чем войти, мы вытоптали и выдрали с корнями траву, стеной выросшую вдоль завалинок и застившую свет в окнах.

Внутри домика оказалось всего две комнатки: прихожая, она же, видимо, служила хозяевам и кухней, рядом через дощатый простенок — спальня, почти таких же размеров, что и прихожая. В ней стояли две кровати с панцирными сетками, а на окнах даже сохранились пыльные выбитые занавески. Здесь же, в углу, приткнулась примитивная этажерка, изготовленная когда-то не слишком квалифицированным столяром, скорее всего, самим дедом Савелием. Дверцы её тумбочки были распахнуты. На полу вокруг, на полочках этажерки валялись старые поздравительные открытки, конверты, газетные и журнальные вырезки, исписанные тетрадные листки и другие бумажки. На кухне кроме небольшой печки-«голландки» у окна стояли обеденный стол и две табуретки.

Этим и завершалась внутренняя обстановка покинутого домика.

Едва войдя, Иван, постанывая и заметно прихрамывая, доплёлся до одной из кроватей и повалился на панцирную сетку.

— Всё, мужики! Я дальше никуда. Лучше пристрелите.

— Ты, я смотрю, совсем расписался, — сочувственно наклонился к нему Толян.

— Пить надо меньше, — с некоторым сарказмом бросил я, — это всё водочка виновата, она, проклятая, наружу вылезает. Сейчас опохмелится — и всё пройдёт.

— Навряд ли, — вяло отмахнулся Иван.

— Ну посмотрим. Если что, останемся здесь ночевать.

Я взялся за приготовление обеда. Братишка, заинтересовавшись газетными вырезками и открытками, собрал их в кучу и принялся просматривать. И вдруг расхохотался.



— Ты чего?

— Вот послушай, какое интересное письмо прислал деду внук:

«Здравствуй, милый дедушка. Привет тебе от папы, мамы, нашего Петьки и меня. Здоровье у нас хорошее. Мы с Петькой учимся на четвёрки и тройки. Дедушка, то письмо, в котором ты просил деньги, мы не получили...», — Толян опять прыснул.

Я грустно глянул на брата:

— Ничего не вижу смешного.

— Ну как же? Это же почти анекдот.

— Грустный анекдот. Пацанёнок под диктовку мамы писал. И что тут смешного?

— У-у-у... Ты просто не в настроении, и тебе не до юмора.

Не успели мы сесть за стол и налить по граммулке, как за окном, в дебрях разросшейся травы, вдруг раздалось надрывное:

— М-я-я-у-у...

Мы аж вздрогнули.

— Что за чёрт?! Откуда она взялась?

— Это, наверное, бывших хозяев кошка, — высказал я предположение, — услышала, что кто-то в доме появился и прибежала. Наверное, жрать хочет. Покормить надо.

Братишка распахнул створки окна, позвал, высунувшись:

— Кис-кис, кис-кис!

Не тут-то было.

Кошка метнулась в глубь палисадниковых зарослей и вскоре заорала ещё жалобнее у крылечка. Её мяуканье рвало душу и вызывало необъяснимое чувство жути.

Наши ласковые подманивания и уговоры на человеческом языке, типа: «Ну чего ты плачешь, милая? Мы не обидим, выходи к нам, не бойся», «Мы накормим тебя, напоим молочком, иди к нам» — не помогали. Кошка продолжала душевраздирающе орать то под окнами, то под полом сеней, а через минуту — уже на чердаке.

Иван начал заводиться:

— Она, стерва, меня уже достала. Дайте ружье, я пристрелю её.

— Ладно, не кипятись, — осадил я племянша и, налив молока в консервную банку, вышел на крылечко.

— Кис-кис, кис-кис...

Но кошка уже мяукала где-то в палисаднике. Спустившись по ступенькам, попытался найти место, куда бы поставить баночку с молоком.

Раздвинул траву обочь крылечка и застыл в оцепенении: у дощатой стенки, свернувшись калачиком, лежала небольшая собачонка — белая, с тёмно-коричневыми подпалинами на боках. В первое мгновение показалось, что она жива и вот-вот вскочит и залётит звонким лаем, как все деревенские дворняжки. Но, приглядевшись, понял — это иссохший труп собачонки.

Боже мой! Какой печальный конец одного из самых верных друзей человека!

Видимо, родственники, забирая деда, бросили на произвол судьбы его любимцев — кошку с собакой. Возможно, дед Савелий и пытался перед отъездом пристроить их по соседям, но те вернулись к покинутому жилищу и стали ждать его возвращения, а, возможно, больному старику и не до того было.

Кошка, конечно, осталась жива благодаря летнему теплу, изобилию мышей и другой живности, на которую успешно охотилась. А собака мышей и птичек ловить не умела, она терпеливо ждала деда, боялась отлучиться от дома даже на короткое время — вдруг он вернётся в её отсутствие, и она пропустит этот долгожданный и счастливый момент. Она сидела у крылечка и всё ждала, ждала... и слабела от голода и тоски. И умерла, так и не дождавшись любимого хозяина, который в былые времена частенько сидел с ней и Муськой на ступеньках крылечка, гладил, кормил с руки...

Она заплатила самую высокую цену за верность человеку — заплатила своей жизнью...

Судьба погибшей собачонки потрясла меня. Я сидел на ступеньках, где, возможно, всего три месяца назад сидел и дед Савелий со своими любимцами, сидел и чувствовал какую-то тяжесть в груди.

Было больно и горько, будто только что получил известие о смерти бывшего друга, было горько оттого, что нет сегодня такой верности среди людей.

Вместо любви и самопожертвования процветают ненависть, злоба, эгоизм и равнодушие, практически атрофировались чувства сострадания не только к окружающим, но и к близким. Сменились понятия: вместо «человек человеку — друг и брат» стало «человек человеку — волк».

На крыльцо выскочил Анатолий и следом, прихрамывая, Иван.

— Что случилось? Тебе плохо?

— Да, очень...

— Что-то с сердцем?

Я рассказал. И они меня поняли. Повисла гнетущая тишина, нарушаемая мяуканьем кошки.

— Надо бы похоронить, — тихо обронил братишка.

Мы ножами выкопали в палисаднике небольшое углубление и, постелив на дне траву, закопали несчастное животное. Вернувшись в дом, молча налили по несколько граммов в кружки.

— Я не могу здесь оставаться, — после некоторого молчания сказал Анатолий.

— Я тоже, — поддержал я его, — да и она, — кивнул я на окно, — не даст ночью глаз сомкнуть. Мне кажется,

она требует, чтобы мы покинули жилище её прежних хозяев...

— Но мы же ещё не отдохнули, — попытался возразить Иван.

— Сейчас четыре часа дня. Давайте вернёмся в Байгазенгол. Потихоньку до заката дойдём. Восемь километров — ерунда. А на ночь я тебе компресс из отвара крапивы и листьев подорожника сделаю. Должен помочь...

— У меня что-то с правым коленом. Наступаешь — и такая боль, — скривился Иван.

— Потерпи. Выпей пару таблеток анальгина. Здесь делать отвар и компресс — значит оставаться на ночь. Не раскисай, ты же подводник, — попробовал я надавить на психику племянша. — Не тащить же нам тебя на горбу. У Толяна силёнок не хватит, а один я не справлюсь, — и, чтобы разрядить обстановку, бросил, отвернувшись, — а будешь ныть в дороге — пристрелю...

И мы потащились. Шли медленно и долго, каждое поваленное дерево давалось с трудом, особенно Ивану: палка в роли трости мало помогала.

Не спасало и то, что весь Иванов груз мы с братишкой переложили в свои рюкзаки. За километр до деревни Иван повалился на очередной выворотень и взмолился:

— Всё, мужики, не могу. Пристрелите. Дальше не сделаю ни шагу. Нога совсем отстегнулась...

— Толик, спускайся в деревню, — повернулся я к братану, — разжигай костёр и начинай готовить ужин, а я помогу Ивану. Да, нарви листьев подорожника — его полно вдоль бывшей улицы, и крапивы в огороде и запарь в котелке.

Я взял топор и углубился в лес в поисках дерева с нужной рогатулиной, напоминающей костыль. Наконец нашел подходящую корявую берёзку.

Вернувшись на дорогу, растолкал разомлевшего Ивана на валежине.

— На, примерь, чтобы было удобно опираться подмышкой, — и, подогнав высоту костыля, подставил свое плечо. — Пошли. Опирайся крепче на меня.

Уже в сумерках, уложив Ивана на лежанку, я смочил тряпку в растворе, на неё положил слой кашицы из варенной травы из котелка и сделал повязку на припухшее колено племянша. Буквально через пять минут Иван заснул и прохрапел до восхода солнца.

Я проснулся на рассвете, который из-за плотной и низкой облачности еле-еле угадывался.

«Всё, кранты хорошей погоде. Если не с утра, то к обеду надо ждать дождя. Накрылось посещение родных мест. Придётся возвращаться».

Решаю, пока парни спят, пробежаться по ближайшему косоугору,

поросшему смешанным лесом.

Но, как подмечено, если уж не повезёт в чем-то с первых шагов — не будет толку в этом деле и до конца. Так оно и случилось с моей охотой на рябчиков. Ходил я, ходил по косоугору, весь пихтач с березняком исколесил — и всё без толку: ни один хохлатый петушок не откликнулся на мои посвистывания манком и не подлетел. А тут и дождичек заморосил, мелкий, как пыль.

Плюнул и зашагал на стан, досадуя, что не удалось сделать приятный сюрприз напарникам. А они уже ждали, Анатолий даже пошёл навстречу, увидев меня издали.

— Мы потеряли тебя. Ты почему, не сказавшись, ушёл?

— Вы же спали, а будить не хотелось.

— Мог бы с вечера предупредить.

— Да что толку. Нет дичи. Пастухи разогнали всю живность. Наверняка у них были ружья с собой, вот и браконьерили. Как Иван?

— Ты знаешь, отвар ему здорово помог, чуть не пляшет.

Иван встретил у перелаза. Рот до ушей, и чуть ли не лезет обниматься:

— Доброе утро, Владимир. Ты почему упорол без нас?

— Вы так крепко спали, хоть из пушки пали.

— А ты молодец, Максимыч. Прямо настоящий лекарь. Нога-то — будто ничего и не было, никакой боли. Спасибо, дорогой! Думал — всё! Отстегнулась напрочь! А ты её... как новую пришил... Откуда такие познания в знахарстве?

— Дед многому научил. Большой знаток был во всех делах.

За завтраком Иван продолжил разговор:

— Нога у меня в полном порядке, и я готов хоть на край света.

— Ничего не получится, парни, — вздохнул я, облизывая ложку и кладя на столешницу. — Придётся возвращаться. Смотрите, как небо затянуло, и уже накрапывает. А это надолго. Так что отложим наш поход до следующего раза. Если удасться, в следующем году сходим.

Возвращались на полустанок не спеша, часто пережидая под разлапистыми пихтами усиливающийся дождь, который налетал порывами. До отхода, вернее, прихода поезда на девятый разъезд времени было более чем достаточно, и мы не торопились.

В один из переходов Анатолий, шагая рядом, тихо обронил:

— Жаль, что не удалось побывать на родине твоего детства, — и, помолчав, неожиданно добавил, — и очень жаль собачонку...

— Не трави душу.

## Владимир ЧЕРНОУСОВ

Родился 17 февраля 1954 г. По профессии инженер-строитель.

«Поэзия – неотъемлемая часть моего сознания», – говорит он. Автор книги стихотворений «Разноцветье», издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк, 2019 г. Издавал стихи в сборниках: «Арина НН» (г. Нижний Новгород), «Серебро слов» (г. Коломна), журналах «Союз писателей» (г. Новокузнецк), «Первая книга» (г. Бузапешт), «Бригантина» (г. Абакан). В трудовой деятельности прошёл путь от бригадира до начальника строительного комплекса. Живёт в г. Новокузнецке. Готовит к изданию очередную книгу стихов «И мыслей быстрых тень».

### Блажь

Ты спрятаться хочешь в дыму сигареты,  
Уйти от насыщенных докучных проблем,  
Что сами собою найдутся ответы  
Без лишних усилий, больших перемен.  
Ничуть не жалея, окурочком бросишь  
Рассвет незадавшийся с лёгкой руки...

Когда же за блажь свою  
Ты с себя спросишь  
Табачному дыму и лжи вопреки?

### Заначка

В шкафу среди книг, за томом «Капитал»,  
Я обнаружил пачку «Беломорканал»,  
Заначку деда – метку чёрных дней  
И приговор суровый от врачей:  
«Ты, если хочешь, дед, ещё пожить –  
Бросай курить!»  
Вдохнул со знанием он вещие слова  
И дым Отечества.

В початой пачке папирос десятка два.  
Из мундштуков рассыпана труха...  
Я память бережно держу в руках,  
И горечь оседает на губах.

### Таёжный мёд

Таёжный мёд густой и тёмный, как тайга,  
Горчит, но сладок его вкус.  
Таёжный мёд – бездонные любимые глаза,  
Я в них тону, но бездны не боюсь.

За чашкой чая зимним вечерком,  
В плену игры теней и света,  
С любимой у камина мы вдвоём,  
В медовом разноцветье лета.

Мечта моя доступна и близка.  
Мне образ нежный не приснился.  
Любимый голос – полная река,  
Таёжным мёдом в воздухе пролился.

Таёжный мёд – крещенская вода,  
Я пью и пью, никак им не напьюсь.  
Таёжный мёд – святая чистота,  
Как первая любовь, берёзовая Русь.

### Камера хранения

Кто скажет мне? Я время потерял,  
Когда и где, не знаю почему.  
Как отыскать транзитный тот вокзал,  
Потерянное время чтоб вернуть?

Есть камера хранения находок,  
И где-то там, в затерянном мирке,  
Давным-давно среди забытых полок  
Сжимает время палец на курке.

Кто на вопрос даст правильный ответ,  
Потерянное время чтоб вернуть?  
Молчат друзья, не знает Интернет.  
Судьбу свою не выйдет обмануть.

### Стоят в степи глухой курганы

Стоят в степи глухой курганы,  
Тайн неразгаданных полны,  
Хранят в земле сырой колчаны  
Калёных стрел. И скакуны  
Белеют костью обречённо.  
И череп мальчика – слуги,  
В шийшак нетленный облачённый,  
Поник у царственной руки.  
Останки преданных наложниц  
Вход закрывают в мир иной.

Там ночь темна, не слышно звонниц  
И трубы не зовут на бой.  
Над царством мёртвых тенью скудной,  
В пыли по выжженной траве,  
Змея ползёт к вершинам круглым  
Из трещин в каменной земле.  
И в небе сокол плавно кружит,  
То вниз стремительно стрелой  
Он упадёт, но не нарушит  
Кургана царского покоя.

### Таёжный край

Поманила в дорогу «глубинка»,  
Там, где лес неприступной стеной,  
Лентой вьётся в предгорьях Терсинка,  
Разгоняя таёжный покой.  
Там, где травы встают под ногами,  
Укрывая зверьё с головой,  
Где цепляет сохатый рогами  
Настороженно свод голубой.  
Птичий хор налегает на ноты,  
И зелёный разносится шум...  
Хорошо на рассвете по тропам  
Прошагать пару вёрст наобум.

### Аномалия

В зарослях черёмухи нет следов войны,  
В зарослях черёмухи нету тишины.  
Потом орошённая выцвела трава.  
Ямами-воронками вспахана земля.

«Это аномалия или что ещё?» –  
Мужикам нечаянно в голову пришло.  
Где дымил кузница и пылил большак,  
Время потерялось Золушкой в кустах.

Спины гнут с лопатами, «ухают» с кайлом.  
Подбирают ржавый древний металлолом.  
На потеху, горе ли, поднялась цена.  
Разгуляй с рассвета «пашет» дотемна.

Это только присказка, сказочка потом.  
Собирать историю стали всем селом.  
Макроэкономике – взлёты и падёж,  
Баба Акулина учит молодёжь.

В разгуляй-истории Чёрная дыра.  
Знают о Китае всё, всё о США.  
О родной сторонкушке – ровно ни «шиша».  
Помогла в Всеобуче за металл цена.

### Прялка

Не дай мне, Боже, взгляд пустой  
И молвить: «Палка»,  
И отпихнуть к огню ногой  
В коростах прялку.  
Покой презренно вековой  
Не дай нарушить.  
Под ветхой краскою нагой  
Дай видеть душу,  
Как отступают по углам  
И меркнут тени,  
Как грациозен лёгкий стан  
В кудлатой пене,  
Понять преданья старины,  
Унять кручину.  
Славянской прялке нет цены.  
На то – причина.

### Чёрная рябина

Я чёрных ягод не сорву  
И любоваться не устану  
Рябиной хрупкой на снегу,  
Я на колени рядом встану.

Оставляю гнуться на ветру,  
Донашивать тугие грозди,  
Я терпких ягод не возьму  
Из счастья женского ни горсти.

Ты, утомлённая, глядишь  
По-женски, чёрная рябина,  
И ни за что себя коришь,  
Что народилась некрасива.  
Цветной и яркий мир вокруг,  
Напрасны в нём печаль и слёзы.  
И ночь бывает светлой вдруг,  
И сладок запах чёрной розы.

### Снежный плен

Давай начнём жить с чистого листа,  
Забудем суету и наши ссоры.  
Пусть будет жизнь наивна и чиста,  
Как снежный плен и в поднебесье горы.

И станут музыкой высокие снега,  
Ночным десантом облепив под крышу  
Приют двоих, и ляжет тишина  
На плечи елей, запорошит лыжи.

Мы в светлый день совместно, не спеша,  
Войдём. Друг-друга наконец услышим,  
Как стук сердец в преддверье рубежа,  
И новый алгоритм лыжней запишем.

### Верность

Он упал, лишился сил,  
Поперёк порога.  
Видно, очень так спешил  
На свиданье с Богом.  
А над ним рвала с петель,  
Бубном била двери,  
Ведьмой стылая метель,  
Лезла через щели.

Мимо ангел пролетал  
И в метели слепо  
Жизнь в душе не распознал,  
Взял с собой нелепо.  
За порог – и был таков.  
Долго выла сука  
На прощание без слов  
Не дождалась друга.

А вокруг снега, снега,  
И одна дорога.  
Кралась к дому, без стыда,  
Молча, безнадёга.  
А вокруг тайга, тайга,  
Но на сердце пусто.  
Проглядела все глаза  
Сука в небо грустно.

Приносила другу дичь.  
Грела тело телом.  
Был недвижимым Кузьмич  
В саване весь белом.  
Сорок дней без сна, одна,  
В ней надежда тлела.  
Возле друга и она,  
Как свеча, сгорела.

### Волчий диабет

Что же ты наделала,  
Девочка моя?  
И в кого ты смелая?  
Не припомню я.  
Папа – подкаблучник,  
Подкаблучник дед,  
Может, постарался



Хулиган-сосед?  
Девочки-Припевочки, слушайтесь мам.  
Взрослыми хотите стать не по годам.  
Юбочки короткие, ноженьки в лосинах.  
Очень вы торопитесь нравиться мужчинам.  
Ты сбежала от меня  
К бабушке больной.  
А в дороге к бабушке  
Лес стоит густой.  
А в лесу дремучем  
Волк хромой живёт,  
Облик безобразный  
И пустой живот.  
Девочки-Припевочки, слушайтесь мам.  
Взрослыми хотите стать не по годам.  
Юбочки короткие, ноженьки в лосинах.  
Очень вы торопитесь нравиться мужчинам.  
Разбежались зайчики,  
Рыцари-мужчины,  
Пионеры-мальчики,  
Храбрые дружины  
Бросили Припевочку.  
Волк был не у дел –  
Сахарную девочку  
Непрерменно б съел.  
Девочки-Припевочки, слушайтесь мам.  
Взрослыми хотите стать не по годам.  
Юбочки короткие, ноженьки в лосинах.  
Очень вы торопитесь нравиться мужчинам.  
Только обострился  
Через много лет  
От бродячей жизни  
Волчий диабет.  
Не бывает худо,  
Худо без добра.  
Выручило чудо,  
Вроде б ерунда.  
Девочки-Припевочки, слушайтесь мам.  
Взрослыми хотите стать не по годам.  
Юбочки короткие, ноженьки в лосинах.  
Очень вы торопитесь нравиться мужчинам.

### Нечистая сила

Когда в преддверии Потопа  
Подводной лодкою Земля  
Была, направленная роком,  
Браздит Вселенские моря,  
Велел Творец принять по паре  
На Ноем строенном ковчеге,  
Самца и самку каждой твари.  
Для каждой выделить отсек.

Но как меж ними затаилась,  
В ковчег без спросу забралась  
Нечистой масти злая сила,  
Живым безлика напасть?  
И дождалась в плавуем рае  
Исхода Страшного суда  
И в обновленном Богом крае  
Сошла на берег вновь тогда...

Ной совершил опять оплошность –  
Проляпнул бдительность, контроль,  
И стала Нечисть денно, ночью  
Свою играть привычно роль.  
Идет по миру, сея свару,  
Меняя лики, не скупясь.  
Бредёт она с молвой на пару,  
Креста и Бога не боясь.



## Николай ПОДСАДНИКОВ

Подсадников Николай Алексеевич родился в 1956 году в селе Нижний Кужебар Красноярского края. После окончания средней школы поступил в Иркутский институт иностранных языков, но прервал обучение в связи с призывом в ряды Советской Армии. Служил на Тихом океане, поступил в школу техников Военно-Морского Флота, которую окончил по специальности «техник-гидроакустик». Прослужив 34 года, вышел на пенсию и вернулся в родное село. Владеет немецким языком, разговорным английским.

Любимый поэт – Александр Твардовский.

### Если вдруг тебя снова поманит дорога

\*\*\*  
Морякам первого  
морского отряда МВД России  
посвящается

Пришла весна – матросская отрада.  
Кипит работа, жаркая пора.  
Но коль прикажет командир отряда,  
Уйдут в поход сторожевые катера.

Сорвёт тревога утренней порою  
С постели мягкой, нарушив тишину,  
И катера уйдут походным строем,  
Срывая носом буйную волну.

Волна зовёт, упругий ветер свищет,  
Жена и дети пусть ждут в родных краях.  
Моряк на суше радости не ищет,  
Он видит жизнь в походах и штормах.

Пусть не пугает качка бортовая,  
Пусть греет душу тёплая тельняшка,  
Пусть впрок пойдёт учёба боевая,  
Поддержит экипаж, коль будет тяжело.

Нам не нужны несметные богатства,  
Благословление нужно морских богов.  
Всего дороже им морское братство,  
России флаг у дальних берегов.

На гражданке часто будут сниться  
Затон и катера у пирса в ряд.  
Так будь всегда разящен десницей  
Для врагов, родной морской отряд.

**В грозном сорок первом**  
Сынам Кужебара,  
не вернувшимся с фронта

В грозном сорок первом  
первых взрывов раскаты  
Растревожили нервы посреди тишины,  
Уходили на фронт молодые ребята,  
Свои жизни сжигая в горниле войны.

Помнит дуб, обгоревший на краю поворота,  
С тяжким воем к земле самолёты неслись,  
Там, в разрывах, в дыму залегла ваша рота,  
Там фонтаны земли поднимаются ввысь.

Артналёты, бои от зари до заката,  
И нельзя различить грани света и тьмы,  
Сколько ж вынесли вы, Кужебара ребята,  
Пол-Европы очистив от фашистской чумы.

Над полем боя вдруг повисла тишина,  
Земля встряхнулась, и трава степная,  
Как будто вдалеке ушла жестокая война,  
И горечь в сердце – столько потеряли.

Им гулять бы сейчас в тишине наших улиц,  
После ратных трудов видеть мирные сны,  
Поколенья растить. Но они не вернулись,  
Крепко спят вечным сном Кужебара сыны.

Осветил монумент тёплый отблеск заката,  
Ты в молчанье замри посреди тишины.  
Свои жизни сложили Кужебара солдаты,  
Чтобы мы не познали ужас прошлой войны.

**О маме**

Когда ты с криком явись на свет,  
Ты подрастёшь и поплзёшь упрямо,  
Потом поймёшь – роднее человека нет,  
И сделать первый шаг тебе поможет мама.

Потом, пройдя сквозь тысячи дорог,  
Преодолев судьбу, домой стремись упрямо,  
Раскрыв объятия, ты ступишь за порог,  
Прижмёшь к груди и скажешь:  
«Здравствуй, мама!»

И мало ль в жизни что произойдёт,  
Не бросит слово острое, как бритва,  
И не предаст тебя, не оттолкнёт,  
Тайком поплачет и прочтёт молитву.

Если вдруг тебя снова поманит дорога,  
Тяжко станет иль что не заладится вдруг,  
Помни маму, что встретит тебя у порога,  
Через жизнь пронеси тепло маминых рук.

**Зимушка-зима**

Зимушка-зима! Царица серебряная!  
Земные отголоски мы слышим тут и там.  
Весёлая, нарядная, пора зимы отрадная  
Приходит в гости к нам.

Что морозы наступили, это не беда.  
На берёзовых ветвах иней серебрится.  
Что серебристый иней лёг на провода,  
Сейчас мороза чудесам пора дивиться.

Утром будто светлый, невидимый  
Волшебник с красками и кистью проскакал.  
На стеклах окон расписной, неповторимый  
Мороз свой красочный узор нарисовал.

Снег от мороза кажется не белый – голубой,  
Он весь переливается, скрипит под каблучком,  
Мы в этот вечер зимний идём гулять с тобой,  
Шаги наши сливаются, воркуют ручейком.

Зимой воздух свежий, чистый, ясный,  
Он подхватил, влечёт вдалеке без помех.  
Как колокольчик зимний громогласный  
Звучит твой заразительный,  
по-детски чистый смех.

А снег, чего же в нём плохого,  
хотя свирепый ветер выл,  
Зато постелью мягкой, пуховой  
Снег нянькою заботливой, толковой  
На зиму Землю-Матушку укрыв.

Зима! Зима! Звучит везде и всюду.  
Сибирской королевой снежной явись мне ты.  
Пусть как угодно далеко от Родины я буду,  
С тобой соединю заветные мечты!!!

И пусть пройдёт красавица-зима,  
И пусть весна-красна уже катит навстречу,  
И пусть уже короче стал наш зимний вечер,  
Ты не грусти об этом, хороший человек.

Опять придёт пора, длиннее станет вечер,  
И снова всем желанная, такая долгожданная  
Явится морозная, мой милый человек,  
Русская красавица зимушка-зима!!!

**Ты отлучаешь меня**

Ты помнишь день нашей встречи?!  
Тишина наступала, звеня,  
В этот тихий и памятный вечер  
Ты так нежно ласкала меня.

Каждый день для меня был подарком,  
Без тебя не представляю и дня,  
И светило для нас солнце ярко,

Ну а ты отлучаешь меня.

Помнишь радостный шёпот берёзы  
На полянке среди ясного дня,  
А теперь по стволу бегут слёзы,  
Это ты отлучаешь меня.

Птицы нежные песни нам пели,  
И, казалось, не будет конца  
Этой звонкой и радостной трели,  
Когда тесно сливались сердца.

Про мою говорила ты верность,  
Я пронес её, в сердце храня,  
Быть всегда с тобой рядом хотелось,  
Ну а ты отлучаешь меня.

Без тебя, словно ветер, пролетают мгновенья,  
Как сквозь пальцы песок утекают года.  
У судьбы не прошу для себя утешения,  
Образ твой сохраняю я в душе навсегда.

Может быть, мне немного на свете осталось,  
Я уйду, твоё фото у сердца храня,  
С каждым днём всё сильнее любовь разгоралась,  
Ну а ты так легко отлучаешь меня.

**К тебе**

Вот и год пролетел, был он труден и ярок,  
Вдаль уносится ветер, ветви ив теребя.  
Этот год подарил мне самый лучший подарок,  
И богиня судьба мне явила тебя.

Он предшествовал мне – целый год ожидания,  
Ты не хотела, наверное, ломать устои,  
так вдруг,  
А моё сердце томилось и разгорались желания,  
Тебя хотелось обнять, познать тепло твоих рук.

Помню до мелочей первый день нашей встречи,  
Разожгла ты костёр на моём берегу,  
Мы ласкали друг друга в этот радостный вечер,  
Этот день никогда позабыть не смогу.

С тихим шорохом на пол слетали одежды,  
Я познал мягкий шёлк нежной кожи твоей,  
Сердце пело, и в нем затеплилась надежда,  
Я хотел, чтобы ты была только моей.

Но место в сердце твоём я не занял, похоже,  
«Не торопи», ты сказала нежным  
чувствам моим,  
То Володей меня назвала, то Сережей,  
А своё ложе делишь с кем-то другим.

Мне б давно догадаться, похоже,  
Что однажды нежданно всё кончится вдруг,  
И что нужен тебе помоложе,  
Побогаче, как видно, без комплексов друг.

У судьбы не прошу для себя утешения,  
Потеряло всё смысл, нет ни ночи, ни дня,  
Тяжко давит на сердце твоего груз решения,  
Лёгким взмахом руки ты отлучаешь меня.

В стихах известных поэтов  
Ты этих строк не ищи,  
Пойми лишь только, что это  
Крик отлучённой души.

**Любимой**

Пусть накрывает ранняя весна  
Цветами скатерть самобранную.



Но для меня есть ты одна –  
Моя любовь, моя желанная.  
Пройдёт весна, наступит лето,  
От них мне ничего не надо,  
Пусть далеко сейчас ты где-то,  
Но ты всегда со мною рядом.  
Пусть говорят народные сказания,  
Пусть в них идёт об этом речь,  
Что осень – время расставания,  
Для нас же осень время встреч.  
Хочу с тобою воедино слиться,  
К своей груди тебя привлечь,  
Перечитать любви страницы  
Прекрасной книги наших встреч.  
Хочу, чтоб ты пришла ко мне  
На ту поляну среди дубрав.  
Шаги твои в осенней тишине  
Мне выдаст тихий шорох трав.  
В солнечный, с туманной проседью,  
Любимая, мы вместе будем вновь.  
Вернётся к нам багряной осенью  
Души покой, и радость, и любовь.

**Любимой женщине**

Ты спишь? Проснись! Уже заря  
Ночную с улиц смыла тень,  
Рождается прекрасный день календаря –  
Международный женский день.  
Весенний праздник первый радостен и светел,  
Весенней свежестью полны и люди, и земля.  
Я в этот день с цветами на рассвете  
В дверях стою, любимая моя!  
Войду к тебе, дышанье затаю,  
Поймаю взгляд твоих глаз ясных  
И подарю букет цветов прекрасных,  
И песнь любви тихонько пропою.  
Накрою в кухне стол скатёркой самобранной,  
Шампанское налью, и пусть свеча горит,  
Прекрасной женщине – любимой и желанной  
Готов Вселенную в ладонях подарить.

**С днём рождения!**

Уж утро, солнышко взошло,  
В окно чуть видный луч влетел,  
Весь мир прекрасный посветлел,  
Но что же вдруг произошло?  
Всю ночь не спал спокойно я,  
Мне снились сновидения.  
И встал чуть светилась заря,  
Сегодня день рождения у тебя.  
Ты спишь, бровей нахмурил дуги,  
Чуть улыбаешься во сне.  
Уж встали все твои подруги,  
Ждут пробуждения в тишине.  
А ты всё спишь во власти сна,  
Во сне ты так мила, нежна.  
Покройте румянцем сон твой лик,  
Он тоже красками велик.  
И наконец, проснулась ты,  
И потянулась, нежась.  
А на столе уже цветы  
Повсюду дарят свежесть.  
Тебя поздравят все друзья,  
И будет весело, легко,  
Но не смогу поздравить я,  
Я от тебя так далеко.

# Не было ни гроша, и вдруг – алтын!

В ЛХГА «Усвятская россыпь» № 16 (апрель 2019 года) было опубликовано Открытое письмо к культурному сообществу Кузбасса «Если гора не идёт к Магомету...». Эта статья была опубликована и в первом томе книги Анатолия Гуляева «Из истории Сибири и Кузнецкого края» (Кузбасс: Новокузнецк, Прокопьевск – 2021 год; стр. 139-159). Это письмо написано в ответ на публикацию в газете «МК» в Кузбассе (от 18.04.2018 года) статьи председателя правления Союза писателей Кузбасса Бурмистрова Бориса Васильевича «В чём сила, брат?», в которой говорится о плачевном состоянии в писательской организации Кемеровской области (Союза писателей Кузбасса, регионального отделения Союза писателей России).

Анатолий Гуляев в статье «Если гора не идёт к Магомету...» рассказывает о существовании в Кузбассе, как и по всей стране, принципиально новой литературно-творческой деятельности. Самобытные авторы выпускают книги на свои собственные деньги (единолично или вскладчину). При этом автор полагался на опыт работы литературных сообществ Южно-Кузбасского региона области (Новокузнецка, Прокопьевска, Междуреченска, Таштагола и их округ).

Летом 2022 года увидела свет «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (выпущенная самиздатом), в которой объединены 22 поэтических клуба и литературных объединения Кузбасса.

А в 2023 году вышел двухтомный поэтический сборник – «Антология поэзии – литературные объединения Кузбасса», издателем и разработчиком которой стало ГУАК «Кузбасский центр искусств» при материальной поддержке Министерства культуры области.

«В чём сила, брат?!» – спрашивает Бурмистров Б.В. в самом начале статьи, повторяя знаменитую фразу из фильма о беспредельщиках-уголовниках «Брат...», и тут же отвечает словами из этого же фильма: «Не в деньгах, брат, а в правде. У кого больше правды, тот и сильнее...».

Печалюсь о том, что из областной писательской организации «чиновники от культуры» делают «писательскую шарашку», в которой не кормят, но требуют зарабатывать деньги, уважаемый всеми Бурмистров Б.В. взмолился: «Господи! Прости мя грешного. Прости, что не хватило сил отстоять Дом литераторов, наш духовный храм, от разрушения, от торгашей. Не хватило сил показать всей общественности пагубность той системы, которую внедряют чиновники от культуры в нашу реальную жизнь».

И что же внедряют чиновники от культуры в реальную жизнь Бурмистрова Б.В., что же явилось поводом для обращения к Богу нашего главного писателя области? Оказывается, чиновники от культуры из областной администрации, не считаясь

с мнением и желанием Бориса Васильевича, в «процессе оптимизации» свалили в одну кучу Дом художников и Дом литераторов области, создали в Доме литераторов Кузбасса непонятное объединение ГУАК «Кузбасский центр искусств», который должен зарабатывать деньги, не имея предмета продажи. К тому же не очень великую финансовую помощь, ранее выделяемую правлению Союза писателей Кузбасса, начали обрезать, – сообщает в статье Бурмистров Б.В.

Несколькими годами ранее до названного события при встрече Бурмистрова Б.В. с читателями и литераторами Прокопьевска в центральной городской библиотеке я обратился к нему с вопросом: почему он не собирает под своим началом всех кузбасских литераторов, поэтов и прозаиков?

– А кто будет делать это? Нас всего четыре человека! – как бы с некоторой обидой ответил мне Борис Васильевич.

– Понятно! – ответил ему я, хотя понимал, что не только это является причиной «уединения» объединения Союза писателей Кузбасса, главное – в высокомерном самомнении величины своих заслуг и своего статуса, как минимум, у руководства общественной писательской организации области! Не хотят они – профессионалы, работать с нами – самобытными писателями, как названо в «Антологии...». Словно «настоящие», признанные писатели и поэты все и сплошь – талантливые, известные и титулованные! А мы – самобытные, «чернь бесталанная», никому не известная и беспородная, на которую никто не обращает внимания и не хочет знать её и общаться!

Исторические события в нашей стране развернулись так, что о «самобытной и любительской» литературе начали говорить не только писательские организации, но и Президент страны, который предложил обратить внимание на «самобытную литературу» повсеместно!

Вот тут-то и в Кузбассе обратили внимание на писателей и поэтов, которые не состоят в писательской организации.

«Антология самобытной поэзии Кузбасса» – это сборник стихотворений объёмом 560 страниц, формата А-5. В нём представлены произведения 190 кузбасских авторов, которые объединены в 22 литературных общества из Анжеро-Судженска («литературная студия имени В.Д. Фёдорова» – 9 чел.); Верх-Чебулы (клуб «Озарение» – 3 чел.); Гурьевска («Литературный салон» – 11 чел.); Калтана (клуб «Родник» – 9 чел.); Кемерово (клубы «Слово» – 17 чел., «Озарение» – 4 чел., «Вдохновение» – 7 чел., «Радуга созвучий» – 3 чел., «Твоё тепло, моё тепло...» – 6 чел., «Самоцветы» – 11 чел., клуб славянской культуры «Лад» – 1 чел.); Мариинска (клуб «Вдохновение» – 13 чел.); Мысков (клуб «Экспромт» – 7 чел.); Междуреченска (самодельное литературное общество «Ритм» – 7 чел.); Ново-

кузнецка (литературное объединение «Творческая шкатулка» – 10 чел.); Осинников (клуб «Кедр» – 16 чел.); Прокопьевска (клубы «Вдохновение» – 7 чел., «Маяк» – 7 чел., литобъединение любителей поэзии «Кузбасский родник» – 6 чел.); Прокопьевского района (клуб «Чистые родники» – 11 чел.); Промышленной (клуб «Исток» – 10 чел.); Яшкино (творческая студия «Светлица» – 15 чел.).

«Антология самобытной поэзии Кузбасса» увидела свет летом 2022 года, автором-составителем и ответственным редактором её является Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна (руководитель кемеровского литклуба «Слово»). Книга издана на народные деньги (на средства авторов), тираж 300 экземпляров. Издание предназначено для краеведов, историков и всех, кто интересуется творчеством народных поэтов Кузбасса...

«Антология поэзии – литературные объединения Кузбасса» в двух томах объёмом 548 и 458 страниц, форматом 70x108, тиражом 500 экземпляров. Руководитель проекта – В.А. Каплунов. Редакторы составители: Г.С. Фешкова, Г.И. Карпова, А.А. Королёв, К.В. Синегубова, М.Н. Долгов и А.В. Правда.

В «Антологии поэзии – литературные объединения Кузбасса» представлены стихи как самодельных, так и состоявшихся поэтов, членов Союза писате-

щего: Анжеро-Судженский городской округ (литстудия имени В.Д. Фёдорова – 10 чел.); Беловский городской округ (литобъединения «Светлана» – 6 чел. и «Соцветие» – 7 чел.); Берёзовский городской округ (литературная студия «Кислород» – 2 чел. и «Союз творческих работников» – 6 чел.); Гурьевский муниципальный округ (любительское творческое объединение «Литературный салон» – 11 чел., литературное братство «Феникс» – 5 чел., творческий клуб «СТИХИЯ» – 3 чел.); Ижморский муниципальный округ (клуб творческого общения «Откровение» – 6 чел.); Калтанский городской округ (литературно-поэтический клуб «Родник» – 9 чел.); Кемеровский городской округ (литстудия «Притомье» – 24 чел., литклуб «Амарант» – 3 чел., творческий клуб «Блокнот» – 6 чел., литклуб «Вдохновение» – 7 чел., авторское объединение «Радуга созвучий» – 4 чел., литсалон «Твоё тепло, моё тепло...» – 2 чел., клуб славянской культуры «Лад» – 1 чел., поэтический клуб «Озарение» Всероссийского общества слепых – 2 чел., литстудии «Свой голос» – 8 чел. и «Родники Сибири» – 8 человек); Киселёвский городской округ (литературная студия «Алые паруса» – 2 чел.); Краснобродский городской округ (литературная студия «Северное сияние» – 4 чел.); Ленинск-



лей России и Союза российских писателей (при условии, что они являются воспитанниками студии либо клуба и до сих пор продолжают участвовать в деятельности объединения). Структура книги определяется территориальным делением Кузбасса.

Кроме стихотворений, книга содержит биографические справки о 316 авторах и краткое описание (28 литобъединений в первом томе; и 20 литобъединений во втором томе). Издание предназначено для широкого круга читателей и для литературных историков.

В нём опубликованы произведения представителей литературных студий Кузбасса – от века прошлого до настоя-

щего: Новокузнецкий городской округ (литературный цех «Образ» – 9 чел.); Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ (литературное объединение «Проба пера» – 5 чел.); Мариинский муниципальный округ (клуб любителей поэзии «Мариинск сокровенный» на базе Литературно-мемориального дома музея В.А. Чивилихина – 2 чел.); Междуреченский городской округ (самодельное литературное общество «Ритм» – 7 чел.); Мысковский городской округ (литературная студия «Чай из рос» – 6 чел., литературное объединение «Экспромт» – 7 чел.); Новокузнецкий городской округ (литературная студия «Гренада» – 16 чел., литературные объединения: «Ли Терра» – 6



чел., «Творческая шкатулка» — 9 чел.); Новокузнецкий муниципальный округ (творческий союз «Голос» — 1 чел.); Осинниковский городской округ (поэтический клуб «Кедр» — 15 чел.); Полысаевский городской округ (литературная студия «Прометей» — 10 чел.); Проккопьевский городской округ (литературный клуб «Вдохновение» — 7 чел., литературно-творческое объединение «Маяк» — 7 чел.); Проккопьевский муниципальный округ (поэтический клуб «Чистые родники» — 10 чел.); Промышленновский муниципальный округ (поэтический клуб «Исток» — 8 чел.); Тайгинский городской округ (литературная студия «Тайгинские зори» — 6 чел.); Таштагольский муниципальный район (литературная студия «Таёжный родник» — 3 чел.); Тисульский муниципальный округ (литературное объединение «Радуга» — 5 чел.); Топкинский муниципальный округ («Литературная гостиная» при ЦРБ имени В.М. Баянова — 5 чел.); Тяжинский муниципальный округ (литературное объединение «Родничок» — 5 чел.); Чебулинский муниципальный округ (литературный клуб «Озарение» имени О.П. Гарбузовой — 5 чел.); Юргинский городской округ (литературный клуб «Откровение» — 5 чел.); Яйский муниципальный округ (творческое объединение «Компас» — 3 чел., поэтический клуб «Вдохновение» — 4 чел.); Яшкинский муниципальный округ (творческая студия «Светлица»).

В предисловии к первому тому «Антология поэзии — литературные объединения Кузбасса» Бурмистров Б.В. поведал читателю (опираясь на исследовательские материалы М.М. Кушниковой, Е.Д. Трухан, Е.И. Тюшиной, Н.М. Инякиной, В.А. Галактионова, Г.И. Карповой, Т.Н. Киреевой, Т.Б. Копытовой) (в сокращении): «В 1920-1950-х годах в Кузбассе на предприятиях, в учебных заведениях, при редакциях городских и многотиражных газет работало много литературных кружков. В 1923 году в Щегловске (с 1932 года Кемерово) при рабочих клубах Кемрудника и химзавода стали выпускать машинописную газету «Горнорабочий и химик». В газете были заметки с подписью «ЛКЭС». Так назывался литературный кружок при электрической станции химзавода. Именно этот «автограф» стоял под большинством материалов. Статьи и стихи литкружковцев печатались в рубрике «Рабочая жизнь» сразу после передовицы. Кружковцы отправляли своё творчество в губернскую партийную газету «Красное знамя» (Томск).

В 1926 году в Новосибирске прошёл первый съезд писателей Сибирского края, в котором участвовал писатель-краевед из Кузнецка Дмитрий Тимофеевич Ярославцев.

15 октября 1930 года официально оформилась Ассоциация пролетарских писателей Кузнецкстроя. Было создано бюро во главе с членом РАПП М. Васеньевым. АПП Кузнецкстроя насчитывал в своих рядах более сорока начинающих литераторов. В доменном, котель-

ном, коксовом, механическом цехах были созданы литературные кружки. В заводской газете «Большевик Кузнецкстроя» появилась литературная страница. Произведения членов ассоциации Кузнецкстроя стали появляться на страницах газеты «Советская Сибирь», в журнале «Сибирские огни» (Новосибирск). Ассоциация писателей Кузнецкстроя положила начало существованию литературной группы в Сталинске (с 1961 года Новокузнецк), в которой выросло много талантливых писателей (А. Волошин, В. Сапожников, А. Пинаев, Е. Буравлёв и другие).

Первый Западно-Сибирский краевой съезд пролетарско-колхозных писателей, собравшийся в марте 1931 года, одобрил появление в отдельных районах Сибири, в том числе и в Кузбассе, новых писателей из рабочих и колхозников. На основе Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» все местные организации РАПП были распущены. Объединяющим органом для кузбасских авторов стала Западно-Сибирская краевая писательская организация.

10 декабря 1936 года состоялось первое заседание литературного кружка Дворца культуры металлургов города Сталинска.

С июня 1939 года в Кемерове при редакции городской газеты «Кузбасс» начал действовать литературный кружок, которым руководил заведующий культотделом Яков Изотиков. Активно участвовал в работе литкружка в довоенные и послевоенные годы Михаил Небогатов... В годы Великой Отечественной войны литературный процесс в Сталинске не затихал. Несмотря на сложную обстановку в стране и в мире, в городе работали любительские объединения молодых литераторов, которым активно помогали опытные лекторы и библиотекари. Значимую помощь молодым литераторам оказывала при Дворце металлургов Ф.И. Дубровская, эвакуированная в Сталинск, в прошлом работавшая литературным критиком-консультантом в редакции журнала и издательства «Молодая гвардия», на занятия к ней ходили около 30 человек, среди которых были поэты Гринбаум и Кирьянов, прозаики Тотыш и Подыногин... Литкружковцы готовили материалы и выпускали литературные странички в газете «Металлург»...

12 ноября 1944 г. в Сталинске по инициативе педагога Немоляевой и инспектора горнопромышленности Прокофьевой для старшеклассников открылась литературная комната при средней женской школе № 25, где устраивались творческие вечера и звучали стихи и рассказы начинающих авторов, обсуждались произведения Александра Волошина, Михаила Небогатова и других авторов, позднее ставших профессиональными литераторами.

В апреле 1950 года кузбасские писатели А.Н. Волошин, М.А. Небогатов, А.В. Косарь принимали участие в совещании молодых литераторов Советского Союза в Москве. В том же году А.Н. Волошин был удостоен Сталинской (Государственной) премии СССР II степени за написа-

ние романа «Земля Кузнецкая».

В конце 1950-х — начале 1960 годов в Сталинске образовалось молодёжное творческое объединение «ТОМ», в котором принимали участие писатели Виль Рудин, Геннадий Емельянов, критик Алексей Абрамович и другие.

В 1962-1964 годах в Новокузнецке появилось творческое объединение «Записовец», в которое входили приехавшие на Всесоюзную ударную стройку Гайрий Немченко, Валерий Леонович и другие, здесь же начинал свою работу и Анатолий Ябров.

В 1964 году Гайрий Немченко (редактор газеты «Металлургстрой») был принят в Союз писателей СССР, первым из новокузнецких прозаиков...

В этот же год была создана молодёжная литературная группа «КТМ» (Кемеровское творческое объединение молодёжи), куратором которой была Людмила Чех, работником отдела пропаганды и культурно-массовой работы Кемеровского обкома комсомола, руководителем — Валентин Махалов...

В конце мая — начале июня того же года в Кемерове состоялся зональный семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала, организованный правлением Союза писателей РСФСР...

В ноябре 1966 года в Новокузнецке появилось новое литературное объединение «Гренада», руководителем которой был избран Вениамин Андреевич Безруков, руководитель архитектурной группы в «Сибпромстройпроекте»... «Гренада» дала путёвку в жизнь пятнадцати профессиональным писателям, среди которых известные сибирские поэты Валерий Зубарев, Александр Раевский, Любовь Никонова, Татьяна Николаева, Анна Назаренко, Ольга Комарова и другие.

В начале 1960 годов в Юрге при Доме культуры «Победа» была организована литературная группа, руководителем которой был избран редактор многотиражной газеты машзавода Александр Ласкин. В литгруппу вошли Иосиф Концевой, Александр Филиппов, Виктор Чурилов, Екатерина Дубро и другие.

В 1967 году в Анжеро-Судженске при газете «Борьба за уголь» была создана литературная студия, руководителем которой был избран журналист Николай Иванович Теплов.

В 1970 годах в Ленинске-Кузнецком была создана литературная группа при редакции газеты «Ленинский шахтёр», руководителем которой являлся прозаик Пётр Фёдорович Шмаков, выпускник литературного института, преподаватель истории СГПУ №38.

В 1972 году прошёл первый областной семинар начинающих поэтов (в дальнейшем регулярно проводившийся два раза в год, поочередно — в Кемерове и Новокузнецке), из которых вышли молодые писатели и журналисты Кузбасса Валерий Зубарев, Владимир Куропатов, Виль Рудин и другие, которые в скором времени стали участниками и Всесоюзных литературных творческих семинаров.

В октябре 1979 года при Кемеровском обкоме ВЛКСМ начала работать литературная студия «Притомье», которая со-

бирала молодых писателей из всех городов и районов Кемеровской области. Первым руководителем студии был избран Геннадий Юров (позднее Валерий Зубарев, Валентин Махалов, Геннадий Естамонов, Сергей Донбай). В 1989 году, к 10-летию юбилею студии, был выпущен коллективный сборник стихов и рассказов молодых литераторов Кузбасса «Мы — Притомье», в котором было представлено творчество 53 поэтов и 20 прозаиков.

С 1984-го по 2000 год из «Притомья» стали членами Союза писателей СССР/России: Николай Колмогоров, Любовь Никонова, Леонид Гержидович, Иосиф Куралов, Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Катков, Александр Раевский, Валерий Ковшов, Александр Ибрагимов, Владимир Соколов, Тамара Рубцова, Юлия Лавряшина.

В 2000 годах в Союз писателей России вступили: Виктор Арнаут, Сергей Павлов, Марина Брюзгина, Дмитрий Мурзин и другие.

С 2006 года руководителем главной литературной студии Кузбасса является Дмитрий Владимирович Мурзин, лауреат национальной литературной премии «Поэт года».

В сентябре 1981 года по решению Кемеровской областной организации Союза писателей РСФСР в Новокузнецке начала работать литературная студия КМК под руководством члена Союза писателей СССР Павла Майского. 28 июля 1994 года при редакции новокузнецкой газеты «Металлург» был создан поэтический клуб «Проталинка». В марте 1998 года клуб объединил литературно-творческие силы города Новокузнецка и Новокузнецкого района, теперь уже при редакции газеты «Сельские вести», получив новое название — «Со-творение». Два года руководителем этого литературного объединения являлся Василий Александрович Галактионов...

В 2000 году в Новокузнецке (при эстетическом центре школы № 94) был образован Международный союз творческих сил «Озарение» (первоначальное название — «Ещё не вечер»). Литературные произведения членов объединения публиковались в литературном журнале, созданном при объединении, литературно-художественном альманахе «Озарение». Основателем и руководителем «Озарения» являлась Ирина Малкова, член Союза писателей России.

Отметим, что число поэтов в литобъединениях Кузбасса значительно превышает количество прозаиков. Некоторые авторы успешно реализуют свои творческие силы и в прозе, и в поэзии...

Детские литературные студии возникли в Кузбассе лишь в 1990-х годах, наставниками которых стали: Любовь Никонова (Новокузнецк), Иосиф Куралов (Кемерово), Тамара Рубцова (Юрга), Михаил Шеховцов (пгт. Ижморский). Руководителям детских студий удалось выпустить коллективные сборники...

По роду своего служения литературе я побывал практически во всех регионах Сибири и во многих центральных районах России. И везде кроме профессио-

нальных литературных сообществ в десятки раз больше литературных самодеятельных студий, клубов. Тысячи и тысячи людей совершенно разного возраста (от школьников до пенсионеров) занимаются литературным творчеством.

Думаю, что ни в одном государстве мира нет такого увлечения. Это русская душа просит всплеска чувств и мыслей, это русская душа не может не откликаться на несправедливость мира сего, на страдания и радости, не побоюсь сказать, всего человечества. И ничего, что этих творцов мало знают и мало печатают — они есть, они создают благоприятные условия для почвы, на которой прорастают и созревают плоды русской словесности. Оттого и плодородна наша нива русского языка.

В литкругах бытует слово «графомания» для оценки творчества членов самодеятельных студий. Не воспринимаю его как оскорбление. Ведь это люди чаще всего образованные, читающие, знающие русскую и зарубежную классику, обладающие высокими чувствами любви, сострадания и милосердия. От их творчества идёт тепло, свет...

В новую антологию отобраны лучшие произведения самодеятельных авторов Кузбасса. Кстати, слово «самодеятельный» несколько не принижает достоинства авторов, ведь это он «сам делает», включая свой разум и душу... И пусть дышит эта почва, и пусть проясняются судьбы человеческие, судьбы неравнодушных, талантливых людей. И пусть эта почва даёт плоды зрелые и незрелые, потому как и в самой природе всегда происходило и происходит то же самое созревание...

**Борис Бурмистров, поэт, лауреат Большой литературной премии России, член правления Союза писателей России.**

Второй том «Антология поэзии — литературные объединения Кузбасса» открыт литературоведческой статьёй «На языке поэзии».

«Человек говорит с миром... Хотя современные технические достижения позволяют использовать самые разные способы самовыражения, всё-таки важнейшей и наиболее востребованной формой коммуникации в человеческом обществе остаётся слово. Но что, если нет конкретного адресата и хочется высказаться, обращаясь не к кому-то одному и не к группе людей, а ко всему человечеству, к современникам, предкам и потомкам одновременно? Как бы ни менялся мир, всё-таки самым универсальным способом высказаться и сохранить своё высказывание во времени является поэзия.

Книга, которую вы держите сейчас в руках, признана продемонстрировать востребованность, актуальность и универсальность поэтического языка. Участие кузбассовцев в литературных студиях показывает, что очень многие авторы готовы работать и совершенствовать свой талант, чтобы создать гармоничную поэтическую форму. Общее количество литературных студий в регионе, их наличие даже в самых маленьких городках и посёлках, на первый взгляд, кажется уди-

вительным. Однако представляется, что открытие такого большого числа самодеятельных поэтов и такого серьёзного запроса на литературное творчество в регионе — это и есть основной результат данного издательского проекта.

Антология поэзии «Литературные объединения Кузбасса» объединила авторов разных возрастов, разных профессий, с разным опытом литературной деятельности. Здесь можно встретить тех, кто уже опубликовал несколько книг, и тех, кто впервые увидит свои тексты напечатанными. Но даже при беглом чтении очевидно, что есть наиболее востребованные, частотные темы и мотивы. Многих авторов волнуют одни и те же вопросы, в их стихах возникают сходные лирические ситуации. К примеру, в антологии много пейзажной лирики. Поразительно, что в эпоху изобилия визуальной информации люди всё-таки пишут стихи о природе. Казалось бы, зачем? Ведь понравившийся вид можно просто сфотографировать. Тем не менее, почти каждая литературная студия представила пейзажную лирику: стихи о летней или заснеженной тайге, реках, лугах, лесах, горах, о цветущем шикории и устремлённых ввысь соснах. Несомненно, что авторы не ставят перед собой задачу поразить читателя оригинальностью видения. Одно из стихотворений В. Стряпина озаглавлено «Я живу на земле». Эта, казалось бы, очевидная истина не отменяет бесконечного удивления и даже восхищения кузбасских поэтов чудесным и многогранным миром, в котором все мы живём. Иногда можно видеть, как лирический герой внезапно открывает для себя какое-то маленькое чудо в давно привычном мире:

*Я, разогнувшись, онемел:  
Под самым носом Марвин корень  
Ярчайшим светом пламенел.  
В нём цвет плескался Божьим даром...*  
(Н. Максимов)

А иногда удивляться приходится читателю, когда поэту удаётся создать объёмный, яркий художественный образ: «осень словно рыжая собака», «распростёртые тела» поваленных кедров, грозное «ворчанье природы в цветущем саду». Широко используемые олицетворения позволяют авторам передать своё чувство полной гармонии с миром. Большинство стихотворений, посвящённых природе, представляет прекрасный, позитивный, целостный образ мира, лишённый противоречий. Среди авторов антологии сравнительно мало урбанистов, которых вдохновляет дисгармоничная и суетная техногенная реальность современных городов. И хотя среди представленных стихов многие имеют заглавия «Мой город», «Наш городок», «Шахтёрский город», эти поэтические пространства представляют собой скорее инвариант природного мира. Зачастую город меняется вместе с природным миром и календарным циклом, как, например, в стихотворении Н. Фроловой:

*Летом в зелени он утопает,  
А зимою — в роскошных снегах.*

Кроме того, город никогда не представляется как чужое, враждебное человеку пространство, это всегда родной город, маленький мир, которому принадлежит

лирический герой и который, в свою очередь, сам является неотъемлемой частью души и создания лирического героя.

Следующая магистральная тема в творчестве авторов антологии — это тема Родины. Тесная связь человека с родной страной, родной землёй очень хорошо видна в том, как многие авторы с предельной простотой чувства пишут «моя Россия» или «моя Сибирь» и даже «моя Красновка», «Моя Родина — Ваганово» и «Благословенный наш Тисуль». Чувство Родины у многих поэтов антологии — чувство глубоко личное, и если бы нужно было составить тематическую подборку стихов о Родине, то лучшим эпиграфом могла бы стать строчка П. Копылова: «Начиналась Родина с меня...». Эта строчка кажется предельно правдивым и лаконичным ответом на вопрос «С чего начинается Родина?» из широко известной песни на стихи М. Матусовского.

Лишь изредка стихи о Родине приобретают торжественное звучание, чаще это лирическое переживание, тесно связанное с детскими впечатлениями.

Тесно переплетены с темой малой родины ещё две вечные темы — памяти и семьи. Образы родителей, бабушек и дедушек обычно проникнуты печалью, с ними связаны мотивы памяти, вины и прощения. Нередко обращаются авторы к образам детей, как, например, в стихотворении «Маленький архитектор». Значительное внимание уделено теме детско-родительских отношений, связи родных людей. Иногда преемственность поколений выражена метафорически, как в стихотворении Н. Лучкиной:

*...Бабушка из серебра  
С золотым ребёнком.*

А иногда перед нами ситуации диалога, задушевного разговора между представителями разных поколений. Разговор между близкими людьми восстанавливает связь времён, помогает лирическому герою найти своё место в череде поколений. Таким образом происходит передача вечных общечеловеческих ценностей, опыта, памяти, как в стихотворениях В. Добротворского (литературный клуб «Чистые пруды» Прокопьевского района, перенесено в подборку материалов о ВОВ этого выпуска ЛХГА — А.Г.) с подзаголовком «Рассказ отца».

Во многих случаях память поколений — это память о Великой Отечественной войне. Фронтовая тема звучит в антологии достаточно отчётливо. Зачастую в таких стихотворениях почти незаметна ретроспектива, герои стихов рассказывают о своём военном опыте так, как если бы эти сцены стояли у них перед глазами в момент рассказа.

Жанр лирического стихотворения позволяет отразить только очень небольшой, локальный момент большой войны, но этот опыт представлен как экзистенциальный, навсегда меняющий человека. Необходимость передачи и осмысления этого опыта очевидна: Великая Отечественная война имеет отношение к каждому ныне живущему человеку:

*...И ты отыщешь в списках павших  
Всегда фамилию свою (Ю. Радченка).*

В заключение хотелось бы отметить,

что схожесть тем, образов и мотивов не следует трактовать как шаблонность и отсутствие поэтической индивидуальности. Скорее, это приверженность отечественной поэтической традиции. В антологии мало формальных экспериментов (хотя те, которые есть, небезынтересны), большинство представленных текстов написано максимально доходчиво. Простота и лаконичность поэтической формы, сравнительно небольшой диапазон выразительных средств свидетельствуют о влиянии на самодеятельных авторов таких поэтов, как Сергей Есенин, Николай Рубцов, Александр Твардовский, а также кузбасский поэт Василий Фёдоров. Чёткие, хорошо прослеживаемые тенденции показывают, какую поэзию ценят в литературных студиях Кузбасса, к какой поэзии стремятся. Это должна быть простая, берущая за душу лирика, обращающая читателя к вечным вопросам и неизменным ценностям.

**Капитолина Скигубова,  
кандидат филологических наук.**

Как бы подводя черту под сказанным, говорю, не кривя душой, что обе «АНТОЛОГИИ самодеятельной и самодеятельной литературы Кузбасса» — хорошие и нужные книги, в которых немало хороших произведений, хороших кузбасских авторов. Возможно, кто-то из профессионалов скажет, что большинство литературных произведений в этих изданиях — литературный суррогат и графомания, как обычно они говорят.

Ну и Бог с ними, как говорится, время всё расставит по своим местам. К тому же, как всем известно, Александр Волошин — единственный кузбасский писатель, удостоенный Государственной (Сталинской) премии за роман «Земля Кузнецкая», на момент написания романа и своего награждения за него не являлся профессиональным писателем (членом Союза писателей), был, как и все перечисленные в «Антологиях...» авторы, самодеятельным писателем-любителем, шахтёром!

Наряду с торжеством и воодушевлением от произошедшего хочется сказать, что после ознакомления и осмысления обеих «Антологий...» на меня легла тень сомнений от того, что очень уж похожи друг на друга «Антологии...» как сямские близнецы (во многих местах — слово в слово!). Оттого сразу же подумалось — одна из «Антологий...» плагиат! Если не самого текста книги, поскольку одинаковые тексты разработчикам «Антологий...» предоставили одни и те же источники, то — идеи разработки этой книги — проекта, как принято теперь говорить, и это — точно! Что не есть хорошо!

Хочется высказать ещё одну мысль: было бы здорово, если бы все самодеятельные литературные клубы, названные в обеих «Антологиях...», объединились бы в одно ОБЛАСТНОЕ самодеятельное литературно-творческое ОБЪЕДИНЕНИЕ, печатным органом которого могла бы стать ЛХГА «Устьтская россыпь»!

# Русские всполохи



В конце декабря 2023 года увидел свет первый том книги «Русские всполохи» («Гражданская война»), автором книги является прокопьевский и кузбасский прозаик-публицист Анатолий Гуляев. По мнению автора, по жанру книга является военно-исторической, документально-публицистической былью, в которой, как в зеркале, отражены судьбоносные события Отечественной истории с начала 1-й мировой войны по АТО и СВО на Украине, включительно. Описываемые события рассматриваются автором через призму биографий конкретных лиц, принимавших участие в исторических событиях того времени.

Автор рассказывает и о событиях, происходивших в те годы в Сибири и Крыму. Посвящается книга 100-летию окончания гражданской войны в Советской России.

## От автора

Так уж сложилось в моей жизни кадрового военного авиационного инженера, что любовь к изучению истории родного Отечества, затем и к истории родного края — малой родины, появилась у меня во время учёбы в Ачинском военном авиационно-техническом училище.

В годы офицерской службы начал я интересоваться историей русского царизма, прочитал книги «Двадцать три ступени вниз» М. Касвинова о жизни, судьбе и делах последнего русского царя Николая II; «Нечистая сила» и «Фаворит» Валентина Пикуля; «Арсенант пятой камеры» Ю. Кларова о жизни и судьбе адмирала Колчака А.В. и другие книги этого плана. В общем, к 1998 году я серьёзно начал заниматься изучением истории.

Идея заняться подборкой материалов, касавшихся гражданской войны 1920 годов в нашей стране, пришла ко мне случайно, посоветовал друг — однокашник по учёбе в АВАТУ и сослуживец Валентин Кузьмич Кошеченко, (ныне полковник в отставке, в прошлом — начальник штаба Феодосийс-

кого лётно-испытательного Центра). Случилось это в 2017 году в городе Барнауле, где мы собрались у него по случаю 45-летия окончания учёбы в АВАТУ. Работал я тогда над книгой «Из истории Сибири и Кузнецкого края». Я пообещал другу, что после её издания, если позволит здоровье, займусь темой гражданской войны.

Общество всегда интересовал вопрос: как смогла безграмотная красная гольтьба победить в гражданской войне высокообразованный белый русский генералитет, имевший практический опыт не одной проведённой им войны?

Считаю, что причин было несколько. Прежде всего, власть молодой Советской России во главе с В.И. Лениным в ходе гражданской войны смогла создать свою Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА). Вновь организованная армия по силе, вооружению и иным параметрам оказалась значительно сильнее Белой армии, которую создавали генералы Алексеев М.В., Корнилов Л.Г., Деникин А.И., Юденич Н.Н., адмирал Колчак А.В., барон Врангель П.Н. и другие русские генералы. На практике РККА оказалась сильнее и военных континентов армий Англии и Франции (с Чехословацким корпусом), США, Германии, Японии и других враждебных тогдашней Советской России стран.

Немаловажным фактором победы красных в гражданской войне явилось и то, что большая часть населения тогдашней Советской России (всё та же гольтьба) поддержала политику и дела Советской власти и стала считать Красную Армию своей армией.

В процессе работы с материалами, вошедшими в данную книгу, при выстраивании хронологии событий, увязке их с событиями Первой мировой войны и другими российскими «завихрениями», выяснилось, что материал вышел за рамки темы гражданской войны. Начала просматриваться связь с будущими Российскими историческими событиями, вплоть до событий новейшей не только Российской, но и мировой истории. Оттого в процессе размышлений о названии книги, которое должно соответствовать её содержанию по тексту, было выбрано словосочетание «Русские всполохи», по мнению автора, несущее в себе смысл медленно горящего костра то с затухающими, то с вновь появляющимися языками разгорающегося пламени.

Работая с различными материалами, я много почерпнул новой, интересной информации. При этом, как и в предыдущих книгах, я отдельно выделял личные биографические данные каждого человека, являвшегося участником тех трагических событий. Это позволит читателю иначе смотреть на события тех лет.

**Анатолий Гуляев**

• 17.05.2023 г. Прокопьевск (Усыты).

## Отзывы о книге «Русские всполохи» ТВН Телевидение Новокузнецка

Судьбоносные события истории России начала XX века отражены в книге кузбасского писателя Анатолия Гуляева «Русские всполохи» том первый «Гражданская война». Забытые эпизоды вековой давности вспыхивают с новой силой в издании, над которым автор работал пять лет. Мы встретились с писателем и узнали подробности жизни страны и Кузнецка того времени.

В этой книге исторические события и биографии конкретных личностей тесно переплетены, дополняют друг друга, чтобы призма событий начала XX века оказалась как можно более точной. Анатолий Николаевич Гуляев вспоминает, что пятилетний труд родился после встречи с друзьями, на которой и обсуждали тему гражданской войны.

Анатолий ГУЛЯЕВ: «Я в книге начал писать и о белых, и о красных, такого никто не делал. Я описываю и говорю, что и те наши, и те наши, даю сведения и о генерале Корнилове, и о Фрунзе, и о Чапаеве, то есть обо всех. Не противопоставляю, просто описываю события, никого не оценивая. Про Колчака у меня много написано».

Анатолий Гуляев — из военных. Окончил Ачинское авиационно-техническое училище. Семь лет летал в качестве бортового техника военно-транспортного самолёта. А потом перешёл на инженерную должность. Писать начал ещё со студенческой скамьи. Увлекался поэзией. Позже появилась тяга к прозе.

Анатолий ГУЛЯЕВ: «Вот, допустим, в полёте произошёл отказ на самолёте, надо проанализировать, описать, как машина себя вела, действия лётчика, то есть это тоже литературно-творческая работа, и вот тогда я решил попробовать писать чисто в художественном плане. Показал первые рассказы своим ребятам, они сказали: «Да вроде ничего». Где-то с 1981 года я стал прозаиком».

Анатолий Гуляев создал и издаёт региональную литературно-художественную газету-альманах «Усятская россось». На её страницах печатаются стихи и проза поэтов и писателей нашего сибирского края, как начинающих, так и профессиональных.

«Русские всполохи» — четвёртая книга автора. Она, как и все предыдущие, основана на достоверных исторических и литературных источниках. Не зря автором и его книгами серьёзно интересуются новокузнецкие историки, библиотекари, работники музеев. Публицистическая быль о гражданской войне рассказывает не только о событиях всероссийского масштаба, но и о том, что происходило в эти годы в Сибири.

Анатолий ГУЛЯЕВ: «В Интернете о Рогове бытует понятие: «кузнецкая резня». Некоторые авторы говорят, что Рогов у 500 человек отрубил головы в Кузнецке (сегодня — Новокузнецк), у других авторов встречается цифра 700, у некоторых до двух тысяч доходит. Этот вопрос я попытался разобрать полностью: когда Рогов пришёл в Кузнецк, когда ушёл. Я считаю, что большая часть этих сведений вымышленна».

Автор планирует подробно изучить, а затем изложить и события Специальной Военной операции.

## Всполохи истории. Пора осмысления Газета «Новокузнецк», выпуск №5 (1261)

Писателей и книг в кузбасских рядах прибавляется. На днях в Доме творческих союзов прошла презентация новой книги Анатолия Гуляева, известного в Новокузнецке литератора, журналиста, мецената-издателя региональной литературно-художественной газеты-альманаха «Усятская россось». Житель Прокопьевска Анатолий Николаевич на собственные деньги издаёт этот объёмный альманах, в котором имеют возможность печататься самобытные писатели и поэты Новокузнецка, а также других городов южной агломерации Кузбасса. Свет увидела его очередная книга «Русские всполохи. Том первый. Гражданская война», посвящённая 100-летию гражданской войны в Советской России.

Писатель, представивший на суд читате-

лей свою новую книгу, изданную также за счёт собственных средств, родился в Прокопьевске (прежнее название — Усыты), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник в отставке ВВС РФ. Литературным творчеством он занимается с курсантской скамьи. «Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения», — рассказывает он.

С 1998 года на протяжении трёх лет работал главным редактором городской газеты «Народовластье» Прокопьевска. С 2007 года — редактор и издатель литературно-художественной газеты-альманаха «Усятские россось».

«Русские всполохи. Гражданская война» — это военно-историческая, документально-публицистическая быль (есть и такой жанр в исторической литературе), в редактировании книги помощь оказала журналист Людмила Танкова.

В новом издании отражены судьбоносные события отечественной истории с начала Первой мировой войны, гражданской войны и до Специальной Военной Операции, а также предшествующие СВО события на Донбассе. Автор рассматривает их через призму личных биографий реальных лиц и персонажей, принимавших участие в описываемых исторических событиях (генералы Деникин, Юденич, Шкуро, Гайда и другие). Кроме того, Анатолий Гуляев рассказывает об исторических событиях, происходивших в обозначенный период в Кузбассе в годы гражданской войны, а также о шахтёрских забастовках.

Говорит он и о недавних событиях в Крыму, где некоторое время ему довелось жить, в которых в какой-то степени ему пришлось принимать участие. «Я как человек военный влез, образно говоря, в самые окопы тех войн, посмотрел на всё происходящее с позиций советского офицера. Через биографии исторических личностей показал те звенья одной цепи, ту цепочку событий, которые пришлось пережить нашей стране», — отметил Анатолий Николаевич.

На презентации он заверил, что на этом томе свою военно-историческую быль не завершит. Она продолжится исследованиями, в том числе и жизненного пути личностей, принимавших участие в Великой Отечественной войне, а также в нынешних военных событиях.

История не имеет сослагательного наклона, но осмысливать происшедшее и происшедшее пылливому уму возможно, считает Анатолий Гуляев.

## Полковник в отставке Четет И.В.

Добрый вечер, Анатолий Николаевич!

Закончил знакомиться с вашей книгой «Русские всполохи» том I. Могу сказать, что первый том книги «Гражданская война» можно рекомендовать как преподавателям, так и школьникам старших классов. В своё время мне пришлось изучать историю гражданской войны по университетской программе. Но здесь очень много материала, подробных событий, участвующих в них военачальников с обеих сторон, о которых я прочитал впервые.

Подробно описаны события Белого, Красного и партизанского движения в Сибири, на Дальнем Востоке. Большой интерес вызвала глава 12 «Дела Кузнецкие». Считаю, что книга имеет право стать учебным пособием по изучению гражданской войны не только в России, но и в нашем содружестве.

А что касается примирения, то это очень сложный момент для нашей действительности. Кому-то очень хочется забыть всё то горе, боль и страдания, через которые прошли наши народы в то время. Думаю, ещё рано поднимать этот вопрос.

Желаю вам, Анатолий Николаевич, дальнейших успехов в писательском деле, вдохновения и творчества.

Республика Беларусь. 17.03.2024 г.

# Юбилей кемеровского литературного клуба «Слово»

27 сентября 2023 года в актовом зале государственной научной библиотеки Кузбасса им. В.Д. Фёдорова (ГУАК) города Кемерово прошла десятая творческая встреча «Поэзия Кузбасса — «Живые голоса», приуроченная к 15-летнему юбилею литературного клуба «Слово», действующего при Кемеровском городском совете ветеранов войны и труда. На встречу были приглашены представители действующих литературных клубов и объединений области.

Кроме кемеровчан, прибыли на встречу представители городов Мариинска, Прокопьевска (Лукьянова Л.П., Арбатская Н.В., Субботин С.В. и Гуляев А.Н.), пгт. Промышленновский и другие.

Открыла встречу руководитель клуба «Слово» Кудрявцева-Кузнецова Н.Я.

Гости поздравили с юбилеем членов клуба, вручили им подарки.

Кандидат филологических наук Решетникова Л.С. рассказала о том, что такое поэзия и зачем она нужна людям.

Барды Александр Формулевич (кемеровский литературный клуб «Слово»), Наталья Арбатская (прокопьевский союз любителей поэзии «Кузбасский родник»), Владимир Барковский (заслуженный работник культуры РФ, руководитель клуба «Русский романс») исполнили свои замечательные песни.

Прокопчанка Людмила Павловна Лукьянова рассказала о работе Союза любителей поэзии «Кузбасский родник».

Сергей Васильевич Субботин прочитал сатирическую юмореску «Бубен», сопроводив слова цирковым представлением с бубном.

Анатолий Гуляев рассказал присутствующим о работе возглавляемого им альманаха (ЛХГА) «Усятская россыпь», работающего в Прокопьевске с 2007 года; подарил клубу и присутствующим некоторые номера ЛХГА «Усятская россыпь» и несколько своих книг.

Прокопчане познакомились на встрече с интереснейшими людьми.

## «Она была в Париже...»

Руководитель кемеровского литературного клуба «Слово» Надежда Яковлевна Кудрявцева-Кузнецова родилась 16 декабря 1951 года на станции «Артышта-1» Беловского района Кемеровской области в семье солдата Победы Козулина Якова Яковлевича и первого директора Карагайлинской сельской библиотеки (заведующей избой-читальней) Александры Семёновны.

После окончания средней общеобразовательной школы № 163 поступила и окончила в 1974 году Томский политехнический институт.

В 1993 году окончила аспирантуру при КемГУ, защитила диссертацию и получила учёную степень кандидата технических наук.

Работала на Кемеровском механическом заводе; в научно-исследовательских институтах ВНИПТИМ и КемТИПП; в Кемеровском государственном университете заведовала отделом аспирантуры и докторантуры; работала в системе подготовки управленческих кадров по президентской программе. За подготовку управленческих кадров награждена Благодарностью Правительства РФ (2007г.).

Надежда Яковлевна — член Союза журналистов России, член Российского Союза писателей, лауреат премии Кузбасса, ветеран труда. Она пишет



стихи и прозу. Автор книг «Жизнь вторая» (1995г.); «Прикосновение», «Осенняя песня» (1996г.); «Президентская программа в Кузбассе» (2004г., 2007г.); «Пою Отечество моё...» (2013г.); «Солдаты и наследники великой Победы» (2015г.); «Слово, несущее Свет» (2016г.); «Жизнь молитва» (2018г., 2020г.); «МОЙ — женский взгляд, МОЙ — женский голос» (2021г.) и других. Она ответственный редактор и автор-составитель сборника «Антология самобытной поэзии Кузбасса» (Кемерово 2022г.) и нескольких других коллективных книг и сборников, автор более 200 публикаций в различных источниках, в том числе в Германии, Беларуси и США...

Работая ответственным секретарём в системе подготовки управленческих кадров по программе Президента РФ, Надежда Яковлевна бывала в служебных командировках в Германии, Англии, США, Польше, Израиле, где встречалась с тамошними литераторами и общественностью, кое-кому из них подарила свои книги...

## Отпразднуем по-русски!

Владимир Петрович Барковский родился 20 апреля 1934 года в городе Сталинске. После окончания горного факультета Сибирского металлургического института работал научным сотрудником КУЗНИУИ в Прокопьевске, принимал активное участие в художественной самодеятельности, играл на гитаре.

С 1965 года начал писать песни и романсы, сам исполнял их.

В 1967 году создал трио чтецов, ставшее победителем областного и Всероссийского конкурсов чтецов.

В 1968 году был назначен директором Дворца культуры имени Артёма в городе Прокопьевске.

С 1973 года — режиссёр агитбригад.

С 1979 года — художественный руководитель Дворца культуры имени 50-летия Октября города Кемерово.

В 1980 году создал мужской агитационно-художественный театр «ЭХО».

В 1983-м возглавил концертную бригаду самодеятельных артистов Кузбасса для поездки на спецтеплоходе ЦК ВЛКСМ «Корчагинец» по Тихому океану с целью культурного обслуживания молодых рыбаков-дальневосточников.

В 1985 году В.П. Барковскому было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

С 1999 года — он главный режиссёр Дворца культуры имени 50-летия октября города Кемерово, руководитель театра «ЭХО».

С 2006 года — руководитель студии «Русский романс» Кемеровского городского клуба ветеранов.

В.П. Барковский — лауреат и дипломант открытых городских фестивалей авторской песни (1982г.), конкурса на лучшее стихотворение, посвященное 80-летию города Кемерово (1998г.), конкурса «Поколения вместе», «Храни своё достоинство повсюду, человек!» (2005г.), «Лучший Дед Мороз» (2008г., 2011г.), областного фестиваля-конкурса самодеятельных композиторов «Песни земли Кузнецкой» (2013г.) и других.

Сценарист и режиссёр массовых праздников и городских мероприятий, поэт, певец, тамада. Увлекается живописью. Его живописные работы экспонируются на выставках «Мы — дети Галактики», в учебных и культурных учреждениях города Кемерово. Автор сборников «33 тоста — по поводу и просто», «Отпразднуем по-русски», «История России в тостах».

Владимир Петрович Барковский — заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Награждён юбилейной медалью «За доблестный труд»; медалями «Ветеран

труда», «За особый вклад в развитие Кузбасса» (3-й степени), «За веру и добро»; нагрудными знаками «Победитель социалистического соревнования», «За достижения в самодеятельном искусстве», «За заслуги перед городом Кемерово», областными и городскими почётными грамотами...

Барковский Владимир Петрович, будучи ещё молодым специалистом, после окончания горного факультета Сибирского металлургического института стал постоянным ведущим городских праздничных мероприятий в Прокопьевске, где он тогда жил и работал научным сотрудником Кузнецкого научно-исследовательского угольного института.

После победы на областном конкурсе чтецов в 1967 году руководство города предложило ему кресло директора центрального Дворца культуры имени Артёма в городе Прокопьевске.

Так он стал профессиональным культработником, о чём, как говорит его дальнейшая трудовая деятельность, не жалеет ни он сам, ни поклонники его таланта, ни коллеги по профессии всех рангов. О последнем говорят его регалии и награды: заслуженный работник культуры России, лауреат и победитель городских и областных конкурсов, дипломант 10-го Международного конкурса имени И. Маланина в городе Новосибирске в 2009 году, обладатель четырёх областных наград, кавалер «Золотого знака Кузбасса».

Но главное в нём — всё-таки не прошлые достижения, а то, что он до сих пор, несмотря на свои, как он сам о себе говорит, «Всего-то три четверти века с хвостиком» (сегодня ему 84!), ведёт активную творческую и педагогическую жизнь и деятельность: руководит студией «Русский романс» в Кемеровском городском клубе ветеранов, передаёт свой опыт студентам Кемеровского областного колледжа культуры и искусств — будущим артистам эстрады и цирка, ведёт активную творческую деятельность как сценарист, режиссёр, ведущий концертов, поэт, композитор, исполнитель собственных авторских песен и романсов.

И, как вы поймёте из этого сборника, он ещё и опытный тамада больших банкетов и маленьких застолий.

И.Н. Голоскубов — заведующий кафедрой режиссуры и актёрского мастерства Кемеровского областного колледжа культуры и искусств (Книга «Отпразднуем по-русски»: тосты-притчи в стихах. История России в тостах. Забугорные байки. За нас, жи-



вущих! - Владимир Барковский, ЦСЛК Санкт-Петербург 2019, с. 4-6).

### Жизни каждое мгновение

В 2022 году в издательстве «Академия литературного успеха» города Новокузнецка за собственный счёт автора увидело свет литературно-художественное издание, поэтический сборник (форматом 140x200, объёмом 246 страниц, тиражом 50 экземпляров) с названием «Жизни каждое мгновение», автором которого является самобытный литератор (поэт и прозаик) города Прокопьевска Лилия Григорьевна Клапатун.

*«Я жизни каждое мгновение  
хочу стихами осветить,  
Чтоб не кончалась, только крепла  
её серебряная нить!»*

Этим четверостишьем автор открыла свою новую книгу, в вводной части, обращаясь к читателю, автор говорит:

*«Дорогой читатель, и снова я с Вами!  
Вы открыли шестой сборник поэтических  
произведений Лилии Григорьевны  
Клапатун (Масловой).»*

Кто я такая? Одна из вас, живущих на планете Земля, одна из вас, живущих на просторах Великой России, одна из вас, любящих родной край, наш Кузбасс, а ведь он отметил своё трёхсотлетие; свой шахтёрский город Прокопьевск, которому в мае исполнилось 90 лет! Пусть крепнет страна, заботясь о каждом из нас, а мы своим трудом и талантами поможем ей!

В этом, шестом сборнике, я продолжила разговор на темы, которые близки каждому человеку: «О родном крае»; «Знаменательные даты»; «Калейдоскопы природы»; «Мудрость веков». После мудрых советов вы попадаете в рубрику, где автор пытается говорить о своих проблемах и перенесённой коварной болезни.

Следующий раздел посвящён поэзии, стихам, моим соратникам по перу. Счастье многолико, но человек часто его связывает с любовью. И когда вспоминает о былом, именно картины взаимной или отвергнутой любви проходят перед глазами и вновь просыпаются дремлющие чувства, испытанные когда-то. Следующий раздел посвящён любви. Следующий раздел для детей и о детях: мы все – родители, бабушки, дедушки, и наша задача не только дать жизнь нашим детям, но и сформировать в них многогранную личность. И этот процесс обоюдный, потому что дети наши заставляют и нас менять свои привычки, становиться лучше, мудрее. Завершает этот сборник раздел под названием «Поэтическая разминка», тут «Стихи – зарисовки»:

*Быть поэтом так прекрасно,  
Мысли выразить стихами!  
Этот дар ведь не напрасно  
Щедро дан был мне, как знамя...*

Клапатун Лилия Григорьевна родилась 27 мая 1949 года в Курганской области в семье ветерана Великой Отечественной войны, педагога, преподавателя русского языка и литературы, са-



мобытного поэта и прозаика Григория Васильевича Маслова.

В 1970 году Лилия Григорьевна окончила физико-математический факультет Новокузнецкого государственного педагогического института и всю трудовую жизнь проработала, как и её отец, педагогом – школьным учителем математики в школе № 5 города Прокопьевска.

Серьёзно литературным творчеством занялась после выхода на пенсию, стихи начала писать в 2003 году.

Автор шести сборников стихов и прозы: «Стихи – моё спасение» (2013г.), «Стихи и проза – два крыла» (2014г.), «Стихи дарю я, как цветы» (2015г.), «Играю я на солнечном органе» (2016г.), «Дышу поэзией» (2019г.), «Жизни каждое мгновение» (2022г.).

\*\*\*

*Летней негой июль пеленал,  
Серебрится на солнце листва,  
Вдоль тропинки роса-изумруд,  
Под ногою трава-мурава,  
Облака, улыбаясь, плывут,  
Солнце нежится в пене небес,  
Пьёт коктейль из росы на полях,  
Ароматом сосны манит лес,  
Эта сказка придёт в зимних снах.  
А пока – в Зазеркалье живу,  
В этом мире чудес каждый день,  
Эту сказку свою создаю:  
Красотой восхищаться не лень.  
Изумрудом искрится роса,  
Лучик кудри листве завивал,  
Как нежна к нам природы краса:  
Летней негой июль пеленал...*

\*\*\*

*Цветенья весны не унять,  
Стучит ветерок по карнизам,  
Берёзы танцуют опять,  
Весь воздух весною пронизан,  
Цветенья весны не унять!  
Торопится радовать цветом  
Улыбчивый, трепетный май.  
Готовит хоромы для лета,  
Украшен Сибирский наш край!  
Ах, танец берёз – он изящный,  
От чувства дрожит каждый лист...  
А воздух всё слаще и слаще,  
Пушистый ковёр – золотист.  
Украсил цветок-одуванчик  
Ковёр для берёзок-подруг,  
Зелёный обвил сарафанчик  
Стан белый, изгиб веток-рук.  
Стучит ветерок по карнизам,  
Берёзы танцуют опять...  
Весь воздух весною пронизан,  
Цветенья весны не унять!*

(«Антология поэзии – Литературные объединения Кузбасса», Т.2, стр. 182-183).

### Жизнь продолжается...

В 2023 году в издательстве «Академия литературного успеха» города Новокузнецка за собственный счёт автора (неограниченным тиражом, объёмом 264 страницы, форматом А5: 195x135) увидело свет литературно-художественное издание, поэтический сборник с названием «Жизнь продолжается...», автором которого является прокопчанин Николай Васильевич Янкин, в прошлом работник правоохранительных органов МВД и прокуратуры Советского Союза и Российской Федерации – прокурор города Прокопьевска и заместитель прокурора Кемеровской области, ныне пенсионер, заслуженный работник и ветеран правоохранительных органов РФ, председатель совета ветеранов правоохранительных органов Кемеровской области – Кузбасса.

Родился Николай Васильевич Янкин 6 ноября 1947 года в городе Прокопьевске, в 1974 году окончил Свердловский юридический институт, более сорока лет проработал в правоохранительных органах Советского Союза и Российской Федерации.

В Кузбассе знают Николая Васильевича и как благотворителя, неравнодушного и отзывчивого человека к чужим бедам и страданиям. Он постоянно оказывает материальную помощь Дому ребёнка и общеобразовательной школе № 1 города Прокопьевска, в которой по его инициативе открыт именной кабинет русского языка и литературы, учреждена ежегодная премия для лучших учеников и активистов школы. Николай Васильевич Янкин библиотеке школы № 1 подарил 50 томов художественной литературы, из личных средств оказал финансовую помощь для приобретения учебных пособий для первоклассников и т.д.

Литературным творчеством Янкин начал заниматься после выхода на пенсию, сегодня он является автором шести поэтических сборников. Открывая этот сборник стихов, автор говорит:

*«Дорогие читатели!*

*Перед вами очередной (шестой) сборник моих стихотворений. Большую часть из них составляют лирические стихотворения, посвящённые вечной теме любви. Много стихов посвящено друзьям, знакомым, коллегам по работе и знаменательным событиям. Кроме того, автор пробует себя в написании пародий и эпиграмм. Конечно, стихи далеки от совершенства, но и автор себя поэтом не считает. Зато они написаны от души и искренне.*

### Мой юбилей

*Я отмечаю день рождения  
В кругу мне близких и друзей.  
Уже с утра шлют поздравленья,  
Встречаю свой я юбилей.  
Промчались быстро мои годы,  
Болезни стали посещать.  
Утраты были и невзгоды,  
Сколь раз печалиться, страдать!  
Была изменчива Фортуна,  
На смену горю радость шла,  
Делила всё со мной супруга,*

*Длиной в полвека путь прошла!  
Спасибо дочери за внучек,  
Безмерно я их всех люблю!  
Они мне словно солнца лучик,  
И озаряют жизнь мою!  
Молитву Богу посвящаю,  
Родных и близких чтоб берё!  
И в храме свечи зажигаю,  
Чтоб в холод грел их огонёк.  
Смотрю печально в небеса,  
Слеза из глаз бежит неволью.  
За сыном вслед ушла жена,  
Без них на сердце очень больно!  
Друзьям спасибо за поддержку,  
В беде со мною рядом были.  
На верность мы прошли проверку,  
Кто был попутчиком – забыли!  
Хотел бы жить ещё я долго,  
Чтоб внучкам, близким помогать,  
Чтоб расставаться ненадолго  
И всем им Счастья пожелать!*

### Мои стихи

*Простите, критик и читатель,  
За те стихи, что я пишу.*



*Но есть у них и почитатель,  
Елей мне льёт, неся хвалу.  
В них моя жизнь и сердца голос,  
Родные, близкие, друзья.  
Как поседел уже мой волос,  
И как мне дорога семья.  
К любви людей я призывал,  
В согласье, дружно вместе жить.  
Господь ведь разум нам всем дал,  
Должны мы ближних возлюбить!  
Отдал я критику главенство,  
Словам его всегда внимаю.  
Достигну вряд ли совершенства,  
Но днём и ночью их кропаю!*

### Критик и поэт

*Как долго я терпел «поэту»!  
К тому же, сам и породил.  
Хотел я видеть в нём клевету,  
Кто мне елей на душу б лил.*

*Сначала было всё достойно,  
Стихи мне часто посвящали.  
И если был – совсем не больно,  
Всё ж политес он соблюдал.*

*Позднее тон их изменился,  
Стал чаще в них меня «кусать».  
Другой бы сразу рассердился,  
Я ж, как дурак, стал хохотать.*

*Да это было бы полдела,  
Каль это б знали он и я.  
Меня гордыня одолела,  
Жене послал стих про себя.*

*Но лучше б этого не делал...  
Узнал впервые, кто я есть!  
Утюг по мне не раз проехал.  
«Поэту» я готовлю мечь.*

*Хвалить его теперь не буду,  
Везде обструкцию создам.  
Готов я, впрочем, к самосуду.  
Пока приму на грудь сто грамм.*